

**ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ
ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
САМАРҚАНД БЎЛИМИ
АКАДЕМИК Я.ФУЛОМОВ НОМЛИ
АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ**

**ЎЗБЕКИСТОНДА
АРХЕОЛОГИК ТАДҚИҚОТЛАР
2003 - йил
4 - сони**

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
В УЗБЕКИСТАНЕ - 2003 год
Выпуск 4**

**ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES
IN UZBEKISTAN
season 2003
4 - edition**

**«Ўзбекистон миллий энциклопедияси»
Давлат илмий нашриёти
Тошкент - 2004**

В четвертом выпуске «Археологических открытий в Узбекистане» содержатся краткие результаты археологических изысканий и открытий на территории Республики Узбекистан. Сборник рассчитан для специалистов-археологов, историков, преподавателей ВУЗов и школ, для всех, кто интересуется далеким прошлым нашей страны.

ISBN 5-89-890-079-9

Тўплам Ўзбек-Олмон ва Ўзбек-Француз кўшма
экспедицияларининг ёрдамида нашр этилди

Издание осуществлено при поддержке Узбекско-Германской и Уз-
бекско-Французской археологических экспедиций

Тахрир хайъати:

Масъул муҳаррир:

т.ф.д. **Т.Ш. Ширинов**

Масъул котиб:

т.ф.н. **Б.Х. Матбобоев**

т.ф.н. **А.А. Грицина**

т.ф.н. **Ж.К. Мирзаахмедов**

т.ф.н. **Ш.Р. Пидаев**

Тақризчилар:

т.ф.д., проф. А.С. Сағдуллаев

т.ф.н. А.А. Раимкулов

т.ф.н. М.Х. Пардаев

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор:

д.и.н. **Т.Ш. Ширинов**

Ответственный секретарь:

к.и.н. **Б.Х. Матбабаев**

к.и.н. **А.А. Грицина**

к.и.н. **Д.К. Мирзаахмедов**

к.и.н. **Ш.Р. Пидаев**

Рецензенты:

д.и.н., проф. А.С. Сағдуллаев

к.и.н. А.А. Раимкулов

к.и.н. М.Х. Пардаев.

Б.М. Абдуллаев, Б.Х. Матбабаев, З.З. Машрапов.
(Самарканд, Андижан)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ АНДИЖАНСКОГО ОТРЯДА

В 2003 г. Андижанский отряд продолжил археолого-исторические исследования процессов возникновения и этапов развития урбанизации в Ферганской долине начатые в 2000 г, на примере отдельно взятого города.

В предыдущих сезонах, на Сарвонтепа - одном из нескольких древних памятников Андижана, были получены значимые результаты: в нижнем культурном горизонте найдены материалы эйлатанского периода (6-4 вв. до н.э.), а также воздвигнутые в этом же слое крепостные стены (см. Абдулгазиева, Абдуллаев, Матбабаев, 2002; Абдуллаев, Матбабаев, Машрапов, 2003). Именно эти результаты и наметили дальнейшее более полное исследование данного объекта.

Целью раскопок сезона являлось изучение остатков архитектуры верхних горизонтов, возведенных над развалинами ранней крепостной стены (в прошлом году в срезе и шурфе с северной стороны памятника были выявлены крепостные стены, возведенные на метровой платформе), которая имела три этапа развития.

Верхние горизонты восточной стороны памятника сохранились до высоты более 7 м, а западной - до 4 м. Поэтому с восточной стороны был заложен раскоп шириной 6 м, с учетом уступа на каждые 2-2,5 м. глубины, с а западной стороны раскоп имел ширину 3,5 м. (рис. 1). В результате были вскрыты архитектурные остатки шести строительных горизонтов, возведенных на руинах древних крепостных стен. За репер была взята самая высокая точка на памятнике.

Верхний строительный горизонт имел слой толщиной 30-35 см, где сохранился лишь пол 1, выложенный из фрагментов сырцового кирпича на площади 1x1,5м. Находки над 1 полом были перемешанными и представлены: фрагментом керамики с резным орнаментом растительного характера под синей глазурью; фрагменты стенок красноангобированной чаши, светло-глинянные фрагменты

¹ Описание строительных горизонтов предварительное, а их нумерация даётся сверху вниз, так как раскоп пока не доведен до основания крепостных стен.

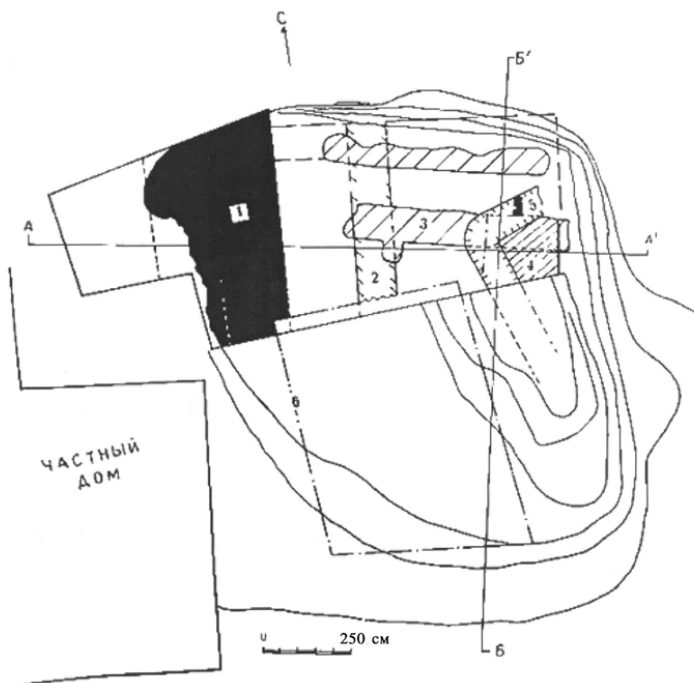

Рис. 1. План вскрытых строительных горизонтов.

1- ранние крепостные стены; 2- стены VI горизонта; 3-стены V горизонта; 4- стены IV горизонта; 5- стена II горизонта; 6- границы раскопов 80-х годов.

сосудов и светло-глинянные с черной в верхней части полосой.

Пол 1 был выстлан на развалинах 2-го строительного горизонта. Под полом были выявлены контуры стен помещения 1 из сырца (большей частью из фрагментов) 29x14x7см, с обкладкой изнутри из половинок жженных кирпичей, размером 12x?x4-5 см. Были обнаружены остатки северной и западной стен помещения 1. Западная стена с южной стороны уходила за бровку, а северная сохранилась на длину 1,7 м - её восточная часть обвалилась.

Обкладка стены помещения 1, выложенного из фрагментов жженого кирпича составляет 15, а по верху из фрагментов сырца 5 рядов. Ширина стены у основания 55, а по верху до 80 см. С внутренней стороны они выложены аккуратно, а с внешней - небрежно. Позже пом. 1 было забутовано. Стены сохранились на высоту 1,6-

1,7 м. и были врезаны в пол 2 на глубину 40-45 см. При этом до 2 пола стены помещения 1 возводились шириной в 55 см, а с уровня 2 пола были расширены до 80 см. Отсюда не соответствие ширины стен у основания и сверху. Вероятно, помещение 1 являлось склепом и было возведено на руинах 3 строительного горизонта. Материалы из заполнения помещения 1 были перемешаны и представлены глазурированным блюдом, кувшином, горшком с коричневыми узорами по светлому фону, светло-глиняным горшком, красноангобирванной шейкой и фрагментами светло-глиняной и ангобирванной керамики.

Третий строительный горизонт, видимо, имел два этапа обживания, так как от строительных остатков этого периода сохранились два уровня пола. Пол 2 подпирает северную и западную стены (с внешней стороны) помещения 1. Он выложен из фрагментов сырцового кирпича с глиняной обмазкой и связан с остатками стены на северо-восточном углу останца, по линии запад-восток. Сохранность стены в один ряд в длину 2,1 м, в пол кирпича размером 42-45x31-32x12-14см. Пол 2 сохранился на площади около 5 кв. м. В завале над полом 2 выявлены фрагменты керамики красноангобирванной и светло-глиняной, в основном стенки сосудов.

На глубине 30-35 см от пола 2 обнаружен пол 3 на уровне пола помещения 1. Пол 3 имел глиняную обмазку (с фрагментами сырцового кирпича), сохранившаяся площадь около 8 кв.м. Материалы третьего горизонта также были перемешаны и представлены красноангобирванной и светло-глиняной керамикой, а также фрагментом архитектурной резной терракоты растительного характера от пештака или мехраба. В целом материалы с этого горизонта предвительно можно датировать эпохой позднего средневековья.

Под стенами помещения 1 и третьим полом выявлены остатки 4 строительного горизонта - стена с ориентацией север-юг, при сохранившейся высоте 40-45 см, ширине 1,8 м и длине на вскрытом участке - 2,3 м. В южном направлении она уходит за бровку. Стена выложена из сырцового кирпича размером 42-45x31-32x12-11 см. К ней примыкает пол 4, покрытый глиняной обмазкой с включениями битых сырцовых кирпичей. Материалы из 4 строительного горизонта представлены красноангобирванной керамикой, характерной для поздней античности и раннего средневековья.

Под стеной и полом 4 были обнаружены остатки 5 горизонта -

две параллельные пахсовые стены в направлении запад-восток (рис. 1, 3). Стены имели сохранившуюся длину около 6 м каждая. Ширина южной стены составляла 1,1 м., при сохранившейся высоте 1 м. Северная сторона северной стены сильно разрушена, поэтому ее ширина не определена, а сохранившаяся высота составила 60-65 см. Однако, внутренняя южная сторона северной стены сохранилась удовлетворительно. Расстояние между северной и южной стенами составило 1,2 м, что соответствует ширине коридоров, имевших место в распространенной “гребенчатой” планировке зданий позднеантичного и раннесредневекового периодов (Брыкина, 1999. С. 98-99; Негматов, Хмельницкий, 1966. С. 107; Нильсен, 1966. С. 185-186). Южная стена коридора с южной стороны имела выступ шириной 75 см и длиной 80 см. Видимо, это остатки разделяющей стены двух помещений с южной стороны коридора. Заполнение коридора и “двух помещений” до начала VIII яруса составлял рыхлый завал. К стенам коридора примыкал пол 5, покрытый глиняной обмазкой, толщиной 10 см. Материалы 5 горизонта представлены красноангобированной керамикой, а также фрагментами расписной керамики (рис. 2. 1).

Исследования показали, что северная стена коридора не имела

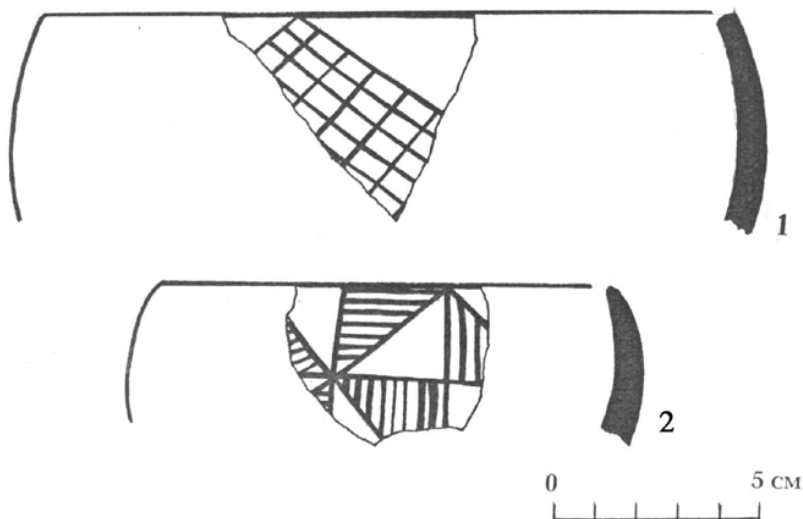

Рис. 2. Образцы расписной керамики эйлотанской культуры из Сарвонтепа (г.Андижан).

продолжения под полом 5, а южная стена продолжалась еще на 15-20 см. Под полом 5 и западным торцом стен коридора выявлены остатки шестого горизонта - стена из пахсы. Стена имела ориентацию север-юг, шириной 1,1 м, при сохранившейся длине 3 м и высоте 40 см. К стене примыкал пол 6, с которым связан сдвоенный подковообразный очаг 1 плохой сохранности, находившийся в 6,5 метрах к востоку. В южном направлении стена уходит в бровку а в северном - обрывается. На западе пол 6 доходит до ранних крепостных стен, выявленных еще в прошлом сезоне. Восточная сторона древней крепостной стены была возведена с наклоном, условно названной - "куртина" и не подвергалась большому разрушению. Для определения наличия строительных горизонтов восточнее этой стены была сделана небольшая врезка (1,5x1 м) у северного края останца, по линии наклона стены.

После XI яруса были выявлены плотные наслоения архитектурных остатков, которые не были полностью вскрыты. Материалы из "куртины" представлены красноангобированной керамикой и котлом с шишкообразной ручкой. Далее, для определения структуры кладки древней стены раскоп был продолжен в западном направлении на длину 7 и ширину 6-3,5 м. Верхний слой на этом участке представлял собой современный перемешанный грунт с высохшей строительной глиной. С X-XII ярусов были выявлены кирпичи кладки древней стены, размером 44-48x28-32x10-12 см, при толщине раствора 6-7 см. Материалы над ранними стенами представлены красноангобированной, а также фрагментами расписной керамики (рис. 2).

Западный фасад стены сильно разрушен, сохранившаяся высота составляет 2,5-3 м. У его подошвы на уровне XIII яруса выявлен плотный слой из фрагментов сырцового кирпича и пахсы, под которой шел культурный слой с примесью золы и органических остатков, однако материал представлен фрагментами стенок красноангобированной керамики.

Наличие в нижних слоях Сарвонтепе мощных древних крепостных стен указывает на его оборонительные функции на северо-западных подступах к Андижанскому оазису. В процессе раскопок было выявлено шесть строительных горизонтов функционировавших уже после разрушения древних крепостных стен.

Анализ керамики строительных горизонтов показывает, что пер-

вые три нижних горизонта предварительно можно датировать рубежом н.э. - V в. н.э., а верхние три - поздним средневековьем - XVII-XIX вв. Характерно, что почти во всех горизонтах были встречены фрагменты расписной эйлатанской керамики, которая, вероятно, указывает на распространение эйлатанского слоя на достаточно большой территории. На вскрытом участке памятника интенсивное обживание приходится к периоду античности и началу раннего средневековья.

Результаты раскопок на Сарвонтепе (2001-2003 гг.) показывают, что на территории памятника самые ранние культурные слои относятся к VI-III вв. до н.э. На этих культурных слоях возведены ранние крепостные стены, однако, для определения даты их возведения необходимы дальнейшие исследования.

Литература:

1. Абдулгазиева Б., Абдуллаев Б.М., Матбабаев Б.Х., 2002. Археологические раскопки в Андижане // Археологические исследования в Узбекистане - 2001 год. Ташкент, вып. 2. С. 4-12.
2. Абдуллаев Б.М., Иванов Г.П., Матбабаев Б.Х., 2001. Раскопки в Андижане // Археологические исследования в Узбекистане - 2000, Самарканд. С. 18-25.
3. Абдуллаев Б.М., Матбабаев Б.Х. Машрабов З.З., 2003. Десятый сезон археологических раскопок в Андижане // Археологические исследования в Узбекистане - 2002, Самарканд, вып. 3. С. 4-15.
4. Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г., 1999. Фергана // Средняя Азия в раннем средневековье. Москва.
5. Негматов Н.Н., Хмельницкий С.Г., 1966. Средневековый Шахристан. Душанбе.
6. Нильсен В.А., 1966. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (5-8 вв). Ташкент.

К. Абдуллаев
(Самарканд)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ПАЕНКУРГАНЕ В 2003 ГОДУ (Байсунский район, Сурхандарьинская область)

Археологические работы на Паенкургане проводились в августе месяце. Задачей, поставленной в этом сезоне, была нивелировка бровок, оставшихся с прошлогодних раскопок. Напомним, что исследованная южная часть памятника делилась на квадраты 4 на 4 метра и предварительные планы включали в себя сетку бровок шириной в 1 метр. Для снятия архитектурного плана целесообразным было снятие их до раскопанного уровня полов и горизонтов, осво-

божая пространства, которые они занимали. После нивелировки бровок окончательно прояснилась архитектурная планировка памятника. Подтвердилось мнение, что эта часть Паенкургана была занята под хозяйственные помещения.

Длинные помещения, пространство которых занимали ряды больших хумов (емкость их приблизительно колебалась от 200 до 300 л), вкопанных вдоль стен в суфообразные подиумы, свидетельствуют об огромных продовольственных запасах, которые хранились здесь. Скорее всего это были злаковые культуры, так как на протяжении всех раскопок попадались крупные камни от жерновов. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что одной из основной деятельностью местного населения было земледелие. Само хозяйство было, очевидно, смешанным, включавшим как земледелие, так и скотоводство.

В процессе археологических раскопок был получен богатый материал, который мы приводим ниже по категориям.

Терракотовые статуэтки. В ходе снятия бровок была собрана целая коллекция терракотовых изображений антропоморфного и зооморфного характера. Почти все они фрагментированы, за исключением одной целой; почти все они изготовлены из глины мелкой отмучки с ровным обжигом - признаки, характерные для столовой керамики. Исключение составляет одна из головок, в глину которой в значительном количестве примешаны белые частицы (мел ?), поверхность ее покрыта темно красным ангобом. Три головки, отколотые на уровне основания шеи и одна сколота посередине лица.

Головки представляют единый иконографический тип, который часто встречался при раскопках этого памятника. Высокий головной убор, перетянутый надо лбом лентой, которая проходит в основании этого убора, о таком уборе уже говорилось в предыдущих публикациях. Такой тип женских изображений, как правило, сидящих на троне был идентифицирован как образ богини Наны, популярной в кушанском пантеоне (Абдуллаев, 2000; Abdullaev, 2003). Напомним, что были найдены в большом количестве нижние части терракотовых статуэток и отдельно головки от них, но до настоящего момента ни одна из головок не подошла к корпусу. Этот факт свидетельствует о многочисленности этого типа терракот и большой популярности изображенного божества на них среди местного

населения.

В этом году был найден также фрагмент нижней части вышеописанного типа. С левого бока отчетливо виден вертикальный рельеф с поперечными вдавленными линиями в верхней части, означающими профилированную ножку трона.

Другой фрагмент, также нижней части терракотовой статуэтки, демонстрирует стоящую фигуру, облаченную в длинную юбку с центральной складкой, проходящей по центру между ног. Оттиск выполнен в неглубокой матрице, судя по низкому рельефу. Тыльная сторона не подрезана инструментом, а грубо заглажена пальцами, что придало тыльной стороне некоторую округлость.

В верхней части фрагмента по краям скола виден пояс из двух рельефных линий, под ними спадают рельефные складки, которые раздваиваются на концах. Подобная манера оформления складок была характерна для женской статуэтки (фрагмент), найденной в комплексе с монетой “варварского” Гелиокла - медные подражание тетрадрахамм. Это говорит о том, что терракоту подобного типа можно датировать концом II- I до н.э. Подобные изображения уже встречались в терракотовой пластинке Паенкурмана и было определено как образ богини Афины (Абдуллаев, 1999, рис. 2).

Следующая терракота в полной сохранности и представляет стоящую фигуру музыкантши. Нижняя часть костюма передана в виде прямых вертикальных линий. Верхняя часть менее отчетлива, слабый рельеф передает деку каплевидного инструмента. Левая рука держит гриф инструмента, между тем как правая лежит на струнах. Прическа из коротко остриженных волос, с валиком у основания обрамляет овальное лицо. Маленький рот с пухлыми губами и выражением легкой улыбки. Рельеф изображения также невысок. После оттиска подрезаны лишь бока, сама тыльная часть разглажена пальцами.

Изображение музыкантов - довольно популярный сюжет в коропластике Северной Бактрии (Вызго, 1978, 116,1), они встречались и на Паенкурмане, только изображались в сидячей позе.

Из зооморфных сюжетов можно отметить фигуру с отколотыми конечностями. Судя по треугольному очертанию скола на месте шеи, это изображение лошади. Другой фрагмент, более крупных размеров, передает заднюю часть животного, трудно сказать какого, на месте хвоста скол округлых очертаний.

Нумизматические находки. Самой ранней монетой из обнаруженных во время нивелировки бровок является медная монета, чеканенная в подражание тетрадрахам Гелиокла. Монета покрыта патиной и сильно корродирована (Д. 2,6 см). На лицевой стороне голова правителя в диадеме вправо. Обратная сторона сохранилась плохо, слева вертикальная надпись с искаженными греческими буквами.

Медная монета Вимы Кадфиза. На л.с. фигура царя перед жертвенником, на о.с. фигура Шивы перед быком Нанди. Элементы букв легенды по кругу сохранились лишь в левом поле.

Медная монета Канишки, на л.с. стоящая фигура царя перед алтарем. Легенда по кругу о.с. Шагающая вправо фигура богини Наны. В левой руке чаша, в правой тирс с протомой животного, спереди на уровне бедер расположена четырехзубчатая тамга. Имя Нана зади за спиной фигуры обрезано штемпелем.

Медная монета Хувишки, мелкого номинала (Д. 1,94 см, подражание драхме?). Л.с. стерта, возможно сидящая фигура царя со скрещенными ногами. О.с. фигура божества влево с протянутой рукой, под которой четырехзубчатая тамга, за плечами рожки полумесяца. Возможно, Мах, еще две монеты более мелкого номинала, но из-за плохой сохранности трудно поддаются определению.

Во время раскопок было обнаружено большое количество металлических изделий из железа и меди. В основном это предметы вооружения и хозяйства. Из них можно отметить наконечник копья (?), имеющий листовидную форму с сужением у основания, размер: длина 8,4 см, максимальная ширина 3,4 см, толщина 0,9 см. Железный наконечник стрелы трехгранный с черешком и опущенными жальцами, сохранившаяся длина 4,2 см.

Интересной находкой является железный колокол удлиненной формы с язычком, прилипшим к внутренней стенке и петелькой в верхней сводчатой части. Сам колокол имеет цилиндрическую форму, на некоторых участках выступает зеленая патина. По всей вероятности, в сплав добавлялась медь или другой цветной металл.

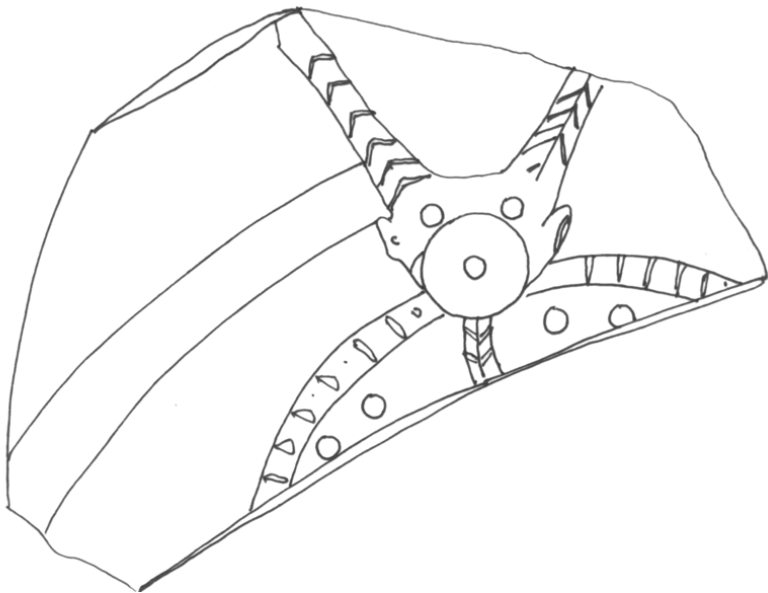
Часто встречались также удлиненные металлические полоски из меди с закругленными краями. Размеры самой маленькой полоски: 2,7 см в длину и 1,3 см в ширину; длина самой большой полоски 4,2 см. На всех по краям имеются железные клепки, судя по бурному окрасу и округлым рельефам шляпок. Не исключено, что они крепи-

лись друг к другу и составляли звенья кольчуги или другого защитного вооружения. Аналогичные пластины встречались и в предыдущие сезоны, некоторые из них сохранились спаренными, т.е. с параллельными плоскостями, соединенными железными стержнями по краям. Подобные изделия встречаются в инвентаре могильника Тулхар, Аруктау (Мандельштам, 1975), а также в комплексе сокровищницы Ай Ханума (Rapin, 1992, p. 262-263, pl. 61, 104, 105). Следует отметить, что аналогичные полосы - пластины были найдены также при раскопках арсенала Ай Ханума (материал не опубликован).

Особую категорию составляют предметы украшения. К ним мы относим бусы, перстни, подвески, амулеты. Были найдены две ракушки кауры, служившие, по всей очевидности, оберегом для женщин и средством от бесплодия. Рифленые бусины, отдаленно напоминающие тыковки, сделаны из стекловидной пасты, одна из бусин темно-синего цвета, под цвет ляпис лазури, также изготовлена из стекловидной пасты. Небольшая бусинка с отверстием отшлифована из халцедона, напоминающего по своему цвету сердолик.

Привлекает своей оригинальностью перстень. Материал, из которого он сделан напоминает своим цветом железо, хотя выступающая патина свидетельствует о том, что в сплав добавлялся цветной металл. на щитке удлинненной ромбовидной формы вырезано животное фантастического облика, напоминающее дракона. Манера изображения близка к “звериному” стилю. Перстень внизу не смыкается. Второй перстень также из железа, но значительно коррозированный, имел глазок округлой формы.

В ходе работ был собран большой материал по керамике. Керамика представлена различной категорией посуды. Здесь и кухонные горшки с вертикальными стенками и небольшими выступающими ушками в нижней части. Изготовлены они из специальной глины с обильным добавлением шамота, гипса и речного песка. Столовая посуда включает довольно крупные чаши, покрытые, как правило, ангобом красноватых оттенков, рюмки на профилированных ножках, чаши с несколькими параллельными желобками, напоминающие так называемые мегарские чаши. Вся посуда изготовлена из хорошо отмученной глины с ровным качественным обжигом. Значительное место среди столовой посуды занимают сероглиняные. Причем многие из них повторяют обычные

формы, а некоторые даже посуду крупной формы, например, двуручные горшки, миски - тагора. Однако среди сероглиняной посуды редко попадаются экземпляры высокого качества с лощением. Довольно крупные чаши приземистой формы, как правило, не имеют поддона или же он очень слабо выражен, черепок их светло-серого цвета, фактура пористая, поверхность неровная. Некоторые экземпляры как сероглиняной, так и обычной посуды, у нижней части стенок с внешней стороны имеют подрезку инструментом.

Следует упомянуть здесь фрагмент керамического ритона, сделанного судя по форме резервуара, в форме кувшина. Фрагмент окрашен в ярко-красный цвет по внешней поверхности. У основания, на месте слива, ритон украшен рельефной головкой козла или архара. Голова животного украшена длинными рогами, фактура которых показана в виде насечек. Наколками выдавлены кружочки глаз. Рот имеет вытянутую форму с приплюснутым носом и отверстием, просверленным в резервуар. От нижней челюсти вниз отходит рельефная полоска, украшенная в аналогичной манере, что и рога. Эта деталь передает, по всей видимости, бороду животного.

Основание ритона орнаментировано рельефной полоской вокруг корпуса и украшено насечками и поперечными косыми вдавлениями.

ми. Узор этот дополняется пуансонными вдавлениями. Сосуд относится, по всей очевидности, к разряду ритуальных.

Материал этого сезона продемонстрировал высокий уровень культуры населения древнего Байсуна в кушанский период.

Литература:

1. Абдуллаев К. Эллинистические мотивы в терракотовой пластике Паенкургона (Северная Бактрия) // ИМКУ, вып. 30. Самарканд, 1999. С. 126-132.
2. Абдуллаев К. К атрибуции тронных изображений в кушанской коропластике (по материалам крепости Паенкурганв Северной Бактрии) // Вестник древней истории. М., 2000.
3. Abdullaev K. Nana in Bactrian Art. In: Silk Road Archaeology and Art. Vol 9. Kamakura, 2004. (in Print).
4. Вызго Т.С. Изображения музыкантов в коропластике Дальверзинтепе // Дальверзинтепе - кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
5. Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975.
6. Rapin C. La tresorerie du palais hellenistique d Ai Khanoum // Fouilles d...Ai Khanoum. Vol. VIII, Paris, 1992.

К. Абдуллаев, А. Еркулов
(Самарканд)

ТЕТРАДРАХМА ГЕЛИОКЛА ИЗ ДЖАМА

Монета была передана в 2000 году жителем кишлака Джам Гаибназаровым. Она досталась сыну после смерти отца Нормуроода Гаибназарова, который, к сожалению, не оставил какого-либо сообщения об условиях и месте находки монеты. Предположительно монета могла быть найдена в окрестностях Джама, где сосредоточены некоторые археологические памятники. К последним можно отнести небольшое поселение Азартепа, расположенное в восточной части кишлака Джам. В настоящее время тепа занято старым кладбищем и вести на нем какие-либо археолого-разведочные работы не представляется возможным. Другим объектом, заслуживающим внимания, является урочище Коразов, которое, судя по рассредоточенным небольшим холмам, представляло собой также сооружения искусственного характера, возможно, небольшие жилища. Керамика, собранная на поверхности этих холмов, близка по своему облику к кушанской посуде. Следует также упомянуть найденную недалеко от Джама в кишлаке Хаприн тетрадрахму селев-

кидского царя Антиоха I, опубликованную в пятом выпуске “Нумизматики Центральной Азии” (Абдуллаев, 2000. С. 11-13). Следует отметить также просочившуюся информацию о находке в близлежащем Сазагане в предгорной зоне клада селевкидских монет, которые, к сожалению, исчезли бесследно. Все эти факты свидетельствуют об исключительной важности изучения этой зоны, несомненно, представлявшей в древности пограничную часть между степной зоной и зоной земледельческой культуры.

В силу редкости данного типа монеты представляется целесообразным ее подробное описание. Размеры: Д.2,97 см: Т. 0,4 см. Вес: 16,97 г.

Л.с. Голова царя вправо, лицо довольно молодое с выступающим вперед прямым носом, плотно сжатыми губами и несколько заостренным выдающимся вперед подбородком. Шея короткая и довольно полная. Голова украшена диадемой, показанной в виде двух параллельных рельефных линий. На затылке диадема завязана в узел; один конец опущен вниз от узла, другой (верхний) имеет сначала изгиб. Верхняя часть прически состоит из коротких, свободно расположенных букалей. Ниже диадемы волосы показаны менее рельефно: небольшая челка спускается на лоб, очень короткие пряди на шее, ушная раковина открыта.

Драпировка гиматия передана несколькими лаконичными линиями. Спереди край драпировки показана в виде буквы S в зеркальном отражении. Из верхней части изгиба расходятся веерные складки и к этому же изгибу притянута складка плаща из-за шеи. Изображение на л.с. заключено в ободок из рельефной пунктирной линии.

О.с. Стоящая фигура Зевса. Левая рука, поднятая до уровня го-

ловы, опирается о копые, правая опущена и держит пучок крылатых молний. Под фигурой горизонтальная черта, означающая землю. Монограмма помещена справа от фигуры в нижней части, под пучком молний и представляет собой букву с перекладиной, расположенной чуть пониже центра; слева от верхнего угла отходит по диагонали прямая; от левой вертикальной линии под прямым углом до середины монограммы отходит другая линия. Концы всех линий оканчиваются небольшими округлыми утолщениями. Легенда из трех строк: по вертикали справа - ΒΑΣΙΛΩΣ, слева - ΗΛΙΟΚΛ ΟΙΣ, снизу - ΔΙΚΑΙΟΥ.

Ниже мы приводим некоторые элементы в оформлении монеты, которые не совсем соответствуют стандартам в чекане подлинных выпусков Гелиокла, хотя подлинность нашей монеты не вызывает сомнения. На лицевой стороне ободок не везде четкий, волосы ниже диадемы слегка расплывчаты, хотя такое отклонение не нарушает общей иконографии. Как демонстрируют монеты, приведенные в каталоге М. Митчинера форма завитков имеет различные вариации (Mitchiner, 1975, type 284, p. 160). Обратная сторона демонстрирует незначительные отклонения, которые, впрочем, также не влияют на общее высокое качество чекана. Это касается, в первую очередь, головы божества, переданной в условной манере. В легенде имеются некоторые искажения буквы сигма и омеги, в конце слова *баселеос* последняя сигма слита в сплошной неразличимый рельеф. Эта же буква в имени царя также несет в себе искаженные элементы.

Как уже отмечалось выше, тетрадрахма греко-бактрийского царя Гелиокла является одной из наиболее редких монет, находимых к северу от реки Амударья. В сводке, данной в монографии Е.В. Зеймаля, вышедшей в 1983 году, автор отмечает отсутствие подлинных монет этого царя. Из поля зрения автора выпала монета, приведенная в Каталоге монет Южного Узбекистана (1981). Серебряная драхма царя Гелиокла была обнаружена в помещении 93 на цитадели во время раскопок городища Кампыртепа (Д. 1,7 см; вес 3,1 г.) (Древности Южного Узбекистана, 1991, № 258. С. 309).

В 1992 году вышла книга О.В. Обельченко “Культура Античного Согда” в котором автор привлекает обширный материал, полученный им в течение многих лет исследований курганных могильников Самаркандского и Бухарского Согда. При раскопках курга-

нов Кызылтепинского могильника (Бухарская область), а именно кургана № 14, была обнаружена монета. Ниже мы приводим обстоятельства ее находки, опираясь на описание автора раскопок (Обельченко, 1992. С. 56-57, фото). Курган диаметром 14 см, высота 0,9 м. В центре находилась яма, ориентированная с северо-востока на юго-запад. Длина м.я. 3,6, ширина 0,9 м, вдоль восточной стены на глубине 1,1 м устроена ступенька высотой 0,65 м, шириной 45 см. в западной стенке сделан подбой, заложённый камышом и фрагментами сырцового кирпича. Ширина подбоя 0,8 м, высота 35 см. "...Около таза (скелета) находилась пластинчатая пряжка из железа и железное кольцо. Кольцо круглое в сечении диаметр 2,5 см. Пряжка плоская, один край обломан, ее длина 10 см, ширина 4 см. Тут же лежали бусины из розоватого камня каплевидной формы с отверстием в узкой части и серебряная монета с портретным изображением на одной стороне и фигурой в обрамлении надписи - в другой. Вес монеты 12,29 г. Рядом обнаружен наконечник стрелы с опущенными жальцами и обломанным черешком, а около железной пряжки - два бронзовых гвоздика с полусферическими шляпками".

Судя по фотографии, можно сделать некоторые существенные дополнения к описанию монеты. Во-первых, исключительная реалистическая манера в передаче портрета, а также аккуратно выполненный рельефный ободок не вызывает какого-либо сомнения в том, что перед нами монета самого Гелиокла, а не его подражание. Обратная сторона также демонстрирует "нормативную" иконографию с реалистично выполненной фигурой Зевса, задрапированной в плащ. Только в написании легенды можно наблюдать некоторые отклонения, как укороченные элементы у "каппы" и уменьшение "омикрона". Однако эти "недочеты" отнюдь не влияют на достоверность изображений. Интересна монограмма, помещенная под горизонтальную строчку легенды в виде треугольника. Монограмма данного типа передает по схеме М. Митчинера монетный двор в Балхе (Mitchiner, 1975, p. 160). Однако тем более странным кажется вес, приведенный автором - 12,29 г (?) - вес, который существенно отличается от аттического стандарта. Размеров автор не приводит. Только расхождение в весе может вызвать сомнение в подлинности чекана Гелиокла.

Таким образом, к настоящему времени стали известны 4 монеты

греко-бактрийского царя Гелиокла, место находки которых можно твердо локализовать к северу от Амударьи. Конечно же, едва ли можно допустить, что эти монеты были в полноценном обращении при правлении Гелиокла. Скорее всего, они попали на территорию Согда и Северной Бактрии позже, а если даже и в период правления этого царя, то с массой, которая обращалась к югу от Амударьи. Многочисленные медные подражания тетрадрахам и драхам Гелиокла с их разветвленной подражательной линией и длительностью обращения скорее всего свидетельствуют о своеобразной политической ситуации к северу от реки Амударьи в предюэчжийский и юэчжийский периоды (Абдуллаев, 1999).

Литература:

1. Абдуллаев К. Еще раз о подражаниях монетам Гелиокла (К вопросу о политической истории Бактрии во второй половине II в. до н.э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VIII. Москва-Магнитогорск, 1999. С. 368-377.
2. Абдуллаев К. Тетрадрахма Антиоха I из Хаприна (Джам). Нумизматика Центральной Азии. Вып. 5. Ташкент, 2000. С. 11-13.
3. Древности Южного Узбекистана. Каталог. Университет Сока, 1991.
4. Обельченко О.В. Культура Античного Согда. М., 1992.
5. Mitchiner M. Indo-Greek and Indo-Scythian coinage. Vol. 2. London, 1975.

К. Абдуллаев, Л. Станчо
(Самарканд, Прага)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ДЖАНДАВЛЯТТЕПА

Археологические работы на Джандавляттепа проводились в октябре 2003 года и в основном сосредотачивались на объектах предыдущего сезона. Работы велись на раскопе № 7, руководимом Л. Станчо с участием студентов Кристины Урбановой и Якуба Халама. Объектом археологического изучения были ворота и превратные сооружения древнего города (объект 4). Раскопки на этом объекте проводились под руководством Ш. Шайдуллаева и В. Рузанова.

В этом году был заложен новый объект раскопок, который идет под №2а (ответственный за этот раскоп К. Абдуллаев). Это стратиграфический шурф в северо-восточной части городища, который был намечен рядом со старым шурфом 1993 года, значившийся ранее под № 2. Керамика шурфа зачерчена Е. Бадановой. В качестве

рабочей силы были привлечены жители кишлаков Сеитабад и Аккурган Шерабадского района.

Объект 2а - стратиграфический шурф. Шурф был разбит несколько южнее старого шурфа 1993 года, выбор данного места был обусловлен следующими обстоятельствами. Рельеф данной части городища представляет собой склон оврага, образованного смывом стекающих с городища вод. Это место было удобным для разреза культурных напластований от высшей точки рельефа до дна обрыва. В отличие от предыдущего шурфа шурф 2а был раз-

бит на ширину 5 м, что позволило, во-первых, найти внутреннюю грань городской стены и прихватить пространство внутри города, во-вторых, такая ширина раскопа позволяла получить надежный и богатый материал для создания стратиграфической шкалы. Забегая вперед, скажем, что поставленная задача была выполнена.

Шурф выбирался мелкими слоями (выборками) по 10 см, материал фиксировался и шифровался. Подобная методика позволяет фиксировать характер культурных напластований в стратиграфии древнего города, в то же время составлять керамическую колонку и дать эволюцию форм от нижних слоев до последней фазы обживания города.

Представляется целесообразным дать общую картину культурных слоев данного шурфа. В силу того, что шурф был распланирован на склоне оврага, он имеет разрезы восточной, северной и южной стен. Он делится на верхнюю и нижнюю части. Ширина его

5 м, длина колеблется в зависимости угла склона. Наиболее полную картину дает восточная стена.

Верхний дерновый слой имеет смешанный характер. Далее от северо-восточного угла на расстоянии 60 см следует край погребальной ямы. От дневной поверхности яма идет на глубину 1 м, ширина ее по фасу 155 см. Контур ямы в ее южной части расширен на глубину 50 см. выше подстилает рыхлый слой с включением обломков керамики, угольков и костей животных далее все пространство восточного фаса шурфа перекрывает мощный слой, представляющий собой структуру, включающую обломки кирпичей, мелкие обломки костей животных, куски глины зеленого, красного цветов. Этот слой дал керамику разного типа, включая фрагменты греко-бактрийской (слой № 1). На глубине 85 см зафиксирован мусорный слой (№ 5) мощностью 55 см, который вклинивается в компактный слой, описанный выше. Под ним возобновляется твердый слой № 1. В 170 см от дневной поверхности следует горизонтальный слой мощностью 22 см однородного характера с включением мелких угольков (слой № 6). На глубине 260 см раскопки были приостановлены, так как далее шел очень твердый компактный слой протяженностью 350 см в западном направлении. Оставив эту часть в виде ступени, разрез был продолжен в северо-западном направлении.

Нижний раскоп. В восточной грани раскопа был расчищен контур городской стены. Стена является продолжением городской стены, часть которой была расчищена в 1993 году Узбекско-Германской экспедицией. Ориентирована она в направлении северо-восток - юго-запад и следует вдоль оврага. Стена имеет ту же структуру, что и ранее открытая часть. Она сооружена из полосок лесса красноватого цвета без единого стандарта полосы от 20 до 52 см в длину и 10 см в ширину. Большая часть этих полосок - гувальяка имеет толщину 10 см, но имеются и по 12-15 см. Между гувальяками промазка серого цвета толщиной 2-3 см. Стена выступает от грани раскопа примерно на 160 см. Кирпичи на этом участке стены расположены наклонно. На глубине 70 см от верхней грани городской стены расчищен массив, состоящий из крупных кусков глины, сырцовых кирпичей формата 32x32x12. Массив примыкает перпендикулярно городской стене.

К основанию массива (контрфорса) примыкает мощный одно-

родный слой высотой 115 см (№ 20). В некоторых участках слой включает зольные линзы 10x60 см. Этот слой лежит на плотном мощном слое (№ 22), включающем большое количество керамики, зернотерок, ручной мельницы, монет (Евкратид, Канишка, Васудева). Слой мощностью от 25 до 50 см лежит на одном уровне с кладкой из сырцовых кирпичей квадратного формата 32x32x10. Расчищено два горизонтальных ряда кирпичей. Кладка зафиксирована в северной оконечности раскопа.

Шурф был доведен до глубины 755 см. Самые нижние слои шурфа дали керамический раннеэллинистического времени. В процессе закладки стратиграфического шурфа был получен богатый материал, включающий керамику (нередко в археологических цельных формах), каменные изделия, монеты, терракотовые статуэтки, наконечники стрел, каменные и керамические пряслицы, глиняные грузила для ткацких станков, украшения и т.д.

Среди находок хочется выделить терракотовое изображение женского божества. Статуэтка представлена лишь верхней частью, изготовлена из глины грубой отмучки с обильным включением частиц гипса или мела. Из-за плохого качества глины поверхность терракоты стерта и многие детали неразличимы. Тем не менее некоторые важные элементы позволяют идентифицировать ее с образом богини Наны. Удлиненное лицо с раскосыми вытянутыми висками, очертаниями глаз и бровей, небольшой рот с припухлыми губами сближают эту терракоту с довольно распространенным типом женских изображений северной Бактрии (Абдуллаев, 2000; 2003). Прическа из коротких прямых волос до уровня подбородка. Интересным элементом головного убора является изображение полумесяца рожками вверх, помещенного над прической. Между рожками помещен округлый рельеф, означающий солярный знак. От этих символов веерообразно расходятся линии. Слабо выраженный рельеф, передает правую руку, прижатую к груди и держащую неразличимый атрибут.

Другой фрагмент терракотовой статуэтки передает женскую головку, но в отличие от вышеописанной, черты лица трактованы несколько в иной манере. Во-первых, разрез глаз имеет на данном образце горизонтальную и более широкую форму, во-вторых, несколько отлична и форма прически - она более приземиста и не имеет символов. Тем не менее, на этих двух экземплярах можно

проследить и много общих элементов. Например, те же прямые волосы, постриженные на уровне подбородка, тот же овал лица с маленьким ртом с пухлыми губами. Интересно отметить, что лунный символ с рожками вверх помещен посередине лба и выделен рельефно. По всей вероятности, это подвеска или татуировка. Во всяком случае, нет сомнений, что две эти терракоты относятся к одному изобразительному циклу. Относительно датировки можно сказать следующее: первая терракота была найдена в раннекушанских, вернее в юэчжийских слоях и датируется второй половиной I в. до н.э., между тем как вторая была обнаружена в комплексе с монетой Кадфиза, Канишки т.е., головку можно датировать I-II вв. н.э.

Среди других находок следует отметить бронзовую ажурную пряжку со сквозным орнаментом кочевнического типа. В этом же комплексе была найдена примитивная вылепленная от руки фигурка всадника с характерным лицом, выполненным методом защипа и глубоко просверленными глазами. Из нумизматического материала можно выделить квадратную бронзовую монету Евкратиды, на лицевой стороне которой изображена царя в шлеме вправо; две монеты “варварского” Гелиокла - медные подражания тетрадрахмам. На одной из них четко читается на лицевой стороне портрет царя в диадеме вправо, на оборотной стоящая фигура Зевса, легенда читается в две вертикальные строки, от горизонтальной строчки различимы только AI... Судя по реалистическому изображению божества, а также форме буквы “сигма”, подражание относится к раннему типу. Из других монет были встречены также монеты Канишки, Хувишки, Васудевы.

В процесс раскопок был собран комплекс каменных, стеклянных и металлических украшений. Бусины из стеклянной пасты различных цветов, бусина в виде миниатюрного изображения скарабея со сквозным отверстием, изготовленная из лазурита. Была найдена граненая заготовка из аметиста.

Был собран богатый керамический материал от миниатюрных сосудов до крупных форм типа хумов. Большая часть изготовлена на гончарном круге в виде зигзагов и концентрических линий.

Раскоп № 7.

Работы на этом объекте были продолжены с целью выяснения архитектурно-планировочной структуры самого высокого по релье-

ефу холма в части шахристана. Здесь были разбиты новые квадраты 4 на 4 м с бровкой шириной в 1 м с восточной и с южной сторон старого раскопа. После фиксации обнаруженных могил позднесредневекового периода, которые прорезали культурные слои и архитектурные остатки, раскопки этого сектора были продолжены вглубь. На глубине примерно 80-100 см была расчищена платформа, которая являлась продолжением платформы предыдущего сезона. Платформа сооружена из сырцового кирпича квадратного формата со стороной 32 см и толщиной 10-12 см.

В этом сезоне были продолжены работы в прошлогоднем раскопе. Оконтуренная хорошо сохранившаяся стена была расчищена вглубь до основания, представлявшего пол с тонкой глиняной обмазкой. Стена, таким образом, сохранилась на высоту 150-150 см и была сооружена из сырцовых кирпичей квадратного формата 32 на 32 см, с толщиной 10 см. Расчищенный участок стены ориентирован с востока на запад. Следов штукатурки и побелки не обнаружено. Тем не менее, можно сказать, что стена, по всей очевидности, относится к какому-либо монументальному сооружению или огораживает какой-либо архитектурный комплекс светского или же культового характера. В пользу такого предположения может свидетельствовать также и мощная платформа, выложенная из сырцовых кирпичей.

В процессе раскопок объекта 7 был получен значительный керамический материал позднекушанского периода. Среди керамики, в основном столового типа, встречаются невысокие чаши лощеные по красному ангобу с налепами под венчиком в виде головы льва. Штампованная керамика украшена оттисками розеток различных конфигураций. На одном из фрагментов имеется отпечаток печати (гемма?) с изображением оленя. Здесь же было найдено множество костяных заколок, судя по хорошей сохранности и желтоватоматовому оттенку, они могли быть изготовлены из слоновой кости. В культурных напластованиях были найдены медные монеты кушанского типа (находятся в стадии обработки).

Объект 4.

Предвратные сооружения и ворота древнего города, как уже отмечалось в отчете предыдущего года, выделяются в рельефе городища в виде полого оплыва, спускающегося с его юго-восточного угла в южном направлении и обращенного к современной дороге

Шерабад - Термез. В 2003 году работа была сосредоточена на гребне стены древнего города, примыкающей к вышеуказанному оплыву (пандус). Здесь была расчищена внешняя грань городской стены, вертикально спускающаяся вниз. Были оконтурены башни прямоугольной формы с бойницами. На данном этапе рано говорить о форме и размерах этих конструкций, так как окончательно они еще не раскопаны.

Раскопки этого года показали перспективность археологического изучения Джандавляттепа, представляющего один из крупных памятников среднего течения Шерабаддарьи.

Помимо стационарных раскопок, отряд выезжал для ознакомления с археологической ситуацией прилегающей зоны. Так, в одном из воскресений была совершена археологическая разведка в район кишлака Пашхурта, расположенного восточнее районного центра Шерабада. В 10 км южнее Пашхурта у подножия отрогов Кугитангтау Ходжаабдуш расположено селение Газ. В его центре можно видеть расположенные в ряд конструкции для сбора воды кяризы, они выкопаны на расстоянии 30-40 мм друг от друга. В настоящее время кяризы не функционируют, но местное население знакомо с такими сооружениями и их назначением. В школе №23 хранилась каменная ступа, найденная на территории прилегающего участка. Ступа выдолблена из камня и имеет цилиндрическую форму. По внешней поверхности гравированные знаки.

На восточной оконечности селения Газ расположена каменная крепость Кала Кырк Кыз. Крепость в плане подтреугольной формы, на некоторых участках выступают стены, сложенные из местной породы камней. К очень высокой крепости - скале примыкает небольшой шахристан, поверхность которого изобилует керамикой. Она была собрана на поверхности памятника и на прилегающих участках и относится в основном к античному времени.

Сам памятник находится на выходе из ущелья, огороженного противостоящими склонами Пиштыкора и Чигыл и омывается с восточной стороны Шорбулоксаем (с соленой водой).

Литература:

1. Abdullaev K., Stanco L. Djandavlattepa: Preliminary report of the 2002 excavation season // *Studia Hercynia VII*, 165-168.
2. Абдуллаев К.К атрибуции тронных изображений в кушанской коропластике // ВДИ., 2002, № 2.
3. Abdullaev K. Nana in Bactrian Art // *SRAA*, vol. 9. Kamakura, 2003

Н.У.Абдулахатов
(Фарғона)

ҚУВАДАН ТОПИЛГАН СОПОЛ ПАРЧАСИДАГИ ТАСВИР

Маълумки, қадимги Кува шаҳристонида олиб борилган археологик қазишмалар чоғида топилган осориатикаларни Ҳиндистон, Шарқий Туркистонда аниқланган материлларга ўхшашлиги, ўрта асрларда улар ўртасидаги маданий-иқтисодий алоқаларни янада ривожланганлигини кўрсатади (Булатова, 1972. 79-бет). Бироқ Кува топилмаларини ўзига хос томонлари борки бу ҳақда тўхтаб ўтиш лозим бўлади.

2002 йили Кува шаҳристони шимоли - шарқий қисмида Г.П. Иванов бошчилигида олиб борилган навбатдаги қазишмалар чоғида 280 см чуқурликда дуч келинган VII асрга оид 1-хонадан дм 6 см эни 0,4 см катталиқдаги қолипланган сопол парчаси топилган эди (расм-1). Ушбу сопол парчасига қизил ангоб суртилган бўлиб унда 4x4 см катталиқда рамка туширилган. Рамканинг атрофи эса нуктасимон нақшлар билан ўраб чиқилган. Рамканинг юқори қисмига ислими нақшлар берилган. Унинг марказий қисмида меҳроб ичида чордона ўтирган одам қиёфасининг тасвири акс этирилган. Бироқ одам оёқлари ўрнида гуллар тасвирланган. Сопол парчасидаги тасвир буддавийлик динидаги илоҳлардан бирининг сиймосини эслатади.

Бунга қадар Кува туманидаги Карки-дон сув омбори қурилиши чоғида топилган бронза шокилада ҳам худи шунга ўхшаш жиҳатлар қайд этилган бўлиб, Н.Г. Горбунова бу ҳақда қуйидагиларни келтирган эди: “Мазкур бронза шокила тумор вазифасини бажарган бўлиши мумкин. Чунки унда қайсидир илоҳнинг тасвири туширилган. Бироқ уни аниқ бир динга тегишли эканлигини айтиб бўлмайди. Эҳтимолдан ҳоли эмаски, биз бу ерда маҳаллий илоҳларни буддавийлаштирилган кўринишига дуч келганмиз” (Горбунова, 1987. 92-93-бет). Қизиғи шундаки, ушбу илоҳнинг чап елкасида ярим Ой ва ўнг елкасида Қуёш ҳам акс этирилган. Ҳолбуки, Буддавийлик динилаги илоҳларнинг иконографиясида Ой ва Қуёш тасвирига дуч келинмаган. Аксинча Ой ва Қуёш илоҳлари Марказий Осиёдаги маҳаллий илоҳларга хос белгилар бўлиб, улар Шарқий Туркистон, Хоразм, Панджикент ёдгорликлардаги суратларда учрайди (Негма-

тов, 1984. 157-бет). Бинобарин исломга қадар Қува аҳолисини Зардўштийлик динига эътиқодликларини археологик топилмалар исботлайди. Чунончи, ярим Ой Зардўштийлик динидаги фаровонлик маъбудаси соҳибжамол Анахитанинг рамзий белгиларидан бўлган (Рапопорт, 1974. 106-бет).

Зардўштийлик динидаги яна бир илоҳ Митра Қуёш худоси эканлигини назарда тутсак, Қува аҳолиси дунёқарашда Ой ва Қуёш маълум бир рол ўйнаганлигига шубҳа қолдирмайди. Чунончи қадимги фарғоналикларни исломдан аввал Ой ва Қуёш сингари осмон ёрит-қичларини илоҳийлаштирганликларини ёзма манбалар ҳам тасдиқлайди. Жумладан ўрта аср араб ёзма манбалари Фарғона водийсида осмон жисмларига атаб ибодатхоналар қурилганлигини айтиб ўтганлар. Араб тарихчиси аш-Шахристониининг ёзишича, Фарғонанинг пойтахтида Қуёшга атаб қурилган ибодатхона бўлган. Бу ибодатхона “Қовус уйи” деб аталган. Сабаби, унинг Қовус исмли шоҳ қурдирган экан. Мазкур ғаройиб ибодатхонани кейинчалик халифа Муътасим (833-842) буздириб ташлаган (Беленицкий, 1959. 33-бет). Қолаверса, Фарғонада “маъжусийлар томонидан Аторуд (Меркурий) сайёрасига атаб қурилган ибодатхона”си ҳам бўлган экан. Ушбу ибодатхона халифа Муътасим томонидан буздириб юборилган. Меркурий ибодатхонасини қоқ ўртасида тўрт оёқли тахт бўлиб унда қимматбаҳо металллар ва хитой лойидан ишланган санам, яъни бут-ҳайкал қад кўтариб турган (Булатова, 1972. 88-бет). Қолаверса, ўрта асрлардаги қувалик хунармандлар яратган ҳар бир буюмда қадимги илоҳларнинг тасвирини жумладан осмон ёриқичларига оид белгиларни ифодалаш анъанавий тус олган эди (Вархотова, 1964. 37-бет). Бу эса хунармандчиликда ҳам диний қарашлар муҳим аҳамият касб этганлигини кўрсатади. Демак сопол парчасида маҳаллий илоҳларга хос рамзлар буддавийлик иконаграфияси орқали тасвирланган бўлиши

мумкин. Ушбу сопол парчасида Будда илоҳи сочини юкорига бир тутам қилиб турмаклаган бўлиб, Буддани “тафаккурга чўмган ҳолати” тасвирланган. Будданинг ушбу иконаграфик кўриниши Бактрия ва Ҳиндистон тасвирий санъатида кенг тарқалган (Пидаев, 1989. 49-бет). Бироқ Буддани каноник тасвирида фарқлича, унда Буддани оёқларини чордона қилиб ўтирган ҳолати эмас, балки оёқлари ўрнида нилуфар гулли ифодаланган. Бу эса ўз навбатида Будда илоҳларидан бири бўлган оламни яратувчи ва меҳрибонлик худоси Авалокитешварага хос белгиларни англатади. Бинобарин қадимдан Авалокитешвара аксарият ҳолларда нилуфар гули билан биргаликда турган ҳолати ифодалаб келинган (Булатова, 1972. 87-бет).

Будда илоҳлари иконаграфиясида буддавийликка хос бўлмаган худолар рамзларнинг ифодаланиши хусусида А.М. Белиницкий ва Б.И. Маршак шундай хулосага келишган эди: “Панжикентдаги буддавийликка хос бўлмаган иконаграфиядан шуни англаш мумкинки, ҳинд илоҳлари буддизм орқали маҳаллий диний системага қабул қилинган” (Белиницкий, Маршак, 1976. 79-бет).

Қувадан топилган сопол парчаси бизга исломдан аввал Қувада шахрида буддавийлик дини маҳаллий динлар билан уйғунлашган ҳолда фаолият кўрсатганлигини яна бор исботлайди.

Адабиётлар:

1. Белиницкий А.М, Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии (Древность и средние века). М., 1976.
2. Булатова В.А. Древняя Кува. Ташкент, 1972.
3. Вархотова Д.П. Об одном керамическом блюде VII-VIII вв. из Кувы // СА. №3, 1964.
4. Горбунова Н.Г. Памятники Керкидонской группы в Южной Фергане (Мытти-Курган и Чун-тепе) // СА, № 28. Л., 1987.
5. Негматов Н.Н. Божественный и демонический пантеоны Уструшаны и их индоиранские параллели // Древние культуры Средней Азии и Индии. Л., 1984.
6. Пидаев Ш.Р. На раскопках Аккурмана // Вехи времен. Ташкент, 1989.
7. Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма, М., 1971.

А.А. Анарбаев, Т. Ререн, Ф.А. Максудов
(Самарканд, Лондон)

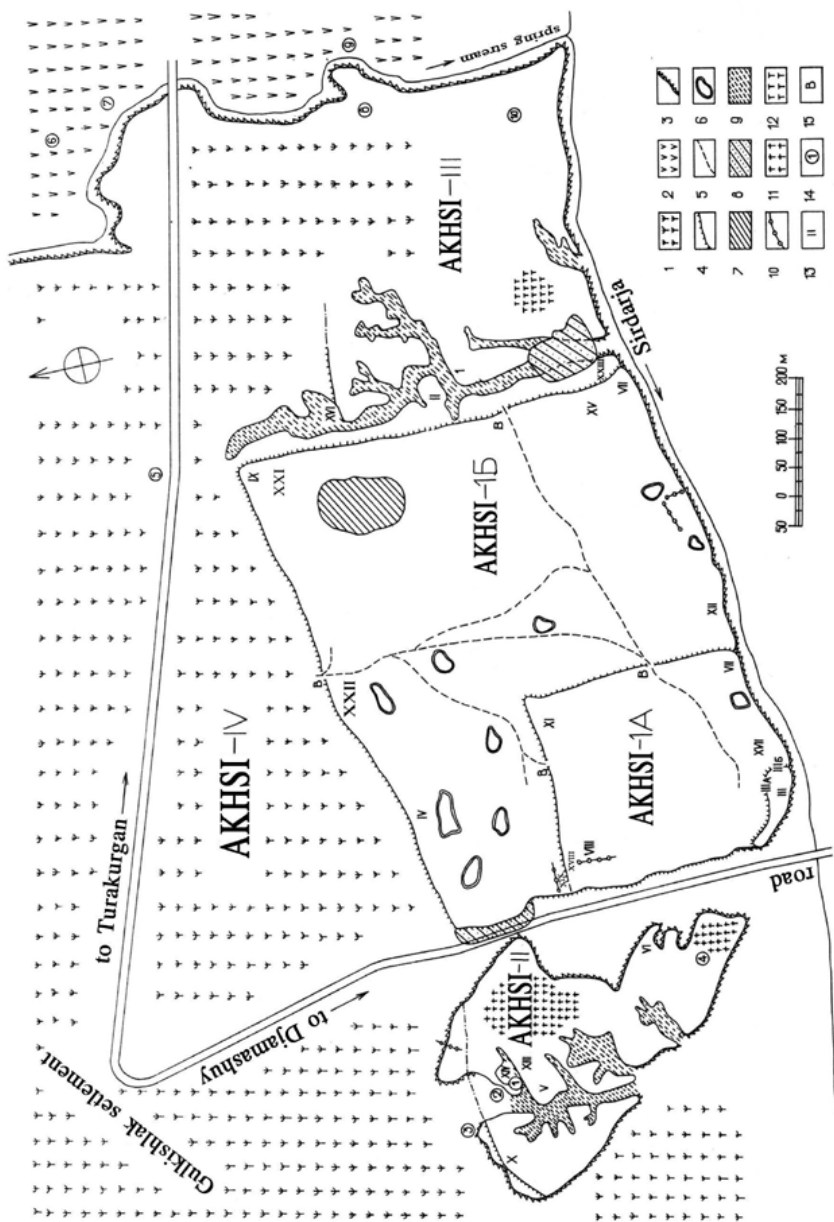
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ АХСИКЕТ

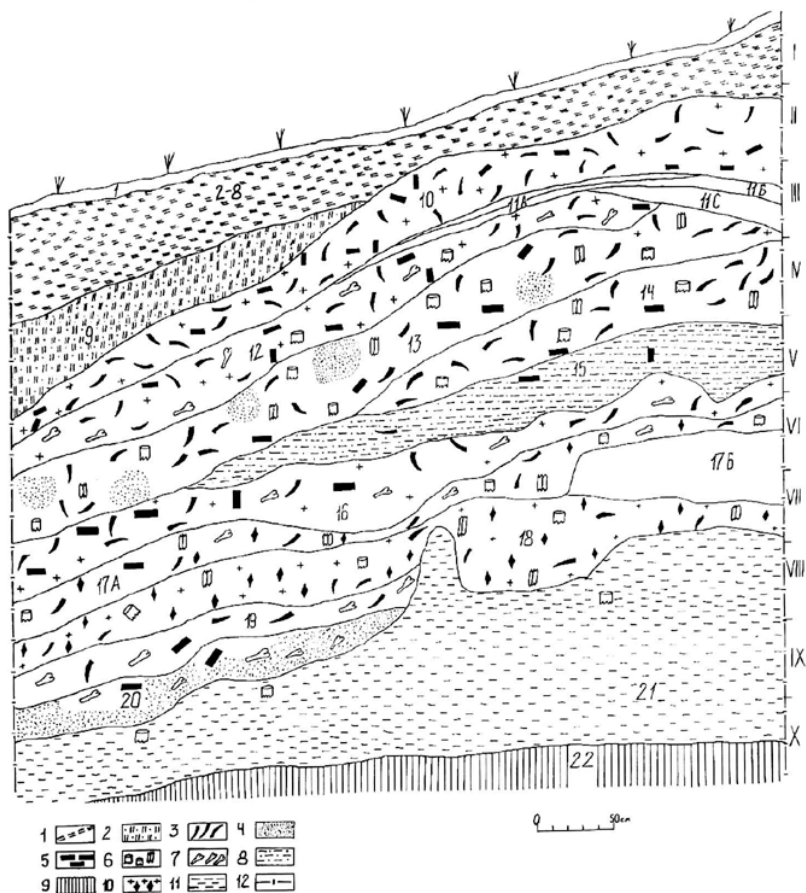
Руины древнего домонгольского Ахсикента (Ахсикета) расположены на правом берегу Сырдарьи, на месте городища Эски Ахси (Старый Ахси), в 25 км к юго-западу от г. Намангана, рядом с селениями Гуль-Кишлак и Шаханд. В настоящее время установлено, что городище Эски Ахси состоит из остатков цитадели, шахристана (Ахси IА, Ахси IБ) и рабада (Ахси II, Ахси III) (Рис. 1).

В 2003 году были продолжены археологические исследования на городище Эски Ахси. Основной целью сезона этого года являлось получение стратифицированных и датированных образцов тиглей, тигельного шлага, одновременной керамики и угольков в мастерских на территории всего городища. Дальнейшая работа состояла в завершении цифровой GPS-карты городища, позволяющей впервые локализовать специфические качества памятника с точностью до нескольких метров.

Основными являлись Объект 23, находящийся на Ю-В городища и состоящий из 12 археологических слоев, датирующихся с начала X до начала XI веков, а также Объект 9 с материалом, датирующимся в основном 12 веком, который исследовался ранее. С двух малых объектов были взяты образцы без раскопок, для подготовки возможных раскопочных работ в следующем сезоне. Предварительное изучение материала показывает, что в средневековье здесь происходило систематическое развитие форм тиглей и возможно были стилистические различия между продукцией различных мастерских.

Прошло более 15 лет как Средняя Азия стала считаться основным регионом производства тигельной стали в археологии (Анарбаев, 1988; Папахристу и Сверчков, 1993; Фейербах и др. 1997, 1998; Ререн и Папахристу, 2003) с центром в Ахсикенте в Ферганской долине в качестве ключевого памятника (Анарбаев, Ререн, Папахристу, 2000). Организация производства за пределами древнего Ирана, в частности, пространственное и хронологическое развитие изменяющегося Ахсикента в период IX-XIII веков оста-

ся слабо изученным.

Участок напротив восточной стены шахристана, имеющий уклон в сторону восточного каньона, в прошлом году был обозначен участком с большим количеством фрагментов тиглей с хозяйственной и другой керамикой. Участок имеет длину около 140 метров по направлению С-Ю и почти полностью покрывает всю прибрежную территорию, имеет археологические слои с ясно видимым профилем, срезанным каньоном. Эта территория представляет собой самое большое скопление тигельных остатков, известное на данный момент, около половины от общего количества тиглей известных с

Ахсикета. Это, а также и условия залегания тигельных остатков между культурными слоями с потенциально датированной керамикой привели к решению изучения этих слоев более детально с помощью раскопок. Таким образом, Объект-23 расположен на территории восточного рабада (Ахси-III) средневекового городища Эски Ахси, за крепостной стеной второго Шахристана, т.е. на склоне, ведущем к современному оврагу (древнему городскому рву).

Объект Р-23 был заложен в целях изучения стратиграфии культурных слоев, которые накапливались за пределами восточной крепостной стены второго Шахристана (Ахси - 1Б). Он представляет собой стратиграфический разрез длиной 5 метров, шириной 2,5 метров и глубиной 5,5 метров. Объект ориентирован с востока на запад. Угол склона составляет 30-35°С (поверхность имеет разницу 130 см от репера при длине 5 метров).

Расположение Объекта 23 было выбрано с учетом практических возможностей и локальной морфологии по археологическим правилам. Мы были вынуждены выбрать относительно ровную поверхность не близко к каньону. В результате, была обозначена площадь в пять на пять метров, северная половинка которой была раскопана траншеей 5 на 2,5 метров по линии Восток-Запад, перпендикулярно фортификационной системе и параллельно обозначенному направлению отложений. При длине 5 метров по линии ВЗ, поверхность падает примерно на 1,3 метра (Рис. 2).

Верхний слой в три см был очищен, ниже было вскрыто несколько искусственных слоев толщиной от 5 до 10 см (Слои 2-9). На глубине около 50 см с западной стороны и около 100 см с восточной стороны был обнаружен первый слой, богатый технической керамикой, резко отделенный от верхних слоев. Согласно изучению керамического комплекса слои 2-9 являются одновременной археологической единицей, которая датируется по керамике не позднее начала XI века. Начиная со слоя 10, мы старались очень тщательно следовать за археологическими слоями насколько это возможно. Слои от 10-го до 20-го являются слоями с большим количеством смешанного археологического материала. Почти все слои имели угол в 30 градусов в восточном направлении, что говорит о том, что они скапливались в основную яму или ров. Слой 21 представляет собой слой смытой тяжелой глины с небольшим количеством артефактов, и слой 22 представляет собой основной

опорный слой, возможно приготовленный для новой фортификации. Здесь обнаружены несколько фрагментов эллинистической керамики с красным и черным ангобом, показывающий, что при строительных работах использовались древние археологические слои. На этом раскопками была достигнута глубина в 5 метров и было решено остановить дальнейшие раскопки.

В течение раскопок все находки собирались отдельно для каждого слоя. Далее, эти находки были классифицированы на Архитектурную Керамику (АК); Кости; Хозяйственную Керамику (ХК, глазурированная и неглазурированная); Фрагменты Тиглей (ФТ); и Кузнечный Шлак (КШ). Медный шлак обозначался кузнечным шлаком и фрагменты стенок печей обозначались архитектурной керамикой. Относительная пропорция этих пяти классов была вычислена и зафиксирована. К тому же, фрагменты тиглей были классифицированы на Фрагменты Донцев, Фрагменты Нижних Частей, Фрагменты Середины или Шлаковых Частей, Фрагменты Верхних Частей, включая венчики и крышки. Для многочисленных комплексов фрагментов тиглей были проведены детальные расчеты, как это было сделано в прошлом году на Объекте 21; для слоев было подсчитано количество тиглей путем составления целых форм по донцу и верхней части (но не реально подходящих частей, а просто возможно соответствующих).

Характерная относительная пропорция АК - от 30 до 35%; костей - 10-20%; ХК - 15-25%; ФТ - 20-30%; и КШ - 5-15%. Где возможно, даются более специфические данные в описании слоев.

Обмеры тиглей были проведены для установления толщины стенок у донца сосудов и внутренние диаметры на высоте шлаковых кусков; это было также выполнено изучением цвета материала в середине и у донца, где сосуды вставлялись на гравийную поверхность печи под большей оксидизацией, вероятно, с меньшей температурой (Папахристу и Сверчков, 1993). На уровне 10 были обнаружены фрагменты тиглей, цвет которых потемнел от времени. Размеры и формы до периода слоя 20 почти не меняются; внутренние диаметры обычно между 67 и 72 мм независимо от цвета материала, в то время как толщина обычно равна 12-14 мм около донца серых сосудов; 10-12 мм для светлых; и еще тоньше для совсем белых сосудов. Темные сосуды всегда имеют красноватое донце, в то время как светлые имеют розоватый оттенок, а основание белых

обычно белого цвета.

Слой 10 имеет среднюю мощность от 30 до 45 см и продолжается по всему профилю. В западной части слой утолщается из-за плоской подстилающей морфологии; в этой части он содержит скопление уложенных фрагментов тиглей. Центральная и восточная части профиля были богаты фрагментами тиглей, но также содержали большое количество хозяйственной керамики, архитектурной керамики, костей животных, кузнечного шлака и пепельного грунта. Этот слой содержал основное количество образцов и данных по технологии этого года. Металлургические остатки составляли 70% всех найденных материалов: они состояли на одну четвертую веса из кузнечного шлака и три четвертых из фрагментов тиглей. Общее количество фрагментов тиглей около 160 кг были классифицированы на фрагменты оснований, фрагменты шлаковых слоев, фрагменты верхней части и фрагменты крышек. Основываясь на прошлогоднем опыте который был проведён на объекте 21 количество тиглей было подсчитано по фрагментам оснований что является наиболее правдоподобным. Для слоя 10 подсчитано 60 штук показывающий что общий вес пустого тигля был равен примерно 3 кг.

Ещё одной характеристикой фрагментов тиглей этого года были формы крышек. Очень редко здесь использовались классические купольные крышки с отверстием в центре, основное количество крышек было сделано из обломков стенок тиглей. Как было выяснено использовались кусочки верхних частей тиглей, реже - нижние части, и один случай использования донца. Некоторые имели обычные крышки, но без центрального отверстия в центре, такие фрагменты иногда переиспользовались. Толщина купольных крышек достигала 10 - 13 мм, что ясно указывает на то что они были толще чем венчик который имел толщину от 3 до 5 мм. Материал тиглей в основном был тёмно -серым с типичной толщиной стенки 12 мм у основания, 10 мм в центре, 5 мм у венчика.

Слой 11 был ограничен в западной части на 3/5 всего профиля, где он формирует тонкую прослойку (около 10 см) состоящая из двух желтоватых слоев почв - слой 11А и слой 11В. В самой западной части профиля имеется третья прослойка 11С. Эта прослойка темнее верхних слоев, утолщается к западу, содержит много остатков кирпичей, фрагментов керамики и тиглей, железного и мед-

ного шлака, костей и угольков. Все три прослойки относительно бедны артефактами по отношению к слоям 10 или 12. Прослойка С разрезает нижние слои 12 и 13; несмотря на то, что уклон идет в восточном направлении, эта прослойка уклоняется в западном направлении. Слои А и В возможно представляют собой природные отложения мелкоземлистого характера.

Слой 12 имеет постепенный уклон в восточном направлении, толщиной 40 см. В самой западной части профиля он разделяется слоем 11. В этом слое имеется больше медных шлаков чем остатков железной металлургии и соответственно кузнечных шлаков. Медный шлак состоит в основном из тяжелой массы с многочисленными вкраплениями меди. К тому же здесь имеется несколько кусков очень плотного шлака некоторые из которых имеют зеленоватый коррозионный цвет, указывающий на связь с медной металлургией. В этом слое зафиксировано малое количество фрагментов стенок печей несмотря на то что здесь имеются большое количество выветренных остатков печей. Керамика датируется по предварительному заключению А.Анарбаева - X веком и не имеет материалов позднего периода. Фрагменты тиглей - это 6 купольных крышек без отверстий и 1 нестандартный фрагмент (где фрагмент тигля был переиспользован в качестве крышки). Куски шлака на 2/3 лазурного цвета и на 1/3 ярко-голубого цвета. Материал в основном серого и светлого цветов. Общее количество тиглей по основанию - 8 шт.

Слой 13 имеет постепенный уклон в восточном направлении толщиной около 50 см. Как и до этого в самой западной части он разделяется слоем 11 С. Он тоньше чем предыдущий слой и имеет серый цвет. Здесь имеется большее количество фрагментов стенок печей и относительно большее количество кузнечного шлака. Фрагменты тиглей состоят из 9 фрагментов купольных крышек без отверстий и 5 нестандартных фрагментов. Куски шлака в основном, синеватые, с ярко-голубым оттенком и некоторые из них имеют прозрачный черный цвет. Три фрагмента основания сохранили внутреннюю длину 160, 170 и 180 мм не доходя до уровня шлака. В этом слое зафиксировано 27 оснований тиглей.

Слой 14 ограничен в западной половине профиля, где он зауживается от толщины 50 см на нет. Слой имеет коричневый цвет. Он относительно богат фрагментами тиглей, но не так как слой 10. В этом слое было обнаружено несколько фрагментов тиглей по про-

изводству меди. Также имеется большое количество стенок печей. Несмотря на то, что в основном, общий тип тиглей такой же, здесь имеются некоторые различия в деталях. Например, куски шлака здесь во основном, имеют черный прозрачный стекольный цвет и содержат большое количество угольков, в то время как синие шлаки, доминирующие в слое 10, здесь имеются в количестве одной трети от общего количества. Крышки в основном, классического купольного типа, но без центрального отверстия (5 фрагментов), со следами переиспользования стенок тиглей в качестве крышек - 4 фрагмента. Здесь обнаружено 24 фрагмента оснований.

Слой 15 распространяется на запад на 4/5 профиля. Он в основном, имеет толщину около 40 см, с более ровной поверхностью, но не такой ровной снизу. Этот слой имеет более тяжелый механический состав и желтый цвет. Пропорция ФТ и КШ здесь очень низкая (15 к 5% соответственно), тогда как ХК здесь слишком много - 25%. К тому же, фрагменты тиглей имеют более меньший размер, указывающий на то, что этот слой, возможно, не возник вследствие выбросов промышленного мусора. Здесь имелся, однако, один фрагмент от основания до уровня шлака - длиной 190 мм, в основном, материал имеет белый цвет. Количество оснований - 5.

Слой 16 распространяется на весь профиль, толщиной около 30 см в восточной части и 15-25 см в западной. Он имеет тяжелый мех. состав и желтый цвет. Опять здесь пропорция ФТ и КШ очень низка, в результате высока пропорция ХК. С этого слоя происходят несколько фрагментов медного шлака. Остатки тиглей состоят из 4 фрагментов тонких полукупольных крышек и еще более тонких (5 мм) фрагментов крышек с малыми (10 мм) центральными отверстиями, и один нестандартный фрагмент крышки. Как и в слое 15 здесь было несколько фрагментов белого цвета и несколько фрагментов с толстыми стенками - 8 мм. Количество оснований - 6.

Слой 17А распространяется по всему профилю толщиной от 10 до 30 см, с ясным восточным уклоном, но имеет более ровную поверхность в середине профиля. Этот слой богат и ФТ и КШ, несмотря на то, что средний размер тиглей здесь от среднего до малого. Количество АК малое, около 20%. Большая часть крышек имеет тонкие стенки и небольшой купол, один случай с маленьким центральным отверстием; один или два фрагмента нестандартных крышек. Куски шлака в основном, синие, около 20% - имеют про-

зрачный черный и один ярко-голубой цвета. Материал в основном, светло-серого - светлого цветов, с некоторыми вариантами, ясно видно, что они светлее фрагментов из слоя 10. Количество оснований - 6.

Слой 17B был выявлен только по профилю, он имеет форму четырехугольника в восточной части профиля, и не имеет уклона. Толщина его от 40 до 50 см, а длина немного более 1 метра. Из-за того, что эта прослойка была обнаружена только по профилю, его находки подсчитывались вместе со слоем 17A.

Слой 18 имеет почти плоскую поверхность в западной части профиля, но имеет уклон в восточном направлении в восточной части. Его толщина около 35 см в восточной части; на западе от 20 до 60 см. Западная часть представляет внутреннюю стратиграфию, в том месте, где слоем 21 сформирована стенка (см далее). Эти внутренние слои в основном, точно горизонтальные, и кажется, сформировались во влажном состоянии. Этот слой является самым богатым ТФ (35%) и КШ (15%); соответственно ХК очень мало - 10%. Фрагменты тиглей из этого слоя сохранились достаточно хорошо, здесь много целых диаметров сосудов на уровнях шлака и основания. Это, а также и то, что в этом темно-сером слое имеется много железных кусочков - кузнечного мусора и множество угольков свидетельствуют о том, что этот слой являлся мусором из мастерской по обработке железа или с участка, где было много железа и обработки стали. Из 9 фрагментов крышек с этого слоя 6 - были тонкими и с небольшим куполом с малыми отверстиями в центре, 3 - нестандартные. Привлекает внимание ограниченное количество оснований, три целых донца и 10 половин диаметров. Куски шлака в основном, синего цвета, несколько голубых, и несколько темно-коричневых. Количество оснований 25.

Слой 19 представлен только в западной части профиля, где он формирует прослойку с малым уклоном толщиной 30 см. Этот слой также переполнен металлургическим мусором, как и слой 18; к тому же, он имеет некоторые свидетельства обработки меди в виде фрагментов тиглей и кусков медного шлака. Общее количество меньше чем в предыдущем слое, так как объем этого слоя меньше (половина длины и меньше в мощности); количество оснований для этого слоя всего лишь 7.

Слой 20 представлен только в западной части профиля, где он

формирует прослойку со слабым уклоном толщиной 30 см. Он содержит незначительное количество находок, малое количество металлургического мусора, многие из которых представлены маленькими фрагментами. Количество оснований - 2, т.е. меньше чем одна третья предыдущего слоя, который имел такой объем.

Слой 21 имеет сложную форму, почти горизонтальный в западной части толщиной 30 см; в центре профиля он формирует тонкую стенку 40 см высотой и только 25 см толщиной, далее на восток он имеет незначительный уклон. Его средняя толщина около 1 метра, этот слой лежит на подстилающем слое 22, который является материком на данном раскопе. Всего из этого слоя происходит незначительное количество находок; они в основном, представлены маленькими фрагментами тиглей, которые имеют меньшую толщину стенок, чем фрагменты из верхних слоев. Большая их часть отправляется на детальные анализы. Фрагменты, которые были обнаружены после завершения документации по транспортировке образцов, включая и фрагмент нижней части стенки тигля с характерными следами “прилипшего меда” и начала шлаковой части - имеющей площадь около 6x5 см. Его толщина 7 мм, когда как такие же фрагменты из верхних слоев имеют толщину 10 мм. Один маленький фрагмент (1x1,5 см) стенки тигля с прозрачным куском черного шлака, где стенка тигля имеет толщину всего лишь 5 мм. Другой фрагмент (2x3 см) стенки тигля с прозрачным зеленоватым куском шлака имеет толщину стенки всего от 2 до 3 мм. Этот фрагмент, также, является исключением и потому, что он имеет шлак зеленоватого цвета, он будет экспортирован в следующем году для полного химического анализа. Две крышки со слегка купольной формой имеют толщину около 4 мм каждая; одна из них имеет сохранившееся центральное отверстие. Примерный радиус крышки 37 мм, указывающий на то, что и ранние тигли имели такой же диаметр, как и поздние. На данный момент, по этим фрагментам можно реконструировать только то, что крышки имели незначительный купол и отверстие в центре диаметром от 10 до 12 мм. Толщина крышки почти не изменяется от венчика до центра. Материал всех этих фрагментов от светлого до белого цветов; внутреннее покрытие шлака и наружное покрытие глазурным потеком такое же как и на поздних фрагментах.

Предварительное изучение ХК из Объекта 23 показывает, что

большую часть профиля можно датировать 10 веком; верхняя часть доходит до первой половины 11 века, и нижняя часть, возможно, включает материал 9 века, несмотря на то, что здесь присутствуют фрагменты керамики раннего 10 века. Таким образом, рабочая гипотеза такова, что в слоях от 21 до 10 накапливались материалы не менее одного века, т.е. трех поколений. В этот период мы видим резкое изменение в каолине, используемом для производства тиглей, от почти белого к серому и грязно-серому цветов и позже к темно-серому цвету, который доминирует в слое 10. Параллельно этому развитию можно видеть первое использование слегка купольных, тонких крышек с маленькими отверстиями в центре; аналогичные крышкам №5 (см далее), но имеющие различия в деталях. Начиная со слоя 15 вверх, крышки имеют все более ровную “бескупольную” поверхность и большую толщину, но больше уже не имеют центрального отверстия. В самых верхних слоях, почти не имеется специально приготовленных крышек, вместо них используются обломки тиглей. Уже в ранних слоях мы были свидетелями вторичного использования крышек путем осторожного срезания их со старого использованного тигля. Куски шлака также показывают определенное различие между слоями, особенно в слое 14, который имеет в основном, прозрачный черный шлак, в то время как большинство других имеет шлаки синего цвета. Мы надеемся, что детальный химический анализ кусков шлака поможет нам понять эти различия.

Куски угольков также были взяты с большинства слоев, для радиоуглеродного датирования и дендрологического анализа, о результатах которых будут сделаны отчеты.

Кроме раскопок на объектах 23 и 9, по проекту предусматривалось изучение структуры и распространения ремесла по всей территории средневекового города. Один из способов определения этого это проведение обследования поверхности и сбор подъемного материала, изучение остатков на поверхности различных видов высокотемпературных ремесел.

GPS-карта. Обследование памятника проводится с целью создания детальной Джи-Пи-Эс карты башен на востоке, севере и западе, фортификационной системы, окружающей городище, остатки стен, разделяющих внутренний город от внешнего; локализацию всех раскопок и объектов по городищу; основные средневековые дороги,

видимые по ландшафту; другие особенности. Западная часть основного каньона к востоку от городища тоже была картирована, мы надеемся, что в следующем году сможем сделать картирование восточной части каньона. Эта карта будет использована для будущих исследований, так как будет обеспечивать точное расположение объектов на карте памятника. Большая часть этой карты была выполнена Др. Крэддок и К.Джолли, кому мы очень благодарны за вклад в экспедицию.

Тигли №5. Основные образцы шлака, фрагментов тиглей и куски угольков были взяты с самого богатого тигельного мусора на объекте 22/Северная Башня 5 (№3). Так как здесь не было проведено детальных археологических раскопок, этот участок не зарегистрирован раньше как объект. Он был выявлен в прошлом году во время обследования и с этого участка были взяты образцы. При осмотре выяснилось, что этот материал имеет ряд черт, которые отличают его от основного материала из объектов 21 и 23: тесто его светлее, куски шлака обычно прозрачные черного или зеленого стекольного цветов, только несколько фрагментов имели синий или голубой цвета, крышки обычно высокого качества - специально приготовленные, купольные и с центральным отверстием. Образцы, взятые с этого скопления включают кусочки угольков (длиной 5 см) - для радиоуглеродного датирования и дендрологического анализа. Здесь обнаружено всего лишь несколько невыразительных фрагментов глазурованной керамики, которые предварительно датируются XI-XII веками. Анализы фрагментов тиглей и шлаков с этого участка, проведенные в прошлом году показали, что химический состав их резко отличается от основной части: отличие состоит в том, что здесь имелось совсем незначительное количество марганца, в то время как было очень большое содержание оксида кальция. Этот факт должен быть глубже изучен на основании большего количества образцов, так как здесь можно получить информацию о различиях химического состава и технологии между этой мастерской и остальными. А также и отношение этих более качественных тиглей к более ранним слоям с остатками подобных фрагментов как в нижних слоях объекта 23, где имеются аналогичные крышки.

Мастерские по производству стекла. Еще одним результатом было обнаружение и локализация мастерской по производству

стекла рядом с восточными воротами у внутренних фортификационных стен. Сбор образцов с участка мастерской, где было очень много стекольного брака, прилипшего к стенкам печей показал, что здесь не имеется каких-либо тиглей для плавки стекла.

Обжигательные печи для кирпича. В дискуссиях о высокотемпературной промышленности Ахсикета в течение многих лет существует вопрос об остатках нескольких больших печей, которые буквально срезаны по центру и смыты каньоном, расположенные в восточной части городища. Так как в настоящее время они расположены на высоте более 5 метров от уровня поверхности (дна каньона), у нас не было возможности детального изучения. Их размеры, около 4 метров в глубину и до 2 метров в диаметре, а также очень высокая степень внутреннего выветривания, показывают, что они были основными печами. Предполагалось, что эти печи были металлургическими. Однако, на дне печи имелись лишь остатки жженных кирпичей, где не было ни одного факта о наличии фрагментов тиглей или даже о напольном материале тигельных печей, о чем свидетельствуют все найденные фрагменты донных частей от тиглей. В результате широкого обследования этого года обнаружено еще две таких печи, одна - в западной части речки рядом с селением Шаханд, другая маленькая - между восточным каньоном и этой речкой. Последние были изучены детально, так как они были достаточно разрушены климатом и находились в удобном месте, что показало, что эти печи действительно применялись для обжига кирпича. Принадлежность их средневековой не вызывает сомнений, по крайней мере две из них слишком выветрены чтобы быть современными (имеется свидетельство производства жженого кирпича на территории Ахсикета в 20 веке, где сырьем служили археологические культурные слои). О ранней датировке печей также свидетельствует их типичные средневековые размеры, а также и формы забракованных и оставленных кирпичей. Это, а также и то, что здесь отсутствуют какие-либо свидетельства характерных частей стенок печей с каолиновым покрытием, что обычно обнаруживается вместе с фрагментами тиглей, послужили надежным фактом, отвергающим все мнения о функции печей как металлургических.

В заключении хотелось бы отметить, что настоящий полевой сезон обеспечил большой материал по распространению ремесла по средневековому городу. Производство тигельной стали, кузнечное

дело и медная промышленность, думается, начались почти в один период. Мастерские располагались сразу внутри фортификационных стен, образуя горы промышленного отхода снаружи крепостной стены. Следует отметить, что основная часть производственных отходов выбрасывалась в недействующий ров, который находится снаружи второго шахристана (Ахси 1Б). Почти каждый слой производственного отхода перекрыт слоем чистого лесса. По результатам общего обследования, на южной окраине рынка существовала промышленная мастерская. Два участка с остатками стекольной промышленности зафиксированы возле восточных стен с внутренней стороны. Одна из них, точно, располагалась сразу же внутри стены, где плавилось стекло в малых тиглях, и вероятно, надувалось. Другая - находится южнее, возможно, была местом по обработке готового стекла или также мастерской. Остатки нескольких печей по обжигу кирпича были расположены на территории восточного рабада.

Литература:

1. Анарбаев А.А. Ахсикент в древности и средневековье (итоги и перспективы исследования) // Советская Археология, 1988, №1, с.171-187.
2. Анарбаев А.А. Из истории черной металлургии и металлообработки средневекового Ахсикента // Проблемы реставрации культурного наследия народов Средней Азии. Технологии древних и средневековых ремесленных производств. Самарканд, 1995. С. 39-40.
2. Olga A. Papachristou / Leonid M. Swertschkow, Eisen aus Ustruschana und Tiegelstahl aus dem Fergana-Becken. Forschungen zur mittelalterlichen Eisenproduktion in Mittelasien // Der Anschnitt, zeitschrift fur kunst und kultur im bergbau. 4/1993, p. 122-131.
3. Feuerbach A., Merkel J., Griffiths D. An Examination of crucible steel in the manufacture of Damascus steel, including evidence from Merv, Turkmenistan. In Th.Rehren, A.Hauptmann, J.Muhly (eds.), Metallurgica Antiqua, Der Anschnitt, Beiheft 8, Bochum, 37-44.
4. Feuerbach A., Merkel J., Griffiths D. Production of crucible steel by co-fusion, archaeo-metallurgical evidence from the ninth-early tenth century at the site of Merv, Turkmenistan. In P.Vandiver, J.Druzik, J.Merkel, J.Stewart (eds.), Materials Issues in Art and Archaeology V, 105-110.
5. Thilo Rehren and Olga Papachristou, Similar like White and Black, a Comparison of Steel-making Crucibles from Central Asia and the Indian Subcontinent // Man and Mining - Mensch und Bergbau. Studies in Honour of Gerd Weisberger (Der Anschnitt, Beiheft 16, Bochum), p.393-404.
6. Rehren Th., Papachristou O., The Ferghana process of crucible steel smelting. Metalla (Bochum) 7, 55-69.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА ГОРОДИЩЕ КАНКА

В 2003 года возобновились раскопки на городище Канка. Памятник находится на территории одноименного кишлака Канка в 12 км южнее г. Аккургана и к востоку от кишлака Эльтамгалы. Раскопки проводились археологическим отрядом ГлавНПУ объектов культурного наследия Министерства по делам культуры Республики Узбекистан.

В предыдущие годы изучение этого городища производилось Чач - Илакской экспедицией Института археологии Академии наук Республики Узбекистан (начальник отряда – Г.И. Богомолов, научный руководитель - академик Ю.Ф. Буряков).

Выбранные для изучения участки находятся на территории шахристана III, в 200 м. от южной крепостной стены и в 45 м. к северо-западу от караван-сарая.

Заложено два раскопа – Р - XV и XV1, которые находятся друг от друга на расстоянии 50 м. по линии юг-север. Между этими домовладениями проходит улица выходящая к базарной площади шахристана III. Выбор объекта на этом участке в первую очередь связан с вопросом изучения динамики развития и прекращения жизни на городище в конце XII в. Вторым немаловажным моментом является то, что объекты находятся в непосредственной близости от караван-сарая. Вскрытие помещений на объектах производилось по одному строительному горизонту, который являлся последним этапом функционирования жизни населения этого городища.

Раскоп XV.

Выявлена основная планировка этого здания, состоящая из нескольких помещений, сконцентрированных вокруг большого двора, расположенного в северной части этого комплекса. Двор имеет под квадратную форму (13,80x11,00 м.), вытянут с юго-запада на северо-восток. Вход шириной 1,20 расположен в его западной части. Другой проход, который соединяет двор с жилым комплексом, находится, в северной его части. С южной стороны ко двору примыкали жилые помещения, а складские и хозяйственные находились в

северной и западной части комплекса, как внутри двора, так и за его стенами.

Вскрыто 10 помещений и несколько участков хозяйственного двора до уровня первого пола по ходу вскрытия. Стены помещения и двора сложены из сырцового кирпича (31x16x5, 35x17x5,5 см.). В некоторых помещениях использовались сырцовые блоки (0,6x0,9 м.). Жженный кирпич использовался только на выстилку пола, иногда в нижних рядах в качестве фундамента или в ремонтных работах. В большинстве вскрытых помещений на стенах сохранилась глиняная штукатурка.

В хозяйственных помещениях имелись очаги для приготовления пищи и закрома для хранения продуктов. Здесь выявлено три помещения, в которых отсутствовали дверные проемы, а сами помещения членились на меньшие по размеру, путем возведения тонких перегородок. Основной четверик этих стен облицовывался жженым кирпичом размером 22x16x3,5, 28x14x4 см. По всей вероятности в них хранилось зерно или другие сыпучие продукты.

У южной стены, на расстоянии 3,40 м. от юго-восточного угла зафиксирована яма, опущенная с уровня пола, последнего по времени функционирования. Стены этой ямы выложены из сырцового и жженого кирпича.

Раскоп XVI.

В ходе работ на этом объекте вскрыто 12 помещений, которые также как и на Р - XV сконцентрированы вокруг хозяйственного двора. Также, как и на Р-ХV, вход в этот жилой комплекс находится с западной стороны. В восточной части имеется проход в виде коридора, который соединяет двор с жилыми помещениями. К западной стене двора примыкают небольшие помещения, в которых находились очаги и небольшие (диаметр-0,8 м) мусорные ямы. У южной стены, в юго-западном углу зафиксированы 4 бадраба в которые скидывали мусор.

В северо-восточной части двора, около прохода в жилые помещения, в полу обнаружен сток для слива дождевой воды. Он выложен из фрагментов жженого кирпича и имеет размеры 1,08x 1,28 м. В качестве слива использовался фрагмент каменной зернотерки.

В двух помещениях вдоль стен зачищены суфы, а по центру помещения имелись очаги, обогревающие данные помещения. С северо-восточной стороны по всему периметру этих помещений про-

ходит глухая стена, к которой в свою очередь примыкают хозяйственные помещения, но по всей вероятности они относятся к другому комплексу домовладения соседствующего с Р-ХV. Здесь раскопана комната, выполняющая функцию тахаратхоны и туалета. В северо-западной стороне от туалета, через перегородку находится кухня, в которой расчищены очаг и тандыр. Следующее помещение после кухни по всей вероятности предназначалось для хранения продуктов и имело размеры 6х3 м. В западной части комплекса раскопано помещение (2,70 х 4,8 м.) в котором находились два бадраба и туалет. В северо-западном углу обнаружен вход в подземное помещение, уходящий под западную стену. Нужно отметить, что в процессе работ таких помещений обнаружено четыре, по два помещения на каждый комплекс. Одно из помещений, находящееся в комплексе Р-ХVI было раскопано полностью.

Ход в это помещение имеет форму свода под уклоном в 45 градусов, с лестницей в виде высеченных в земле ступенек. Всего сохранилось 4 ступеньки, первая из которых начинается чуть ниже уровня пола данного помещения и имеет длину 0,7, а высоту 0,35 м. Вторая имеет длину 0,38 и высоту 0,18 м. Третья - 0,21 м. при высоте 0,41 м. И последняя, четвертая длиной 0,21, при высоте 0,58 м. Далее идет утрамбованный пол с понижением до входа в помещение. С левой стороны, в начале хода имеется ниша шириной 0,43 м., глубиной - 0,29 м. и высотой - 0,38 м. в которой по всей вероятности ставился чираг для освещения. Вход в помещение имеет ширину 0,62 м. при высоте 0,8 м. Общая длина входа составляет 4,10 м. Помещение имеет небольшие размеры 1,4 х 1,46 м., а наивысшая высота купола достигает 1,09 м.

В ходе археологических работ получен интересный керамический, нумизматический материал, фрагменты изделий из стекла, железа, отражающие материальную сторону жизни населения Канки (Харашкета). В количественном отношении преобладают керамическая посуда, которая в свою очередь делится на глазурованную и неглазурованную. Глазурованная керамика представлена чашами, тарелками, пиалами и светильниками - чирагами. Чаши имеют полусферическую форму с вертикальными и чуть наклонными наружу венчиками. Поддоны дисковидные, но встречаются экземпляры и на кольцевидных. Размеры устья варьируют от 9 до 32 см. Высота колеблется от 8 до 13 см.

В основной своей массе в глазурованной керамике преобладает белый фон, под которым нанесены рисунки. По сюжету рисунки делятся на геометрический, растительный и эпиграфический орнамент. Чаще встречается нанесение эпиграфики по верхнему краю венчика. Буквы различной высоты, надписи выполнялись светло-коричневой, черной и белой красками. Большие буквы на некоторых фрагментах керамики заливались на черном, коричневом и зеленоватом фоне.

Неполивная керамика представлена хумами, котлами, тагора, чашами, керамическими столиками и крышками.

Кроме керамики, при раскопках жилых комплексов Р-ХУ и Р-ХУ1 обнаружено большое количество фрагментов стеклянных изделий. Основная масса находок - это горловины и донца от разнообразных сосудов.

К многочисленной группе находок после керамики и стекла нужно отнести и изделия из железа. Найдены серпы, ножи, щипцы, пробойники и другие фрагменты железных изделий. Несколько изделий изготовлены из меди и бронзы.

В процессе археологических работ найдено около 40 медных монет, большая часть которых, по внешним признакам, относятся к периоду Саманидов и Караханидов

Как показывает предварительный анализ археологического материала, его можно датировать X- первой половиной XII вв. По всей вероятности раскопанные объекты являлись жилыми комплексами ремесленников, которые по всей видимости обслуживали каравансарай находящийся в непосредственной от него близости. Для полного прояснения необходимо дальнейшее вскрытие неизученных участков.

Дальнейшие работы на этом объекте помогут прояснить и причины прекращения жизни на городище Канка (Харашкет).

С.Р. Баратов
(Ташкент)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ЮЖНОМ ХОРЕЗМЕ

В 2003 г. Южно-Хорезмский археологический отряд Хорезмской Академии Маъмуна и Института археологии АН РУз проводил ре-

когносцировочные и раскопочные работы на территории Хазараспского района Хорезмской области. Исследования проводятся по гранту Государственного Комитета по науке и технологиям (Ф-7.3.14) “Древнейшая и древняя история культуры Южного Хорезма”.

На границе Хазараспского района с Бухарской областью вдоль берега Амударьи на пространстве от с. Хива до возвышенности Уч Очаг проводилась археологическая разведка, имевшая целью выявление состояния известных ранее памятников: Топрак-Кала Хазараспская (5-4 вв. до н.э.), караван-сарая Сартарош (10-11 вв. н.э.), городища Таш-Кала 1 (4 в. до н.э. - 7 вв. н.э.), караван-сарая Таш-Кала 2 (11-13 вв. н.э.), а также по возможности поиск новых. На древнем городище г. Хазарасп (Ичан-Кала) с целью уточнения хронологии города продолжались археологические раскопки на северо-западном углу крепости (Р-7). На западном участке оборонительной стены на месте средневековой башни заложен Р-10. С целью выявления границ средневекового Хазараспа проводилась разведка современных кварталов.

В результате проведенных разведок на территории хозяйства Хива Хазараспского района установлено, что от некогда хорошо сохранившегося городища Топрак-Кала сегодня практически ничего не осталось. Остатки оборонительных стен, архитектурных сооружений и культурных слоев практически полностью уничтожены местными жителями на свои строительные нужды. Окруженное песками Кызылкумов, местное население находит на памятнике истории и культуры самый доступный источник глины в качестве строительного материала и удобрения для своих полей и огородов.

Расположенный к западу от Топрак-Кала на берегу Аму Дарьи на месте существовавшей в древности переправы каравансарай конца 10 - 12 вв. н.э. Сарта-рош, был раскопан в 70-х гг. 20 в. сотрудником Российской Хорезмской экспедиции Лоховиц (Лоховиц, 1979. С. 115-116). Сегодня каравансарай почти на 90% смыт р. Аму Дарьей. Незначительные не законсервированные остатки комплекса почти полностью оплыли. Грунт в непосредственной близости от памятника забирается местными жителями для строительства заградительной дамбы. Памятнику грозит совершенно полное уничтожение.

Обследована территория Кызылкумов на крайнем юге Хаза-

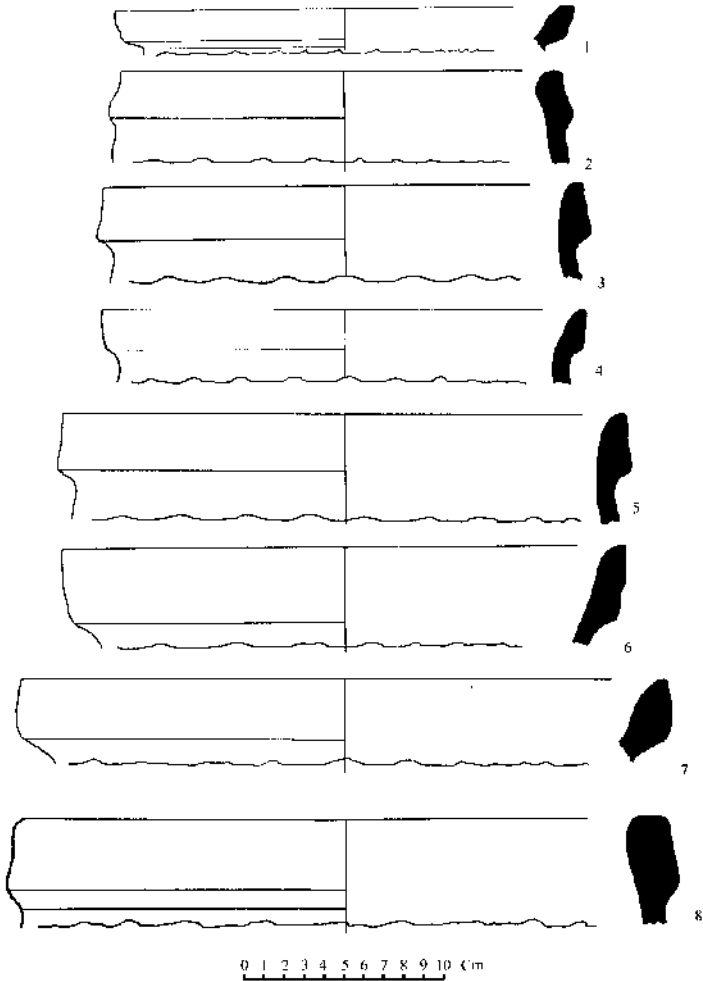
распского района. Собран подъемный материал, относящийся к Тимуридскому и Хорезмшахскому периодам, античного времени, эпохи бронзы и неолита. В 1 км. К юго-западу от селения Хазарасп на древнем берегу р. Аму Дарья между песчаных дюн собран достаточно большой комплекс лепной керамики эпохи бронзы, оставленный племенами андроновской культурно-исторической области. На обследованном участке были заложены 3 шурфа, один из которых (Шурф 3) позволил выявить остатки жилища земляного типа. Вокруг

землянки собрано большое количество фрагментов керамики андроновского облика (15-14 вв. до н.э.) и несколько изделий из кремня. Найдена уникальная зооморфная фигурка, выполненная техникой грубой ретуши, собраны фрагменты керамики афригидского и хорезмшахского времени.

Обследовалась возвышенность Уч Очаг (Се Пая). Известные ранее караван сарай 12-нач. 13 вв. н.э. - Таш-Кала 1 (Лоховиц, 1979. С. 116-118) и городище Таш-Кала 2 (4 в. до н.э. - 8 вв. н.э.) (Итина, 1991. С. 25).

В 1 км к северу и востоку от городища Таш-Кала 2 зафиксирован курганный могильник с насыпями двух типов. Курганы с насыпями первого типа концентрируются восточнее городища. Насыпи, сло-

Хазраси
Р-7
Персидские женные корданы

женные из известнякового рваного камня небольшого размера, сохранились на высоту до 1 м и имеют диаметр до 15 м. На поверхности их собрано небольшое количество штампованной сероглиняной керамики хорезмшахского периода. Курганы с насыпями

второго типа расположены севернее городища. Насыпи, сложенные из лёсса, сохранили высоту до 4 м и имеют диаметр до 20 м.

На территории г. Хазараспа (Ичанкала) (Р-7) продолжены исследования сохранившихся остатков оборонительных сооружений, северо-западного угла городища позднеархаического и античного периодов (5-4 вв. до н.э.) (Воробьева, Лапиров-Скобло, Неразик, 1963, С. 191-192). Площадь раскопа в 2003 г. была значительно расширена. Выявлены интересные неизвестные ранее в Хорезме элементы конструкции, применявшиеся при строительстве фортификационных сооружений из прямоугольного и квадратного кирпича, относящихся к первой половине 4 в. до н.э. Вскрыта сохранившаяся часть конструкции северо-западной башни города, возведенной из пахсы и фланкированной пилястрами. Основания стен из-за высокого уровня грунтовых вод достичь не удалось (Фото 1). Из заполнения забутовки стен и башни античного времени, сложенной сырцовым кирпичом с размерами 40x40x10; 42x42x10; 42x45x12-13 (см). Получен выразительный керамический материал 4-3 в. до н.э. Кроме того среди керамики этого времени - переотложенными, найдены фрагменты керамики архаического облика аналогичные комплексам, известные на усадьбе и развееванных поселениях Дингильдже, а также второго периода поселения Хумбузтепе (Воробьева, 1973) (Рис. 1).

На Р-10 изучалась стена и оборонительная башня города Хорезмшахского, Золото-Ордынского, Тимуридского и позднесредневекового периодов.

В 2 км к северо-востоку от Ичан-Калы зафиксированы остатки оборонительной стены шахристана средневекового Хазараспа.

Литература:

1. Итина М.И. 1991. Археологические памятники на древних торговых путях вдоль берегов Амударьи // Древности Южного Хорезма. ТХАЭ. Том. 16. М., 1991.
2. Лоховиц В.А. Караван-сарай верхнего Хорезма // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
3. Воробьева М.Г. Дингильдже. Усадьба середины I тысячелетия до н.э. в древнем Хорезме. М., 1973.
4. Воробьева М.Г., Лапиров-Скобло М.С., Неразик Е.Е. Археологические работы в Хазараспе // МХЭ. Вып. 6. М., 1963.

А.Э. Бердимуродов, А.А. Раимкулов, Н. Холматов,
Ф. Франческини, С. Мантеллини
(Узбекистан, Италия)

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ УЗБЕКСКО-ИТАЛЬЯНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В САМАРКАНДСКОЙ ОБЛАСТИ

Совместная узбекско-итальянская археологическая экспедиция Института археологии АН РУз и Болонского Университета с участием Самаркандского Государственного Университета им. А. Навои в 2003 г. продолжили исследования на территории Самаркандского и Нурабадского районов Самаркандской области.

Небольшая группа данной экспедиции проводила раскопки на городище Бойсаритепа расположенного в черте кишлака Сазаган Нурабадского района.

Сазаган уже многие годы известен в археологии Средней Азии своими неолитическими памятниками, которые более двадцати лет изучаются сотрудниками кафедры археологии СамГУ.

Бойсаритепа, будучи естественным всхолмлением, является частью северных отрогов Зарафшанского хребта. Она вытянута по направлению С-Ю, около 350 м, в ширину около 110 м и в высоту от уровня современного кишлака на 50 м. Северный конец холма завершается полукругом. Южная часть соприкасается с горными отрогами.

В ходе разведывательных работ выяснилось, что треть северной оконечности холма была освоена еще в античности, на что указывает его неровная поверхность и подъемный керамический материал раннеэллинистического времени. В ходе археологических раскопок выяснилось, что с раннего эллинизма и вплоть до II вв. до н.э. здесь существовало оседлое поселение. Видимо, около рубежа нашей эры на его руинах появляется группа курганных захоронений, насчитывающих в настоящее время около сорока погребений. По размерам эти всхолмления различной величины. Некоторые из них хорошо прослеживаются на поверхности холма, другие с трудом поддаются определению.

На южной границе освоенной части холма имеется курган (К-1) округлой формы, диаметром около 12 м, высотой 2-2,5 м. Верхняя

часть холма покрыта крупными камнями-булыжниками. Местное население считает этот курган святым и поэтому пока не подвергался разрушениям.

С юго-западной части кургана 1 по направлению восток-запад прослеживаются следы каменной ограды шириной около 70-80 см. Местами следы стены теряются. Она продолжается на протяжении около 50 м, затем под углом 90° поворачивает на север на расстояние около 80 м. Северное ее направление худшей сохранности, чем предыдущее. Затем стена постепенно уходит на восток. Эта её часть сохранилась довольно плохо и ее направление можно восстановить из отрывочных остатков примерно на расстояние 40 м.

В восточной и северо-восточной частях холма каких-либо остатков ограды не прослеживается, видимо, там она не сохранилась. Назначение и время функционирования каменной ограды пока остается открытым.

По внешнему облику и по размерам курган 1 существенно отличается от других погребений группы и даже стоит особняком, напоминая курганы, раскопанные О.В. Обельченко вокруг Сазагана и Миранкуля.

Курган 2 расположен на расстоянии около 50 м к югу от кургана 1, имел в диаметре около 9 м высоту 70-80 см. Видимо, первоначально он мог быть в диаметре и выше, но со временем, в связи с утратой каменного заполнения курган расплылся. Наши исследования начались с тщательной расчистки его от дернового слоя. В результате выяснилось, что по центру выложены крупные камни, а чем дальше по периметру камни становятся меньше в размерах. Поверхность кургана было разделена на четыре квадрата. Кв.1 и кв.3, расположенные в диаметральной - противоположном положении подвергались раскопкам на глубину около 1 м. В кв.1 пока результаты не получены, а в кв.2 на глубине около 1 м была вскрыта часть небольшой ямы, заполненной рыхлым серым грунтом и мелкими камнями. Яма, видимо, относится к раннеэллинистическому поселению, так как подобные ей часто встречаются при раскопках поселений этого времени. Например, на поселении Курганча близ Гузара, на территории Южного Согда (Хасанов, 1990) и использовались для хозяйственных нужд.

Курган 3 расположен на расстоянии около 8 м к юго-западу от кургана 2. По центру курган был углублен до нас в виде узкой и не-

глубокой траншеи. Поэтому мы расчистили, расширили и углубили траншею по всему периметру. Курган 3 был покрыт дерновым слоем (слой 1). Под дерновым слоем (слой 1) залегала земля, перемежку с камнями (слой 2). Под слоем 2 располагался рыхлый земляной горизонт с фрагментами керамики, костями мелкого рогатого скота, реже с маленькими бульжниками (слой 3). Толщина слоя около 50 см. Под ним залегал уровень пола из желтоватой глины толщиной 7-8 см. Поверхность пола довольно ровная, но его пока нельзя связывать с какими-либо строениями, отсутствующими в раскопе. На полу лежала уникальная находка - тетрадрахма Селевка 1, на реверсе которой изображен Александр Великий.

Под слоем 3 залегают несколько слоев (слои 4-6) с органическими остатками, фрагментами керамики, костей домашних животных и.т. В слое 6 в восточной стене траншеи была обнаружена часть очень тонкой разрушенной стены, состоявшей из мелко комковатой красноватой глины, без примесей, толщиной 20-22 см и высотой около 35 см. Стена ограничивает небольшую и неглубокую яму, без сомнения, связанную с раннеэллинистическим поселением, но назначение ее пока остается не ясным.

Слой 7 - это каменная насыпь дромоса кургана 3. В связи с защиткой и углублением старой траншеи нам не хватало времени полностью вскрыть дромос и поэтому его размеры пока не определены. Дромос был заполнен крупными камнями-бульжниками, среди которых встречаются и фрагменты керамики.

Под слоем 7, со временем, накопились микрослои 8-9, которые оказались результатом разрушения входа в погребальную камеру. Слой, заполняющий погребальную камеру-катакомбу, обозначен как слой 10. Он довольно чистый, красно-коричневого цвета, без органических остатков с мелкими камешками и редко встречающимися мелкими фрагментами угля. Видимо, слой 10 образовался при разрушении потолка погребальной камеры.

Катакомба в плане овальная, ее размеры пока в точности не установлены, на полу камеры лежал скелет взрослого мужчины в вытянутом положении, головой на северо-восток. Череп был повернут налево и практически был раздавлен большим упавшим сверху камнем. Костяк очень плохой сохранности.

Погребение сопровождалось инвентарем: в ногах лежали маленький одноручный кувшинчик и котелок. Кувшинчик изготовлен

на гончарном круге, миниатюрный, одноручный, узкогорлый с округлым туловищем, слегка отогнутым наружу толстым валикообразным венчиком и плоским дном. Верхняя половина корпуса покрыта красновато-оранжевым ангобом. Высота сосуда 8,4 см.

Котелок миниатюрный, серовато-черного цвета, лепной, овальной формы, с вытянутым туловищем, широкогорлый с плоским дном, высотой 10,4 см.

Рядом с костяком лежали однолезвийный железный нож длиной 12 см, кинжал длиной 26 см с остатками деревянных ножен и железный браслет.

Местность, с вышеописанными курганами, расположена недалеко от ранее известной курганной группы, исследованных О.В. Обельченко в 1963 г., за восточной окраиной этого же села Сазаган (Обельченко, 1966, с. 66-81). Но, к сожалению вскрытия наших погребений не были доведены до конца из-за нехватки времени и поэтому мы не имеем пока возможности сопоставить их планы. Но характер курганов, внешний облик, каменные насыпи, погребальные предметы и т.д. идентичны. Погребения, изученные О.В. Обельченко и наши идентичны расположением и ассортиментом погребального инвентаря. В кургане 1 у О.В. Обельченко, и в нашем, в ногах скелета стоял один одноручный кувшин, фрагмент кухонного котла, интерпретированный как курильница. Данный курган на основании монеты Гиркода был датирован О.В. Обельченко III в. н.э. (Обельченко, 1966, с.68). В нашем кургане имелся миниатюрный котелок, который по форме очень напоминает лепную котелкообразную курильницу из могильника Акджартепа в Пайарыкском районе Самаркандской области (Обельченко, 1962, с. 68). Но курильница из Акджартепа по туловищу имеет много отверстий. Судя по этим данным котелок из нашего кургана 2 также, без сомнения, был использован как курильница.

Как было отмечено, скелет из кургана 3 головой ориентирован на северо-восток. Аналогичные курганы известны в могильниках около станции Вревская (Воронец, 1951, с. 46, 54), Тойтубе (Массон, 1951, с.114-116). Тойтубинские курганы датируются второй четвертью I тыс. н.э. (Массон, 1953, с.24).

Курганы с каменными насыпями давно известны в археологии Средней Азии и характерны от VIII-VII вв. до н.э. и до конца раннего средневековья. Курганы с каменными заполнениями, кроме

Согда, встречались в Кунгайском (Горбунова, 1963, с. 171), Вуадильском (Гамбург, Горбунова, 1959, с.9), Суфанском (Горбунова, 1962, с. 171) могильниках Ферганы. Подобные курганы известны также в бассейне Магиандарьи (Ставиский, 1959, с.66) и в Тулхарском могильнике (Мандельштам, 1961, с.49).

Как показали раскопки на Бойсаритепа, памятник возникает здесь в пору раннеэллинистического периода и продолжает существовать примерно до II-I вв. н.э. и руины этого поселения в начале нашей эры были использованы под могильник.

На основании этих данных курган 1 и курганныю группу могильников на городище Бойсаритепа можно датировать в пределах II-IV вв. н.э.

Следующая небольшая группа сотрудников совместной экспедиции работала на раннесредневековом городище Кафыр-кала, расположенном на левом берегу канала Даргом. Задача отряда заключалась в изучении стратиграфии отдельно стоящих шести башен, окружавших цитадель с южной и северной сторон. В ходе раскопок было определено, что восточная, т.е. первая башня была построена на пахсовом стилобате толщиной 1,5 м. Стилобат стоял на высокой естественной возвышенности. После долгого перерыва в эпоху тимуридов башня была превращена в гончарную мастерскую, о чем свидетельствуют обнаруженные здесь гончарный круг, керамические шлаки и другие предметы.

Средняя, т.е. вторая башня, также была построена на естественной возвышенности, но без стилобата. При этом поверхность холма была подравнена.

Западная, т.е. третья, башня была построена на месте более раннего здания. При этом половина здания была заполнена, утрамбована и таким образом сооружён стилобат.

Судя по археологическим материалам, башни Кафыркала были построены в эпоху раннего средневековья, возможно в канун арабского нашествия в Самаркандский Согд.

Следующая небольшая группа исследователей провела разведочные работы в горной и адырной зонах вокруг кишлака Джам Нурабадского района. В горной части был зафиксирован ранне-средневековый памятник Кушатепе. В ходе разведочных работ были уточнены маршруты древней караванной дороги Шазрисабз-Бухара через перевал Джам. В адырной зоне Джама были зафикси-

рованы несколько курганных захоронений с каменной оградой. Высота насыпей курганов колеблется от 50 до 70 см от поверхности окружающей местности.

Как показали результаты археологической разведки, на территории и вокруг кишлаки Джам имеются археологические памятники, хронологически датируемые от андроновской культуры и вплоть до позднего средневековья.

Литература:

1. Воронец М.Э. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н.э. возле станции Вревская в 1947 г. // Труды Музея истории народов Узбекистана". Вып.1. Ташкент, 1951.
2. Горбунова Н.Г. Кунгайский могильник. Госэрмитаж. Археологический сборник. Вып.3, Л., 1963.
3. Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г. Археологические работы Ферганского областного краеведческого музея в 1953-1954 гг. ИМКУ. Вып.1. Ташкент, 1948.
4. Горбунова Н.Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. Госэрмитаж, Археологический сборник. Вып.5. Л., 1962.
5. Мандельштам А.М. Новые данные о Тулхарском могильнике по работам 1958 г. // Труды института истории АН ТаджССР. Том XVII. Археологические работы в Таджикистане в 1957 г. Вып. 6. Душанбе, 1961.
6. Массон М.Е. Уникальный намогильный лицевой памятник из долины Ангрена // Известия АН КазССР. Серия археологическая. Вып. 3, No 108, 1951.
7. Массон М.Е. Ахангеран. Ташкент, 1953.
8. Обельченко О.В. Могильник Акджартепе // ИМКУ. Вып.3, Ташкент, 1962.
9. Обельченко О.В. Сазаганские курганы // ИМКУ. Вып.7. Ташкент, 1966.
10. Ставиский Б.Я. Археологические работы в бассейне Магиандарьи в 1957 г. // Труды АН ТаджССР. Т. СIII, Археологические работы в Таджикистане в 1957 г. Вып. V. Душанбе, 1959.

Ю.Ф. Буряков, У. Алимов, Г.И. Богомолов
(Ташкент)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ ШАХРУХИЯ

В 2002-2003 г. Шахрухиинским археологическим отрядом Чач-Уструшанской экспедиции были продолжены стационарные археологические раскопки на одном из крупнейших памятников городской культуры Ташкентского оазиса - городище Шахрухия.

Памятник располагается в юго-западной части области в 90 км от Ташкента на обширном возвышенном берегу р. Сырдарьи.

Историко-топографические исследования показали, что город на возвышенной равнине у изгиба реки вырос не случайно. Могучая Сырдарья во время половодья, вырываясь из предгорий, разливается на широких площадях равнины и лишь в нескольких местах поднимаются прочные останцы, удобные для стационарной переправы. На одном из них в правобережья реки не менее двух тысяч лет тому назад и вырастает укрепленный торговый пункт, получивший название Бенакет. Он стоял на сухопутной транзитной трассе Великого шелкового пути, отрезок которого в восточных источниках назван “старой бенакетской дорогой” (т.к. была и новая более короткая, которая вела из Согда в Чач через степь к устью “реки Парака”) - Чирчика (Ю.Б.) и на речной трассе по Яксарту, по которой везли на север зерно к кочевникам.

Бенакет был крупным торгово-ремесленным центром средневекового Чача. Сохранились ремесленные кварталы Бенакета - керамистов, стеклодувов, ювелиров, базарные площади.

Город чеканил монету и в раннем средневековье, и в X-XII вв., и даже в начале XIII столетия, когда столица Чача находилась в запустении.

В 1219 г. после четырехдневной осады город был взят татарами - монголами, разрушен.

В 1392 г. во время восточного похода Амир Темур оценил его стратегическое положение на переправе, приказал восстановить крепость, назвав ее по имени своего младшего сына - Шахрухия. Несомненно, она была задумана, во - первых, и как опорная база во время борьбы с Тохтамышем, а также для охраны и контроля торговых трасс, пересекавших Сырдарью и проходивших по самой реке. Совершенно очевидно, что Шахрухия задумывалась Амиром Тимуром изначально как сильно укрепленный пункт, где предусматривалось несколько поясов обороны. Не случайно письменные источники XV-XVI вв. отмечают Шахрухию как сильную крепость.

В 2002-2003 гг. рабочий коллектив отряда включал три группы сотрудников: Института археологии АН РУз (Ю.Ф. Буряков, Г.И. Богомолов, К.А. Алимов); Музея Темура и Темуридов АН РУз (У. Алимов); Педагогического университета им. Низами (А.А. Аскарлов с группой студентов).

Группа педагогического университета проводила раскопки в квартале керамистов, включавшем гончарные печи X - начала XIII вв. и XV-XVI вв.

Основные работы были посвящены исследованию фортификации города эпохи Амира Темура и Темуридов. Раскопки проводились на двух участках - на северном фасе стены (раскопки У. Алимова) и на крупнейшей башне у северо-западных ворот шахристана (Г.И. Богомолов, К. Алимов).

Северный и северо-восточный фас темуридского хисара был укреплен оборонительной стеной с более чем тридцатью башнями (из них сохранилось 26). Башни сохранились в виде холмов на разных (от 10 до 35 метров) расстояниях друг от друга, что определялось микрорельефом местности. На одной из них (башня № 9) производились раскопки. Она выступала за пределы стены полукругом и возведена из сырцового кирпича (35x22x7 см) без штукатурки. Башня двухэтажная. Внешний полукруглый фас диаметром 5,1 м примыкал к пахсовой стене. На противоположной стороне суфа. Помещение высотой 2,25 м, перекрыто настилом с каркасом из 10 балок различной (от 4 до 5,5 м) длины и диаметром 18-20 см. сохранились остатки деревянных балок и сквозные гнёзда. На первом этаже расчищена колонна, выложенная в один ряд из крупноформатного (42x35x7 см) сырцового кирпича, со сквозным отверстием в центре. Видимо, она играла роль опоры для балок перекрытия.

Второй этаж сохранился на высоту около одного метра. Вход в башню изнутри со второго этажа. На первый этаж спускались, видимо, при помощи деревянной лестницы.

Во время раскопок в башне найдены квадратные (25x25x5 см), прямоугольные (31x16x6 см), трапециевидные (22x18x14 см) жжёные кирпичи, видимо, от оформления парапета башни. Найдены и фрагменты поливных сосудов: чашки, чирагов с петлеобразной ручкой. Среди находок особенно интересны керамические катушкообразные предметы высотой 8-11,5 см, назначение которых пока остается спорным (найдено 11 штук).

Большой интерес представляют раскопки в северо-восточном углу Шахристана I (Р № 9), где намечено поэтапное изучение крупнейшего фортификационного узла и его связи с внутренней застройкой города. Это мощная угловая башня Шахристана I, фланкировавшая не только угол Шахристана, но, видимо, и уличную магистраль к переправе, уступ крепостных стен и ворота Шахристана II. Башня возвышается на высоту 20 м (от современной поверхности) подошвы стены. Общая площадь раскопа почти 140 м² (с запа-

да на восток он вытянут на 14 м, с севера на юг - на 10). Участок подвергался эпизодическим раскопам в предыдущие годы. Вскрытие выявило сложную картину обживания с плохо сохранившимися руинами каких-то сырцовых построек, сильно искаженную к тому же мусорными ямами и перекопами нового времени.

Уже предварительные работы выявили руины мощного форпоста в виде круглой башни диаметром чуть меньше 10 м. Стены и внутреннее устройство ее сохранились не полностью (хорошо сохранился северный участок округлой в плане стены, длиной чуть более 7 м. Он сложен из пахсы и сырца).

Второй участок пахсовой стены обнаружен в 10 м к юго-востоку от северного. Он шириной - 1,2 м и высотой около 0,5 м. Внутреннее пространство башни было перегородено тонкими стеночками, вытянутыми по оси запад-восток, разделявшими пространство башни на несколько помещений. Пока удалось выделить три помещения. Центральное - прямоугольной формы, и боковые - сегментовидные. Проходы в боковые помещения устроены на одной линии. Западная и юго-западные части башни, к сожалению, почти полностью разрушены. Здесь зафиксированы следы каких-то хозяйственных построек.

Складывается впечатление, что на последних этапах башня не всегда использовалась как форпост. Иногда она лежала в руинах и подвергалась периодическому обживанию, или использовалась для хозяйственных нужд. Жилой же центр располагался где-то западнее и выше.

Последующие работы продолжались на трех участках: северная площадка А; центральная площадка Б; юго-восточная площадка В.

В северной части расчищена стена башни, сохранившаяся на высоту 2,4 м. Верхняя часть пахсовая, поставлена на сильно подрубленную верхушку стены, выложенной из прямоугольного сырца. Ряды сырца, в основном, выведены тычком, но кладка неровная. Между пахсовой стеной и кладкой из сырца расчищены горизонтальные отверстия от деревянных балок.

Расчищено три уровня полов. На нижнем - в центре площадки открыты следы кострища, углубленного в пол.

С юга площадка ограничена стеночкой-перегородкой шириной 50 см. Пространство между перегородкой и стеной башни засыпано землей и фрагментами сырца. Для чего понадобилось это возвышение - неясно. Возможно, на него устанавливали либо самострел, либо камень.

Вскрытие центральной площадки началось с середины V яруса. В восточной части было выявлено три уровня полов, вымощенных жженым кирпичом.

Раскопки по краю холма показали отсутствие обводной стены. Видимо, она рухнула вниз, что могло произойти и в древности, и в новое время.

Керамический комплекс всех полов неоднороден. Много фрагментов керамических изделий из ранних эпох (XI-XII вв.), вероятно, из перемещенных слоев. Встречаются фрагменты керамики темирдского времени. Но датировать верхние слои II и III, вероятно, следует присутствием в комплексе керамики XVI-XVII вв.

Южная площадка (B) по верхнему уровню представляла собой отдельное помещение сегментовидной формы, отсеченное от центрального помещения стеной перегородкой. Однако, в процессе раскопок выяснилось, что стена связана с третьим уровнем пола и вниз не прослеживается. Подстилат стену плотный серовато-желтый слой с небольшим включением культурных остатков. В западной части он переходит в слой зеленовато-серого цвета, насыщенный фрагментами кирпичей, керамики, костями животных и древесными угольками. В восточной части под этим слоем удалось расчистить остатки какого-то интерьера другого строительного горизонта. Выявлена довольно широкая суфа, вытянутая поперек помещения (т.е. вдоль восточной стены).

В середине VIII яруса зафиксирована ровная горизонтальная поверхность - пол, желтоватого цвета, покрытый почти по всей площади тонким слоем золы. Находок мало, в основном кости животных и фрагменты кирпичей (кирпичная крошка). Керамический комплекс невыразителен.

Анализ архитектурных остатков показывает, что в XIV в. здесь была возведена округлая башня из сырца, диаметром почти 10 м. В XV-XVI вв. пространство башни подвергалось перестройке. Внутри возведены перегородки, разделившие ее на три помещения. Из них два крайних использовались под жилье. В самой башне поверх темирдских сырцовых стен надстраиваются стены из пахсы. Толщина стен около 3 м. В XVI-XVIII вв. обживаются уже руины башни.

А.А. Грицина, И.Д. Иваницкий, К. Рахимов
(Самарканд)

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ ЭСКИ ХАВАС

Городище Эски Хавас – один из самых крупных и известных памятников Сырдарьинского вилоята, да и всей Голодной степи. Уже первые исследователи – члены Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА) – неоднократно обращали на него внимание. Так Н. Лыкошин записал рассказ местных старожилов о том, что некогда от Шахристана протекала большая река по которой суда двигались до самого Хаваса (Лыкошин, 1896, с. 9). Вопроса ирригации древнего Хаваса касался П.С. Скварский (Скварский, 1896, с. 41). Позднее, крупнейший исследователь и знаток истории Средней Азии профессор М.Е. Массон уже определённо отождествил огромный бугор в центре Голодной степи с развалинами средневекового Хаваса (Массон, 1935, с. 16). Однако, из-за того, что они в это время были густо обжиты (сначала здесь располагалась бекская крепость, окружённая широким, заполненным водой, рвом, а затем, вплоть до 1953 года, дома кишлака Эски Хавас), археологические исследования на нём были затруднены. Именно поэтому больше внимания уделялось расположенным рядом развалинам древних городищ в округе Шахристана и Уратюбе. Только в 1988-1989 гг. Сырдарьинским отрядом Института археологии АН Республики Узбекистан впервые на городище Эски Хавас были произведены раскопки. И хотя тогда так и не удалось дойти до материка, полученные материалы позволили сделать вывод о том, что селение возникло не позднее рубежа н.э. и является самым древним городищем на территории Сырдарьинского вилоята.

Примерно в это же время выше по Шурбулаксаю (Ниджонисаю), являвшемуся, как известно, основным источником, обеспечивающим водой Хавас и его округу, было открыто ещё одно крупное городище – Нуртепа - на котором получены материалы середины I тыс. до н.э. Всё это вселяло надежду, что Хавас – это ещё одно древнеустрюшанское поселение, известное по античным письменным источникам

Городище трехмерно. Состоит из внушительной цитадели и двух следующих друг за другом территорий. Цитадель расположе-

на в северо-западной его части. Размеры ее составляют 130 x 140 м, высота около 14 м.

В 1988-1989 гг. на городище было разбито два раскопа. Раскоп 1 заложен в 35 м к юго-востоку от цитадели с целью выявления внешних стен и изучения стратиграфии городища. Первоначальные размеры его составляли 3 x 5 м, которые постепенно, по мере раскопок, увеличивались. Раскоп был доведен до уровня начала XIX яруса от самого высокого края раскопа (Грицина, 1989, с. 31-35). В результате было зафиксировано несколько жилых горизонтов, охватывающий период от времени Афрасиаб III и до XX в. включительно (Грицина, 1990, с. 12-13).

Раскоп 2 велся одновременно с раскопом 1 (раскопки провел В.И. Набоков) и преследовал цель выявления стратиграфической ситуации в этой части городища. Он представлял собой зачистку в срезе карьера в южной части городища. По мере продвижения вниз, раскоп расширялся и начиная с поверхности котлована превратился в шурф, который был доведен до начала XX яруса от самой высокой точки раскопа. Дойти до материка помешали грунтовые воды. В результате раскопок также был зафиксирован слой с материалами времени Афрасиаб III (Грицина, 1989, с. 36-).

В отчетном году было решено расчистить раскоп 1, который за долгие годы превратился в бесформенную яму, с тем, чтобы в дальнейшем довести его до материка. При подравнивании стенок раскопа попадалась керамика различного времени, в том числе, археологически целый котел с дугообразной ручкой, фрагмент мургоби и фрагмент поливного сосуда с лимонно-желтой поливой караханидского времени. Работы были прекращены в XII ярусе.

Раскоп 3 (4 x 5 м) был заложен в котловане, к западу от раскопа 2. Основной целью раскопок являлось изучение древнейших слоев городища. Решение разбить раскоп на дне котлована было обусловлено тем, что мы надеялись “сесть” сразу же на античные слои, что и подтвердилось в ходе раскопок.

После снятия верхних натечных слоев, была выявлена мощная паховая стена, разбившая раскоп на две половины обозначенные нами как помещения 1 и 2. В помещении 1 уже в верхнем слое пошла керамика античного облика, включая краснолощеную. Грунт довольно влажный, средней плотности, с золой и костями животных. На глубине 56 см от уровня стены прослежен уровень пола с

очажным пятном. Ниже был зафиксирован еще один пол с остатками саманной циновки, который подстилал слой мелкого галечника.

При дальнейших работах в помещении 1 выяснилось, что пахсовая стена (ее толщина по основанию составляет около 2 м) возведена на каком-то склоне, то есть, по всей вероятности, она являлась внешней стеной античного поселения или городища.

В помещении 2 на уровне начала стены зафиксированы обожженные докрасна участки поверхности. В восточной его части - довольно мощный слой гумуса. Как впоследствии оказалось, скорее всего, здесь находилась яма, из которой помимо керамики были найдены кости черепаш (остатки панцирного покрытия). Среди керамики был найден венчик котла и заготовка для прясла из стенки сосуда. Однако, яма не затронула часть кладки непосредственно примыкающей к пахсовой стене.

Таким образом, был вскрыт участок стены, выложенной в традициях раннеэллинистического времени, когда рядом с кирпичами приближающимися по формату к квадратному (38 x 32 12 см), клалась половина такого кирпича. Общая ширина раннеэллинистической кладки равнялась 64 см. Подобная кладка отмечалась на городищах Афрасиаб и Коктепа (Исамидинов, Иваницкий, Хасанов, 2003, с. 74). Раннеэллинистическая кладка, как уже отмечалось, была пристроена к более древней пахсовой, видимо, оборонительной стене.

При расширении раскопа 3, к сожалению, в восточной и западной сторон пахсовая стена оказалась прорезанной ямами. В восточной яме найден фрагмент курильницы, выполненная ручным способом, дно которой было сильно обожжено и закопчено, “шишковидная” ручка-упор от лепного котла, хорошо известных в древнеуструшанских комплексах (Негматов, Беляева, Мирбабаев, 1982, с. 93, 95 и др; Грицина, 1990, с. 20, рис. 3) и крупный кувшин, сформованный “комплексным” методом: нижняя часть отдельно ручным способом, верхняя – на гончарном круге. Затем обе части были соединены между собой.

Как видно, материал в большей своей части оказался смешанным. Тем не менее, в нем достаточно уверенно выделяется керамика древнего облика, которую можно отнести ко времени функционирования эллинистической стены. Это крупногабаритные кувшины, груболепные котлы с ручками-упорами, сосуды с налипными

лентами на тулове, краснолощенные чаши.

Отметим, что здесь не найдено так называемых рыбных блюд широко распространенных в это время в крупнейших керамических центрах. Аналогичная картина наблюдается и на городище Коктепа (Исамидинов, Рапен, 2002, с.77, рис.8), что можно объяснить периферийностью этих поселений, где не все керамические формы получили распространение.

Раскопки, проведенные на городище в 2003 году, показали, что перед нами еще одно древнеустрюшанское поселение, возможно один из “городов”, известных по письменным источникам, так как была вскрыта оборонительная стена раннеэллинистического времени предварительно датированная первой половиной III в. до н.э. И что очень важно: она была возведена на более древних слоях. Всё это делает необычайно интересным изучение, по сути дела, уникального городища, сохранившего в своей 14-метровой толще культурных слоёв отражающие практически непрерывное развития древнего поселения с глубокой древности до XX века включительно.

Литература

Грицина А.А. Отчет о полевых исследованиях Сырдарьинского отряда в 1989 году. Архив ИА АН Узбекистана. Самарканд, 1989.

Грицина А.А., Пардаев М.Х. Археологическое изучение Кизилинского массива // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990.

Грицина А.А. Северная Уструшана в середине I тысячелетия до н.э. – начале XIII в. н.э. (археолого-топографическое исследование). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Самарканд, 1990.

Грицина А.А. К сложению городов и поселений на древних путях Северной Уструшаны // На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Ташкент, 1990.

Лыкошин Н. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии // ПТКЛА. Т.1. Ташкент, 1896.

Массон М.Е. Проблема изучения цистерн-сардоба. Ташкент, 1935.

Негматов Н.Н., Беляева Т.В., Мирбабаев А.К. К открытию города эпохи поздней бронзы и раннего железа Нуртепа // Культура первобытной эпохи Таджикистана. Душанбе, 1982.

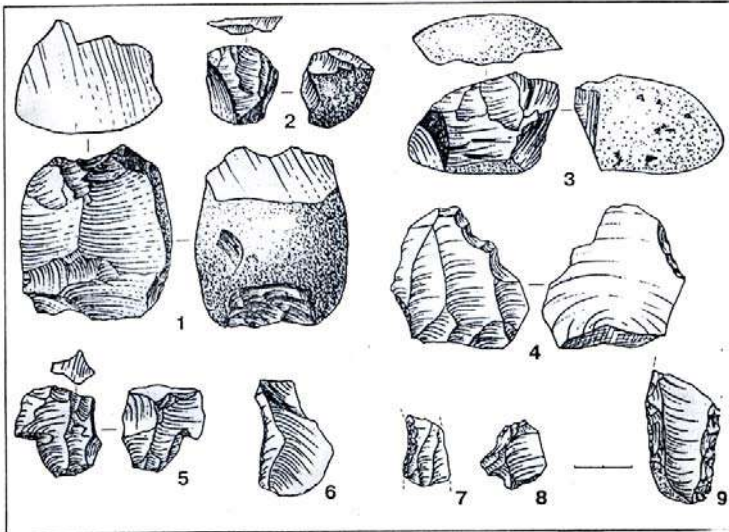
Скварский П.С. Несколько слов о древностях Шахристана // ПТКЛА. Т.1. Ташкент, 1896.

САМАРҚАНД ПАЛЕОЛИТ МАКОНИ МАНБАЛАРИНИ ЯНГИ ЁНДАШУВ АСОСИДА ЎРГАНИШ НАТИЖАЛАРИДАН

Самарқанд Давлат Университети археологлари 2003 йилда Самарқанд палеолит макони манбаларини янги ёндашув асосида тадқиқ қилдилар.

Маълумки, Самарқанд сўнги палеолит макони Марказий Осиёдаги эталон ёдгорлик ҳисобланади. Макон 1939 йилда кашф қилинган, археологик қазиб ўрганиш ишлари 1958-1973 йилларда амалга оширилган ва кўпгина илмий асарлар ҳам эълон қилинган (Джуракулов, 1987).

Ёдгорлик илк даврлар тарихимизни ўрганишдаги аҳамияти катта эътиборга молик бўлиб, уни янги технологик ёндошув асосида тадқиқ қилинишига талаб туғилмоқда. Шу нуқтаи назардан келиб

Самарқанд палеолит макони: 1-3 – ўзақлар;
4 – тишли ускуна (ранда); 5 – ўзақ пачасидан
ясалган искана; 6, 7, 9 – ўроқ рандалар; 8 – қирғич.

чикқан ҳолда ёдгорлик индустрияси кейинги йилларда янги технологик ёндошув, хусусан, трасологик услуб жиҳатдан тадқиқ қилиш ишлари бошлаб юборилди (Коробкова,Джуракулов,2000,358-462 б).

1958-1960 йилларда бажарилган археологик тадқиқот ишлари туфайли 977 тош ашёлар қўлга киритилган бўлиб, технологик ва трасологик таҳлиллар туфайли бу топилмаларнинг 41 таси ўзак, 116 турли куроллар, 803 таси учирма, парча синиклар, 17 таси ғамланган тош бўлаклари эканлиги аниқланди. Характерли томони шундаки, бу текширилган индустрияда, кўп ҳолларда махсус учиррилган тош парчалари бўлиб, уларнинг аксариятига қайта ишлов берилган. Тош парақаларнинг кўпчилиги ўзининг дағаллиги билан ажралиб туради. Призма шаклидаги парақалар, шунингдек, призма ўзаклар кам, техник учирмалар орасида оддий дарё тош жинсларидан, шунингдек, чакмоқтошдан олинган синиклар ҳам учрайди. Буюмларни ясашда асосан чакмоқтошдан фойдаланилган. Маконнинг пастки қайиридан топилган тош ашёларнинг 92 фоизи маҳаллий, яъни Зарафшон дарёси қирғоқларида учрайдиган тош жинслардан фойдаланилганлиги маълум бўлди. Шунингдек, 6,7 фоиз тош ашёлар Чўпонота баландлигидан келтирилган яшил рангдаги чакмоқтошдан иборат. Бу тепалик Самарқанд шаҳридан 4-5 км шарқ томонида жойлашган. Бу ерда яшил рангдаги чакмоқтош кони борлиги аниқланган. Маҳаллий тош жинслар ўзининг мустаҳкамлиги, ишлов беришда керакли парчаларни ажратиш олиш учун сифат жиҳатдан яроқли манба ҳисобланган. Аммо Чўпонота чакмоқтоши юқори даражадаги сифатга эга эмаслиги аниқланди. Унинг муртлиги туфайли парчалаш жараёнида зарур парақаларни ажратиш қийин кечган. Шунинг учун бўлса керак, маконда яшаган дастлабки жамоалар ундан кам фойдаланишган. Тош ашёлар таркибида хилма-хил рангдаги, жумладан, яшил, жигар ранг сингари тусдаги чакмоқтошлар мавжуд.

Макон аҳолиси меҳнат куролларини яшаш бўйича ўз даврига нисбатан юқори технология усулларида фойдаланишган. Хусусан улар куроллар яшаш учун сифатли манбалар излаб топиб, улардан керакли парчалар ажратиш олишган. Тош ғурраларни парчалаш махсус отбойник (тош тўкмоқлар) туфайли эришилган. Олинган ўткир қиррали парчалари дастлаб ҳар хил юмушларда фойдаланилган ва зарур вақтда уларга майда керттиш техникаси усули билан қайта ишлов берилиб, ўткирланган.

Самарқанд макони манбаларида қирралари дағал кертув усули билан ишланган қурооллар диққатни тортади. Улар одатда табиатан силлиқланган қайроқ тошлар асосида ясалган бўлиб, кескич қирралари 4-5 йирик кертув асосида ўткирланган. Булар чоппер ва чоппинг қурооллар бўлиб, кўл болтаси ва чопкич ускуналар сифатида фойдаланилган (Семенов, 1968). Самарқанд маконида бундай турдаги қурооллар муайян коллекцияни ташкил қилади. Трасологик таҳлиллар шуни кўрсатдики, бу типдаги қурооллардан, асосан, йирик ҳайвонлар гавдаси ва суяқларини бурдалашда, дарахтларга ишлов бериб капалар қуришда, ҳайвон териларига ишлов беришда, шунингдек, ер қазишда, озикабоп ўсимликлар илдизларини кавлаб олишда фойдаланганлар. Самарқанд макони аҳли бундай қуроолларни яшаш учун одатда тухумсимон, думалоқ шаклдаги қайроқларни танлашган. Бу шаклдаги қуроолларга тиг чиқариш усуллари қарама-қарши зарба техникаси билан бажарилган. Коллекцияда тош сандонлар ҳам бўлиб, трасологик таҳлиллар эса уларнинг турли қурооллар ишлаб чиқаришда кенг фойдаланганлигини кўрсатди. Сандонларда сақланиб қолган интенсив излар бундан далолат беради. Тош индустрия таркибида чоппер ва чоппинг шаклидаги ўзақлар ҳам бўлиб, уларнинг аксарияти юқорида зикр этилган юмуш турларида ҳам кўлланилган.

Индустрияда фойдаланилган ўзақлар хилма-хиллиги билан ажралиб туради. Хусусан, ясси ва призма шаклидаги ўзақлар характерлидир. Бундай ўзақлардан ҳар хил қурооллар яшаш учун парақалар ажратиб олиш ишлари муайян натижа ва қулайликларга эга бўлган. Ўзақларнинг аксариятидан охиригача фойдаланилган. Парақа олишга яроқсизларидан эса отбойник (тўкмоқ) сифатида фойдаланилган. Одатда призма шаклидаги парақаларни сиқиш (босим) усули билан олиш жараёни кўпинча ғамланган ва фойдаланилган манбанинг сифатига боғлиқ бўлган. Шунинг учун бўлса керак, Самарқанд маконида қуроол учун яроқсиз синиқ ва чиқиндилар ҳам кўп учрайди. Маконда топилган ўзақларнинг асосий гуруҳини узунлиги 2,3-6,7 см, эни 2,4-7,1 см, қалинлиги эса 1,5-4,3 см ни ташкил қилади. Ўзақларнинг айримларига жадал ишлов берилган. Самарқанд макони аҳолиси қуроол яшаш учун керакли бўлган хом ашёга нисбатан муайян даражада тежамкорлик билан қарашган. Масалан, ўзақлардан ажратиб олинган турли шаклдаги ишлаб чиқариш чиқиндилари бўлган, хусусан, тош парчаларига ҳам кўп

ҳолатларда ишлов берилиб, турли юмушларда фойдаланилган.

Индустрия таркибида икки зарбали майдонга эга ўзакларга нисбатан бир майдонлилари сероброқ бўлиб, бу омил маконнинг пастки маъдан қатлами манбалари архаик, яъни ёдгорликнинг юқорисига нисбатан қадиймироклигидан гувоҳлик беради. Ўзаклар билан боғлиқ манбаларнинг таҳлили, Самарқанд палеолит даври кишилари призма шаклидаги парақаларни ажратиб олишганлигидан далолат беради. Маконнинг пастки қайирдан топилган тош индустрия таркибида леваллуа шаклидаги ўзаклар учрамайди, айрим учирмаларнинг борлиги кузатилади, лекин улар характерли эмас. Леваллуа шаклидаги техник усулларни фақат маконнинг юқори қайири манбаларида кузатиш мумкин. Ишлаб чиқариш чиқиндиларининг сероблиги - бу ибтидий жамоаларнинг қурол ишлаб чиқариш, тошни қайта ишлаш юмушларини яшаш макони жойида амалга оширилганлигидан далолатдир. Шунини айтиш лозимки, турли сифат ва рангдаги ғамланган тош бўлаклари, асосан Зарафшон дарёси қирғоқларидан келтирилган. Чўпонота манбалардан сифатсизлиги учун кам фойдаланилган.

Маконнинг пастки қайирдан топилган манбалар орасида қирғич, ранда, бир томони кемтик арра тишли қуроллар ҳам учрайди. Маконнинг ўзига хос хусусиятларидан бири - бу қирғич қуролларнинг аксарияти техник парчалар асосида ясалганлигидадир. Призма парақаларда ясалган қирғичлар камчил учрайди. Шунингдек, йирик рандасифат қирғичлар ҳам мавжуд. Бундай қуролларни яшашда кўпинча тош парчаларидан фойдаланган ва уларнинг устки томонидан дағал кертув усулида ишлов берилган, ўткирланган. Демак, юқорида айтилганидек, макон кишилари ҳам ашёни тежаб, техник чиқиндилардан ҳам унумли фойдаланишганлар. Трасологик таҳлиллар бундай қуролларнинг турли юмушларда, хусусан, ҳайвон териларига ишлов беришда, ёғоч ва суякларни қайта ишлашда кенг фойдаланишганлигини кўрсатди. Қирғичларнинг аксарияти дағал тош парчалари асосида тайёрланган бўлиб, бундай қуроллардан универсал тарзда фойдаланилган. Индустрия таркибида искана қуроллар ҳам мавжуд бўлиб, улар ҳам одатда тош учирмаси ёки парчаларидан тайёрланган. Бу шаклдаги қуролларнинг ясашиш техник-технологияси Самарқанд макони индустриясининг ўзига хослигини ифодалайди (Лев, 1967, 100-124 б.). Тош асрининг сўнгги даврлари тарихига назар солинадиган

бўлинса, парақа-учирмалар асосида ясалган қирғичлар, рандалар ва искана сингари қуроллар мезолит ва неолит даврларида ҳам учрайди. Демакки, Сазағон маданиятига тегишли неолит жамоалар, масалан, сўнгги палеолит даврига нисбатан илғор технология анъаналарини ворисий равишда давом эттирганлар. Шунинг учун ҳам тадқиқотчиларнинг Сазағон маданиятининг генесиологик илдизларини Самарқанд сўнгги палеолит маданиятида кўриш мумкинлиги ҳақидаги илмий хулосалари асослидир.

Хулоса тарзида шунини зикр этиш лозимки, Самарқанд макони манбалари - тош индустриясини янги технологик ёндошув асосида ўрганиш ва таҳлил қилиш натижалари Марказий Осиё, Сибир-Олтой сўнгги палеолит маданиятларининг, шунингдек, Сазағон, Фарғона, Калтаминор, Ҳисор мезонеолит жамоаларининг маданият тарихи генесиологик илдизларини ойдинлаштиришда қимматли хулосалар бериши шубҳасиздир. Янги технологик-трассологик таҳлиллар давом эттирилмоқда. Шубҳасиз, Самарқанд палеолит макони - эталон ёдгорлик сифатида маданият тарихимизнинг кўпгина ҳамон ечилмаган муаммоларини ойдинлаштиришда муҳим манба бўлиб хизмат қилаверади.

Шундай қилиб, ёдгорликнинг 1958-1960 йилларда археологик қазиш ишлари туфайли йиғилган тош индустриясини технологик, янги ёндошув асосида текшириш таҳлиллар маконнинг маъдан қатлами билан боғлиқ пастки қайиридан топилган тош ашёлар аввалги тасаввурларга нисбатан архаик, яъни қадимийроқ эканлигини, шунингдек, ўз даврига нисбатан меҳнат қуролларини ишлаб чиқариш технологияси муайян равишда ривожланишда бўлганлигини, бу жараённинг атроф муҳитда яшаган жамоалар маданиятига ижобий таъсирчанлигини, тирикчилик учун қуроллар ишлаб чиқаришда ғамланган тош манбаларни иқтисод қилиш, техник учирма ва парчалардан унумли фойдаланиш, улардан турли-туман меҳнат қуроллари яшаш ва турли юмушларда муайян даражада фойдаланиш сингари жараёнлар ойдинлаштирилди. Хусусан, авваллари “чиқиндилар” тоифасига йўналтирилган тош парчаларининг 67 фоизи ишлов берилган турли-туман қуроллар бўлганлиги бундан далолат беради.

Адабиётлар:

1. Джуракулов М.Д., 1987. Самарқандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средний Азии. Ташкент, 187.
2. Жўракулов М.Ж., 2003. Самарқанд палеолит маконини ўрганишнинг янги

тахлили саҳифасидан // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар, 2002 йил, 3-сон, Тошкент.

3. Жўракулов М.Ж., 2003. Самарқанд палеолит маконини ўрганишнинг янги таҳлили саҳифасидан // Археология. Қадимги дунё тарихи ва этнография масалалари. Илмий маколалар тўплами. Самарқанд.

4. Лев Д.Н., 1967. Палеолит Самаркандский области и его специфические особенности. Труды СамГУ. Новая серия. Вып. 166. Самарқанд.

5. Коробкова Г.Ф., 1972. Трасологическое исследование каменного инвентария Самаркандский стоянки (по материалам 1958-1960 гг.) МИА, №185, Л.

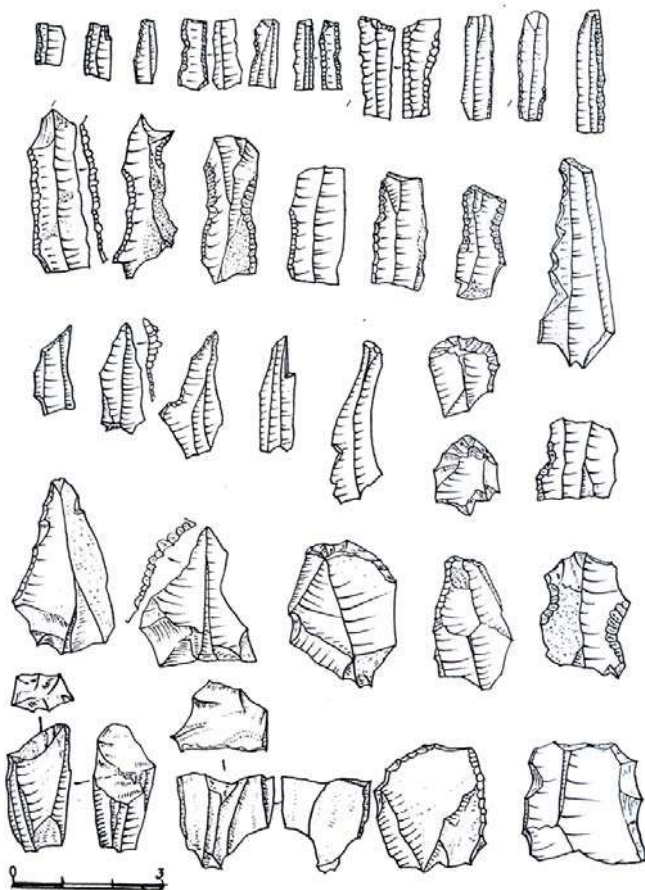
6. Коробкова Г.Ф., Джуракулов М.Д., 2000. Самаркандская стоянка как эталон верхнего палеолита Средний Азии. Кишинев, №1.

7. Семенов А.А., 1968. Развитие техники в каменном веке. Л.

М.Ж. Жўракулов, Н.У.Холматов
(Самарқанд)

САМАРҚАНД УНИВЕРСИТЕТИ ТАДҚИҚОТЛАРИДАН

Самарқанд университети археологлари 2003 йилда Зарафшон ҳавзасининг сўл ҳудудлари билан боғлиқ, Қоратепа тоғининг шимолий ён бағрларида дала тадқиқот ишларини давом эттирди. Дастлабки кунларда кенг кўламда археологик дала кузатув ишлари бажарилди. Хусусан, Тепакул, Эгрикул, Сазағонсой дараларининг қирғоқлари билан боғлиқ қайирлар кўздан кечирилди. Зикр этилган даралардаги қишлоқ атрофларидан, сойларнинг қайирларидан микролитлар йиғиб олинган бўлиб, уларнинг кўпларига неолит технологиясига хос ишловлар берилган. Микролитларнинг шакл-шамоиеларига қараганда бу топилмалар Сазағон неолит маданиятига хослигини кўрсатди. Бу микролитларнинг аксарияти яшил рангдаги чакмоқтош манбаи асосида яратилган бўлиб, бундай чакмоқтош кони Самарқанддан 4-5 км шарқий томонда жойлашган Чўпонота баландлигида ҳам мавжуд. Демакки, бу топилмалар ибтидоий жамоаларнинг бундай имкониятдан фойдаланганлигидан далолат беради. Тўғри топилма коллекция таркибида оқ, сариқ, жигар рангдаги чакмоқтошдан ясалган микропайрахачалар, шунингдек, турли техник учирмалар ҳам тақдим қилинган бўлиб, уларнинг аксариятига қайта ишлов берилган. Топилмалар таркибида қирғич синиқлари, понасимон ускуналар, шунингдек, қаламсимон ўзақлар ҳам тақдим қилинган. Умуман, Сазағон неолит маданиятига тегишли топилма тош индустрия таркибида Навоий шаҳрига яқин жой-

Тк. 4. Тош қуроллар.

лашган Учтут неолит чакмоқтош конидан келтирилган сифатли чакмоқтошдан ишланган микролитлар ҳам учрайди. Демак, бу маълумотлар Сазағон мезолит ва неолит зикр этилган худулар жамоаларининг билан муайян маданий ва хўжалик алоқадорликда бўлганлигидан гувоҳлик беради (Жўрақулов, Холматов, 1991, 106-бет).

Археологик дала тадқиқотларида университетнинг тарих факультети талабалари, талаба-археологлар, магистрантлар, аспирантлар, кафедра илмий ходимлари иштирок қилишди.

2003 йилнинг баҳорида асосий тадқиқот ишлари Тепакул-4 не-

олит маконида бажарилган бўлиб, бу текширишлар аввалги йиллардаги бошланган тадқиқотларнинг давоми эди (Жўрақулов, Холматов, 2003, 61-65-бетлар). Маконнинг 50 метр кв. майдони қазиб кўрилиб, маъдан қатлам билан боғлиқ топилмалар қўлга киритилинди. Маъдан қатлам чуқурлиги 3 метрли қалин тупроқ ётқизиғи билан боғлиқлиги намоён бўлди. Ҳаммаси бўлиб 3000 га яқин археологик ашёлар қўлга киритилинди. Топилмаларнинг аксариятини тош буюмлар ташкил қилади. Унинг таркибида турли хил микролит буюмлар, жумладан, ўзақлар, қирғичлар, парахалар асосида ясалган қадаматош қурооллар, поналар, рандалар, кескич ва тешгич қурооллар, шунингдек, ҳар хил ҳажмдаги бошқа микролит қурооллар ҳамда неолит сопол парчалари ва ҳайвон суяклари тақдим қилинган.

Тош коллекцияси типологик жиҳатдан ҳам қизиқарли бўлиб, уларнинг дастлабки таҳлили учирма-парахали индустрия технологияси билан боғлиқлигини кўрсатди. Тошни парчалаш, ўзақлардан микролит парахаларни ажратиб олиш технологияси мезо-неолит усулига хос бўлиб, ўзақларнинг қаламсимон шаклдалиги, тошни йўниш технологиясининг муайян юксаклигини кўрсатади. Бундай шаклдаги ўзақлар коллекцияда 12 та нусхаси тақдим этилган. Шунингдек, ишлов бериш жараёнида синган ўзақлар ҳам учратилиб, уларнинг айримлари бошқа юмушларда қўлланилган. Аслида бу хилдаги қурооллар ўз шакл-шамоили, уларга берилган технологик ишлов услублари, Ўрта Осиё тоғ минтақаси билан боғлиқ ёдгорликлар, хусусан, Ҳисор маданияти маконларидан топилган тош қуроолларга яқин туради. Айниқса, Тутқавул типидagi тешгич қуроолларнинг учратилиши бу иккала минтақада яшовчи жамоаларнинг муайян маданий алоқадор-лигидан далолат беради (Ранов, Коробкова, 1971). Шунингдек, парахадан ясалган қурооллар ҳам ўз шакл ва ишлов бериш техник усуллари билан ҳам характерлидир. Микролитларнинг таҳлили Жанубий Фарғона мезо-неолит маданиятига яқинлигини кўрсатмоқда. Характерли жиҳати ҳам шундаки, парахадан ясалган қуроолларнинг айримларига ишлов нафақат ён томонларидан, шунингдек, астар томонидан ҳам берилиш технологик услублари жуда характерлидир. Баъзи ҳолатдаги қурооллар ва уларга берилган ишлов технологик услублари ҳамда хом ашё материали бўйича ҳам калтаминор маданияти жамоалари қуроолларига айнан ўхшашлиги намоён бўлмоқда (Виноградов, 1981, Жўрақулов,

Холматов, 2000, 61-65-бетлар).

Тепакул-4 макони ва 2003 йилда бажарилган дала археологик қузатув ва шунингдек, қазилма ишлари туфайли тўпланган тош индустрия ва унга берилган технологик услублар коллекцияда тақдим қилинган айрим қуроллар, жумладан, понасимон ускуналар, қирғичлар, рандаларнинг тош учирмалари асосида ясаилиши каби омиллар бу жамоаларда Самарқанд сўнгги палеолит ағъа-налари сақланганлиги, хуллас, Сазағон маданиятининг қуҳна илдизлари Самарқанд сўнгги палеолит макони билан боғлиқ-лигини кўрсатади (Жўрақулов, Холматов, 1991).

Тепакул-4 маконини текшириш давомида нақшли сопол буюмлар парчалари топилган бўлиб, уларнинг бир қисми тоғ неолитига, бир қисми нақш мотивларига қараганда эса бронза даврга тааллуқлидир. Бу топилмалар, бу атрофда неолит жамоаларининг сўнгги меросхўрлари, яъни жез даврида ҳам маданият узлуксиз ривожланганлигидан далолат беради. Бироқ, асрлар давомида хўжалик юритиш учун фойдаланилган бу атрофдаги ер сатҳи бир неча бор қайта ишланганлиги туфайли юқори қатлам ётқизиклари аралашиб кетганлигини кўрсатмоқда.

Хуллас, 2003 йилда университет олимлари томонидан бажарилган тадқиқотлар, шунингдек, қўлга киритилган янги ва сероб археологик топилмалар Зарафшон воҳасида содир бўлган илк цивилизация омилларини асослаб беришда қимматли манба бўлиб хизмат қилади. Бу минтақадаги археологик тадқиқот ишлари келгусида давом эттирилади.

Адабиётлар:

1. Джурақулов М.Д., Холматов Н.У. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана. Ташкент, 1991.
2. Жўрақулов М.Ж., Холматов Н.У. Тепакул неолит макони тадқиқотлари саҳифасидан. Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар. 2002, 3-сон. Тошкент, 2003.
3. Жўрақулов М.Ж., Холматов Н.У. Қоратепа тоғ массиви дала археологик қидирув тадқиқотларидан. Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар, 3-сон, Тошкент, 2003.
4. Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. ТХЭ. Вып. XIII. М., 1981.
5. Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Туткавул - многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане. СА, №2, 1971.

ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУР КАМЕННОГО ВЕКА В УЗБЕКИСТАНЕ

В 2003 г. продолжались исследования по одной из глобальных проблем исторической науки - проблеме раннего обживания территории Узбекистана. В настоящее время на территории Узбекистана открыты и изучаются сотни памятников, относящихся к каменному веку. Среди них особый интерес представляют стоянки каменного века в долине реки Зарафшан, Центральных Кызылкумах Кутурбулак, Зерабулак, Кукаяз, Аякагетма и др. В исследовании этих памятников особое внимание уделяется уточнению хронологии исторических событий. Проводится четкая технико-типологическая классификация каменных артефактов на основе методики де Люмлея, создаются тип-листы палеолитических индустрий долины Зарафшана, Кызылкумов и определяются значимые технологические и типологические индексы. Определяются хронологические рамки существования и культурные особенности, открытых палеолитических индустрий.

На территории Южного Узбекистана проводились исследования совместной Узбекско-Российской экспедиции эпох палеолита. В этом районе была изучена А.П. Окладниковым в 1938 г. всемирно известная пещерная стоянка Тешикташ, что явилось основополагающей вехой в истории палеолитоведения Узбекистана. Однако, для определения культурно-хронологической принадлежности и места в общей схеме развития палеолитических индустрий Узбекистана потребовалось дополнительное изучение этого уникального района, с применением современных методов ряда естественных и гуманитарных наук.

На территории Ташкентской области продолжались комплексные исследования грота Обирахмат. Впервые для этого памятника проводились палинологические исследования, которые позволили установить, что культурные отложения грота Обирахмат сформировались в климатических условиях, идентичных современным. Флористический состав палиноспекторов выдержан по разрезу, однако имеются количественные соотношения элементов флоры, от-

ражающие незначительные изменения растительности, зависящие от увеличения влажности или ариадности, а так же разнообразия других физико-географических условий. Палиноспектры, к сожалению, из-за плохой сохранности пыльцы и ее малого количества не могут отразить полную картину богатейшей флоры Западного Тянь-Шаня, так как для этого необходимо проводить широкомасштабные исследования. К настоящему времени полученные данные по палинологии характеризуют общую физико-географическую ситуацию района в периоды обживания грота.

Наиболее важным результатом исследования грота Обирахмат в 2003 г. явилось открытие культурных отложений представляющих переход от среднего палеолита к позднему с антропологическими находками. Данное открытие позволит получить более детальное представление по проблеме физического формирования человека современного типа.

Археологические исследования в долине реки Ангрэн были направлены, в основном, на разработку проблемы региональной хронологии и стратиграфии антропогенных отложений. Разработка данной проблемы проводится в хронологических рамках истории появления ранних гоминид. Таким образом, археология палеолита изучает раннюю историю антропогеосферы, закономерного этапа в истории биосферы, составляющий, в свою очередь, закономерный этап в развитии геосферы. Поэтому при определении рубежа третичного и четвертичного периодов истории геологического развития территории Узбекистана принимаются во внимание результаты археологических исследований.

Как видно, некоторые результаты исследований в 2003 г. проблем истории каменного века Узбекистана позволяют провести основные контуры исторической панорамы развития культур, провести систематизацию материалов палеолитических комплексов и ряда памятников каменного века, определить в общих чертах культурно-хронологическую принадлежность и место в общей схеме развития палеолитических индустрий Узбекистана.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАСКОПОК СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСТРОЕК В ЮЖНОЙ ЧАСТИ МИЗАХКАНА

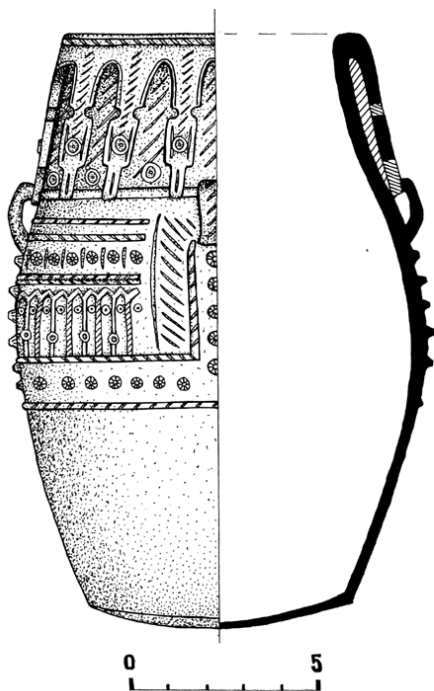
В 2003 г. отряд археологической экспедиции КГУ продолжал исследование пригорода городища Мизахкан вблизи г. Ходжейли Республики Каракалпакстан. Задачей этого сезона раскопок являлось выявление построек и слоев предмонгольского и монгольского периодов. Это позволило конкретизировать задачи исследования, выявление место расположения ремесленных и жилых построек на новой территории вне городских стен. Кроме того выявлен комплекс материальной культуры хорезмшахского (XI-нач. XIII вв.) и раннезолотоордынского времени (втор. пол. XIII - нач. XIV вв.). Во время раскопок 2003 года на южном поселении городища вскрыты хозяйственно-жилые постройки и гончарная печь.

В комплексе жилищ в этой части пригорода в трех помещениях гостиного типа (№ 13, 14, 17) обнаружены суфа с очаг - каном. Эти

Рис. 1. Гончарная печь

обогревательные системы расположены вдоль одной из стены, для сооружения использованы жженые кирпичи размером 24x24x4 см, каменные плиты, частично сырец. Керамический очаг с наружной стороны укреплен специальной платформой размером 0,50x0,50 м. высотой 0,35 м (пом. № 13). Она сложена из сырцовых кирпичей, по краям облицована фрагментами и цельными жжеными кирпичами. Топочное устье оформлено в виде остроконечной арки треугольной формы. Для ее сооружения использовались жженые кирпичи размером 23x23x4 см, такого же размера кирпичами выложена предпочажная выкладка. Среди жилищ с обогревательной системой очаг-кан особо выделяется помещение № 14 размером 3,40x5,10 м удлиненной формы, которое имеет выход шириной - 85 см, соединяясь с западной стороны с большим двором (пом. № 16). При входе, в левой стороне, примыкая к северной стене, расположен очаг-кан. Горизонтальный дымоход кана перекрыт жжеными кирпичами (23x23x4; 30x30x4,5 см) и полигональными каменными плитами. Керамический очаг с диаметром устья - 0,42 м, высота 0,38 м с трех сторон (передний, южной и западной) перегороден невысокой стенкой. В западной части очага имеется нишеобразное углубление с прямыми углами (размер 1,30x0,60 м). Стенки ниши сильно прокалены до сероватого оттенка, обожженная поверхность образовалась в результате длительного горения огня. В южном углу помещения № 14 на приподнятом месте находится ниша-углубление тщательно выложенное каменными плитами. Поверхность образующегося выступа сильно обожжена и имеет розовый цвет. Эта ниша, расположенная в углубленной части гостиной комнаты, в какой-то период обживания возможно была культовой. В Миздахкане, ранее, в наиболее крупных домохозяйствах выделялись отдельные комнаты-молельни (Кдырнязов, 2003, с. 10-11). Раскопки в помещении № 14 специальной ниши со следами огня очерчивают конструкции, которые с уверенностью можно отождествить с домашними алтарями огня. Как правило, алтари были спрятаны за стеночками в боковых приделах в специальном помещении, или в глубине внутреннего двора, это укрывало их от излишнего внимания и посторонних глаз. Возможно, наличие культовых помещений в отдельных хозяйствах города можно связать с отголосками поверий городского населения XII-XIV веков. В XII-XIV века в верованиях хорезмийцев немаловажную роль играл

культ огня (Кдырниязов, 2001, с. 46-47). В ходе раскопок в Жети-мулла, соборной мечети и золотоордынских кварталов Миздахкана найдены осветительные приборы, ранее не известные на памятниках Южного Приаралья. По мнению исследователей «светильники Миздахкана предназначались для поклонения священному огню» (Мамбетуллаев, Юсупов, 1992, с.4).

Двор имел размеры 7,25x8,25 м. Его стены возведены из сырцового кирпича, местами (восточной и западной) по низу в качестве фундамента использованы жженые кирпичи (26x26x4,5; 30x30x5 см) и камни. Во дворе на середине южной стены на специальном подиуме-платформе

сохранился полуразрушенный тандыр в виде выпуклого хума диаметром тулова 0,82 м и высотой - 0,49 м. Здесь вдоль южной и восточной стен расположены две закрома: угловая размером 0,36x0,35 м и восточная 60x1,60 м. Края платформы, а также перегородки ячейки закрома укреплены и возведены жжеными кирпичами, положенные постелистыми рядами. Стенки закрома шириной 18 см, высотой 34 см в нижней части сложены из каменных плит 25x29x9 см и половинок жженого кирпича 18x14x4; 24x18x5 см. Перед тандыром с северной стороны расположена огороженная площадка размером 1x0,65 м. Она служила в качестве выгребной ямы и была заполнена плотным слоем пепла темного цвета.

В западной половине двора находились две суфы размерами 2,60x4,50 м (южная), 2,60x5,50x0,35 м (северная). Края и вся поверхность суфы выложена из половинок и целых форм жженого кирпича. При этом края суфы тщательно сложены четырехрядными кладками кирпичей (25x25x4,5; 26x25x5; 30x30x5; 38x38x35 см). В двух местах, в восточном углу южной суфы и южном углу северной

суфы располагались каменные выкладки из песчаниковых плит размером 16x9x4: 12x11x23 см. Возможно, они использовались в качестве базы колонн поддерживавших деревянные балки навеса. Поверхность суфы и пол двора ровный, хорошо прослеживается слой обгоревшего дерева, жердей и камыша. Причем они в основном наблюдаются в западной части на суфе и ближе к стенке. Судя по этим признакам, помещение № 16 выполняло функцию полуоткрытого типа - постоянного двора. Аналогичный айван был ранее обнаружен в Восточном (Кдырниязов, 1989, с. 33) и Центральном квартале золотоордынского Миздахкана (Туребеков, 2003, с. 63, рис. 1). Между южной суфой и западной стеной двора устроено ташнау, облицованное жженым кирпичом, под которым был открыт поглотительный красноглиняный хум диаметром венчика - 0,56 м. Хум под венчиком и плечиком орнаментирован налепными жгутиками. Кроме того в восточном углу двора, вдоль стен устроена лавкообразная кладка из каменных плит размерами 0,20x0,28x0,32; 0,41x0,18x0,24 м. Такие кладки встречаются в производственных дворах или в домах с зернохранилищем (Кдырниязов, 2002, с. 249, 252).

Большая площадь и характер внутренних конструкций (суфы, тандыр с ячейками заком, таншау) позволяет предполагать, что помещение № 16 выполняло функцию постоянного двора. К двору с проходами присоединяется тамбурное помещение № 15 и три комнаты № 13, 14, 17 с очаг-канами. В целом, археологическими работами 2003 года обследован большой дом с постоянным двором. Кроме того, в южной и западной частях этого дома были раскопаны три помещения № 19, 20, 21 и № 22 относящиеся к другим домохозяйствам.

К западу от большого двора (помещение № 16), вскрыта гончарная печь сохранившаяся на высоту 0,75 м (рис. 1). Печь круглая в плане, обжигательная камера имеет в диаметре - 2,10 м. Обращает внимание то, что пол обжигательной камеры с 18 продухами возведен над остатками кладки старой печи. При этом ее нижняя часть выложена напуском внутрь вертикально сложенной для нее конструкцией шириной в три кирпича (20x20x4 см). Этим достигалось конструктивное решение, благодаря которому, обжигательная часть горна уменьшалась в диаметре, и переходило в глухое перекрытие. Внутренний диаметр топочной камеры 2,20 м, внешний -

2,45 м. Обжигательная часть печи сложена из половинок сырцовых кирпичей размером 20x10x4 см и обмазана толстым 10 см слоем глиняной штукатурки с наружной стороны. Устье топочной камеры устроено с северной стороны. Сложено оно из жженого кирпича (22x22x44; 23x23x4 см) и каменных плит в основании. Для обустройства производственного процесса рядом с западной стороны печи устроена квадратная площадка (1,5x1,5 м) выстланная из жженных кирпичей. По нашим наблюдениям обжигательная камера построена поверх старой печи, использовавшейся в XII-нач. XIII вв. Основание топочной камеры имели довольно большую глубину - 3,8 м (от дневной поверхности). В подовой части этой печи было обнаружено большое количество фрагментов неполивной керамики. Среди них встречаются фрагменты от хумов и кувшинов, имеющие в верхней части тулова орнамент в виде налепных лент с пальцевыми вдавлениями. Подобная керамика встречается на Каваткале, Кзылчакале, Наринджане, Шахсанем и датируется XII-нач. XIII вв. (Вактурская, 1959, с. 302-303). Кроме того, в ходе раскопок южного поселения получен разнообразный комплекс керамики XII-XIII вв. и керамики XIII-XIV вв.

В целом работами 2003 года установлено, что этот район городища заселялся еще в домонгольский период как ремесленный квартал за городской стеной (Гяур калы) так как здесь прослежены остатки хорезмшахского времени в виде торгово-ремесленных комплексов с жилыми помещениями. Здесь же прослеживаются под поздними стенами нетронутые основания более ранних из кирпича хорезмшахского стандарта (25x25x4,5; 26x26x5; 28x28x5 см) (Голстов, 1962, с. 251; Рапопорт 1958, с. 417-418). В помещении № 32 впервые удалось зафиксировать в положении *in situ* богато орнаментированный хум хорезмшахского времени. Хум пышно украшен налепами в виде шишек, гирлянд, сталактитов, арок с прочерченными узорами (рис. 2). Кроме того, здесь часто встречались красноглиняные хумы с немного оттянутой во внутрь «Г»-образной формы венчиков, короткой шейкой и шаровидным туловами. Они украшались по краям венчика наклонным орнаментом с пальцевыми вдавлениями, волнистыми насечками нанесенными многозубцовой гребенкой шедшими горизонтально. Кроме этих широко известных сосудов хорезмшахской эпохи, в ходе раскопок найдены красно- и серо-глиняные крышки сосудов, массивной округлой -

ручкой, вмятинами пальцевыми вдавливаниями, фестонами по краям. Подобной формы крышки найдены в Каваткале и относятся к Хорезмшахскому периоду (Вактурская, 1959, рис. 5, с. 1-9). Поливная керамика XII-XIII веков представлена в основном чашами и фрагментами глазурованных чирагов - светильников. Донца всех чаш на дисковидном поддоне (иногда слабый - кольцевой). К XII-XIV векам относятся встречающиеся здесь также детали архитектурного декора, монеты и остатки гончарного производства.

Таким образом, археологическое изучение южной части Миздахкана показало непрерывность исторического развития данной территории. Ранней датой обживания изучаемой территории являются XII-нач. XIII вв. После монгольского нашествия этот участок недолго оставался в руинах. Пригород начал оправляться к середине XIII-нач. XIV вв., здесь располагался квартал зажиточных горожан ремесленников и торговцев.

Литература:

1. Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XVIII вв.) // Труды ХАЭЭ, том. IV, 1959.
2. Кдырнязов М.-Ш. Элементы доисламских реликтов в верованиях населения Хорезма XIII-XIV вв. // «Авесто» - Ўрта Осиё Халқлари маданияти тарихида. Республика илмий-амалий анжумани материаллари. Нукус-Хива, 2001.
3. Кдырнязов М.-Ш. Раскопки дома с производственным двором в Миздахкане // ИМКУ, вып. 33. Ташкент, 2002.
4. Кдырнязов М.-Ш. Капители колонны из Миздахкана // Искусство (ART, SANAT) № 2, Ташкент, 2003.
5. Мамбетуллаев М., Юсупов Н. Осветительные приборы Миздахкана // «Вести Каракалпакстана», 1992.
6. Рапопорт Ю.А. Раскопки городища Шах Санем в 1952 году // Труды ХАЭЭ, том. II. М., 1958.
7. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
8. Туребеков М.Т. Раскопки жилого массива гончаров средневекового Миздахкана // Археология Приаралья, вып. VI. Нукус, 2003.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА МЕЧЕТИ БИБИХАНЫМ

В апреле-мае 2003 г. были исследованы соборная мечеть Амира Темура. Проведение археологических работ было связано с необходимостью реконструкции площади перед входным порталом мечети. На основе данных археологических раскопок предполагалось восстановление площадки реставраторами с максимальной приближенностью к реалиям конца XIV-XV вв. н.э. Главной задачей археологического исследования стало изучение стратиграфии данного участка и выявление наличия предпортальной суфы и пандусного или ступенчатого подъёма к главной арке входного портала.

Останец культурных наслоений перед входом в соборную мечеть сохранился в высоту на 2 м площадью 14х41 м. В 90-х гг. XX в. он был обнесен опорной бетонной стеной. На момент раскопок большая часть останца была занята строительными лесами и техникой, поэтому раскопки в первую очередь проводились в северной части площадки (рис. 1, рис. 2). В раскопе был сделан стратиграфический разрез А-В (рис. 1, А-В; рис. 2, А-В) и два небольших шурфа - №1 и №2. К югу от Р-1 культурные слои снимались строительной техникой с одновременным археологическим наблюдением. Непосредственно перед порталом был получен второй стратиграфический разрез культурных отложений А₁-В₁ (рис. 1, рис. 3, II).

Во время археологических исследований были обнаружены фрагменты стен различных периодов, следы керамического производства и остатки оросительной системы (рис. 1, рис. 2, рис. 4).

Стратиграфия северного участка площадки (рис. 1, рис. 2, Р-1; рис. 3, I).

Раскоп Р-1 был заложен в северной части площадки на небольшом её участке, не занятом строительными лесами и техникой площадью 4х7,4 м. После снятия верхнего насыпного слоя конца XX в., состоящего из земли, строительного мусора, гравия и большого количества желтого речного песка (рис. 3, I, ярус I) открылись контуры двух стен, сложенных из целого и фрагментарных частей жженого кирпича, взятого из старых построек. Стена № 1 (рис. 1, 1; рис.

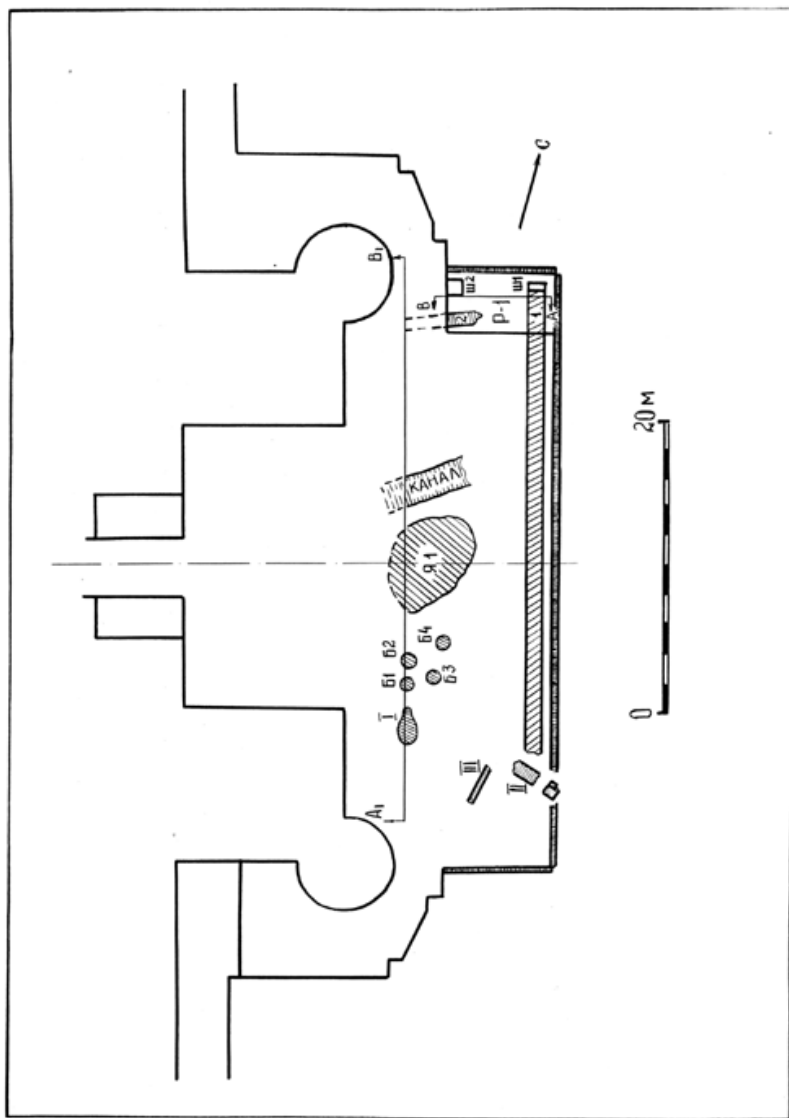

Рис. 1.

2, 1; рис. 3, ярус I-II) была построена из обломков жженого кирпича размером 24,26,28x?x6 см. Изредка в кладке встречался жженный кирпич караханидского периода размером 32x18x5 см и 38x20x7 см. Стена сложена на земляном растворе, в котором обнаружено

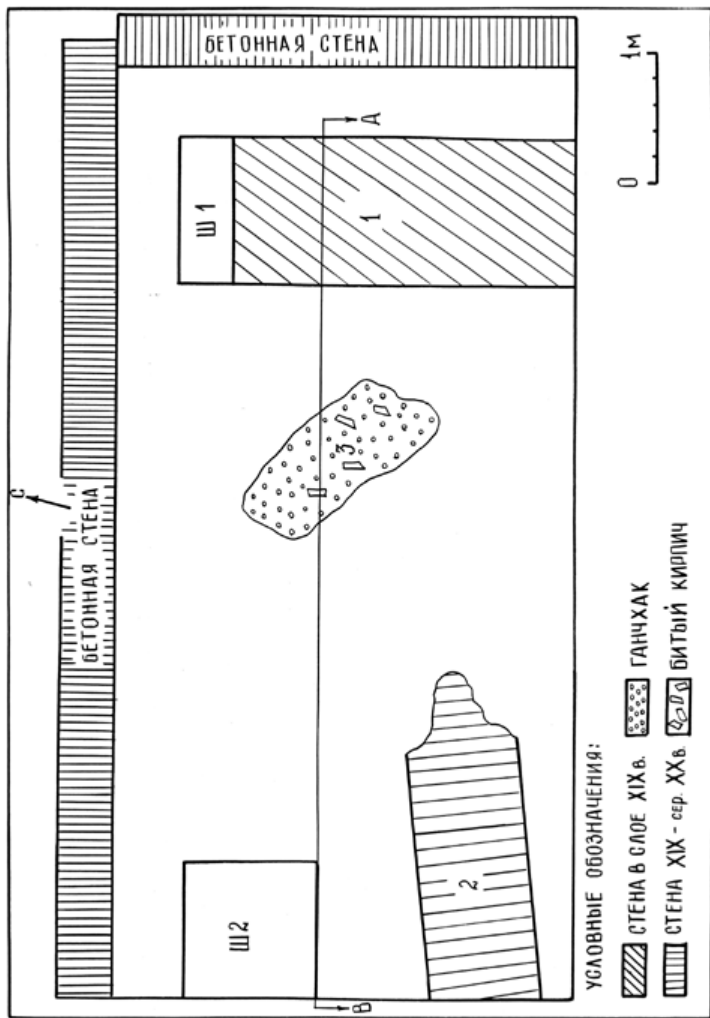

Рис. 2.

несколько мелких фрагментов керамики XV и XIX вв. Ширина стены 110 см, высота 50 см. Между стеной и входным порталом - плотная утрамбованная земля с керамикой конца XVIII-XIX вв. Ко времени основания стены относится довольно значительная по толщине (10 см) прослойка сажи с включениями керамического материала этого же времени. Под стеной и слоем сажи - серая плотная

земля с керамикой конца XVIII-XIX вв. н.э. (Лебедева, 2003). Керамика этого времени встречается повсеместно в Средней Азии, в том числе в Самарканде (Лебедева, 1987), в частности, на территории цитадели Амира Темура, где в это время располагался квартал гончаров, производивший такую посуду (Лебедева, 2001). В комплексе присутствовал также переотложенный керамический материал X-XIII вв. (Шишкина, 1979), облицовочные кирпичики и фрагменты полихромных майоликовых плиток и кашинной мозаики кон. XIV-XV вв. (Веймарн 1948, Денике 1939). Слой XIX в. не потревожен более поздними ямами или нивелировками. При дальнейшем вскрытии культурных отложений строительной техники к югу от Р-1 стена №1 была прослежена почти на всем протяжении останца (рис. 1,1).

Стена № 2 (рис. 1,2; рис. 2,2) шириной 80-83см сохранилась на высоту 15-20см. Уровень её основания выше основания стены №1 на 15-20см. Сложена на земляном растворе из крупных фрагментов и целых жженных кирпичей, размеры которых варьируют в пределах 24х?х5,5-6см, 26х28х6см, 26х29х5,5-6см. Позже было зафиксировано продолжение этой стены в направлении портала (рис. 1, 2). Ниже слоя конца XVIII-XIX вв. была вскрыта подсыпка мощностью до 30см, состоящая из кирпичного боя, кирпичной крошки, кирпичной пыли в смеси с ганчхаком (рис. 3,1, ярус III). Некоторые фрагменты кирпичного боя позволили измерить одну сторону и толщину кирпича: 26х?х6см. В слое обнаружена керамика XI-XIII вв. (Шишкина 1979), XV-XVII вв. (Лебедева, Иваницкий 1990), а также облицовочные кирпичики с белой, синей и бирюзовой поливой, использовавшиеся при облицовке входного портала мечети Бибиханым и других памятников архитектуры этого времени (Массон 1926, Полупанов 1948, Ратия 1950, Пугаченкова, Ремпель 1958, Прибыткова 1971, Пугаченкова 1968, 1969, 1976). Поверхность слоя кирпичного боя была залита в своё время тонким слоем ганчхака (2-3см), который сцепившись с кирпичной крошкой, образовал слегка неровную поверхность. В раскопе сохранился фрагмент этой заливки (рис. 2, 3). В восточной части раскопа слой вымостки из кирпичного боя вклинился в уплотнённый, смешанный с небольшим количеством земли слой из мелких фрагментов кирпича и гальки. Не исключено, что слой кирпичного боя с ганчхаком заменил более раннюю галечно-кирпичную вымостку.

Шурф № 1 (рис. 1, Р-1, Ш-1; рис. 2, Ш-1).

В северо-восточном углу раскопа под стеной № 1 был заложен небольшой шурф № 1 размером 1,1x0,4 м. Глубина шурфа 0,56 м. Малые размеры его обусловлены тем, что рядом расположенное бетонное ограждение не только ограничивало ширину шурфа, но и нарушило часть близлежащего слоя современной засыпкой. Поэтому шурф был заложен только в непо потревоженном слое, который представлял собой плотную, зеленоватого цвета землю, носившую следы долговременной пропитки водой. В нем была собрана керамика XI-XIII вв. н.э. Однотипная керамика получила широкое распространение по всему Согду (Шишкина, 1979).

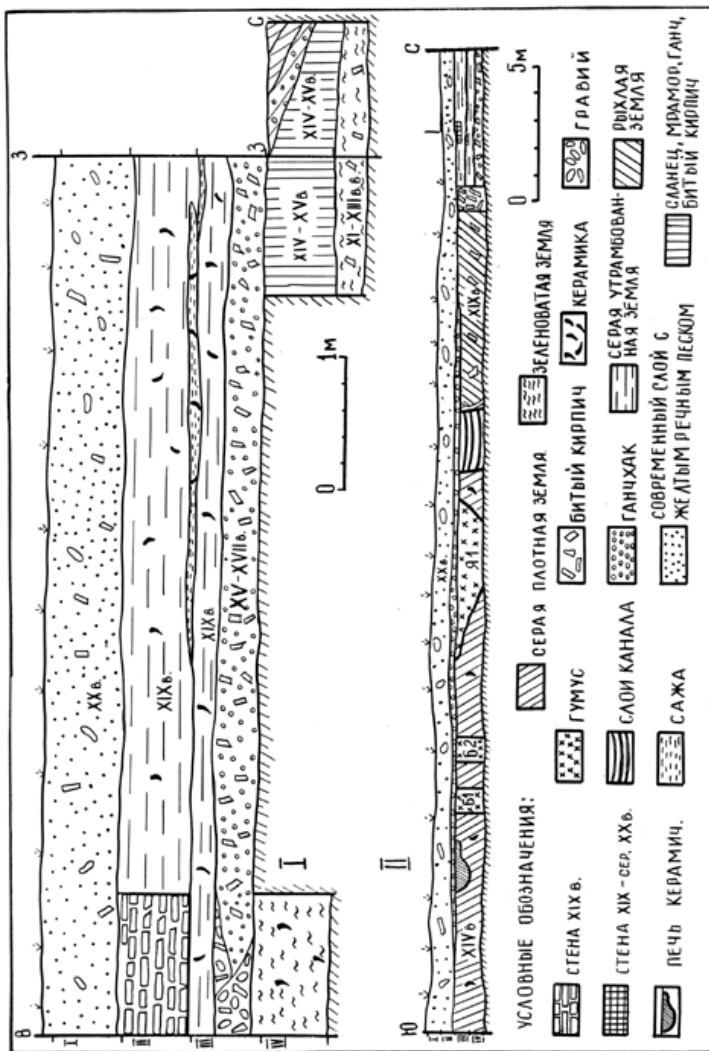
Шурф № 2 (рис. 1, Р-1, Ш-2; рис. 2, Ш-2).

Шурф размером 1x1 м был заложен в северо-западной части раскопа и доведен до глубины 0,72 м. Верхний слой в шурфе (рис. 3, I, ярус IV) мощностью в 0,52 м состоял из отходов строительных материалов. Это кирпичный бой, сколы мрамора и чупанатинского сланца, куски застывшего ганчевого раствора, которые лежали слоем без примеси грунта. Преобладали отходы мрамора и сланца. Нижний, подстилающий слой, идентичен по своему составу и цвету слою из шурфа № 1. Верхний уровень этого слоя ниже на 0,5 м по сравнению с уровнем такого же слоя в шурфе № 1.

Ввиду сжатых сроков раскопок шурфы № 1 и № 2 не были доведены до материкового слоя.

Стратиграфия культурных отложений к югу от раскопа № 1 (рис. 1; рис 3, II; рис 4).

К югу от Р-1 была проведена зачистка стены № 1 с восточной, наружной её стороны. Стена сохранилась практически на всем протяжении культурного останца. Её высота на этом участке более 1 м. Стена имеет значительное количество ремонтных закладок кирпичом вт. пол. XX в. на цементном растворе. Являясь опорной для культурных наслоений внутри ограждения, она образовала суфу перед входным порталом соборной мечети. С северной и южной стороны суфы стена не сохранилась. Юго-восточный угол суфы был заполнен грунтом с большим количеством отходов строительных материалов, использовавшихся при реставрационных работах. Севернее, вдоль опорной стенки, была видна засыпка 70-80-х гг. XX в. шириной примерно в 4 м с большим количеством бытовых предметов этого времени. Засыпка заканчивалась в нескольких метрах

от Р-1. Западнее, ближе ко входу в мечеть, культурные отложения, предшествующие её постройке, сохранились *in situ*.

При снятии экскаватором стенки суфы и слоев засыпки юго-восточного угла на глубине около 3м от верха останца были вскрыты остатки стен построек XI-XIII вв. Одна стена (рис. 4, II) шириной 70см сохранилась в длину на 60см в пять кирпичей в высоту.

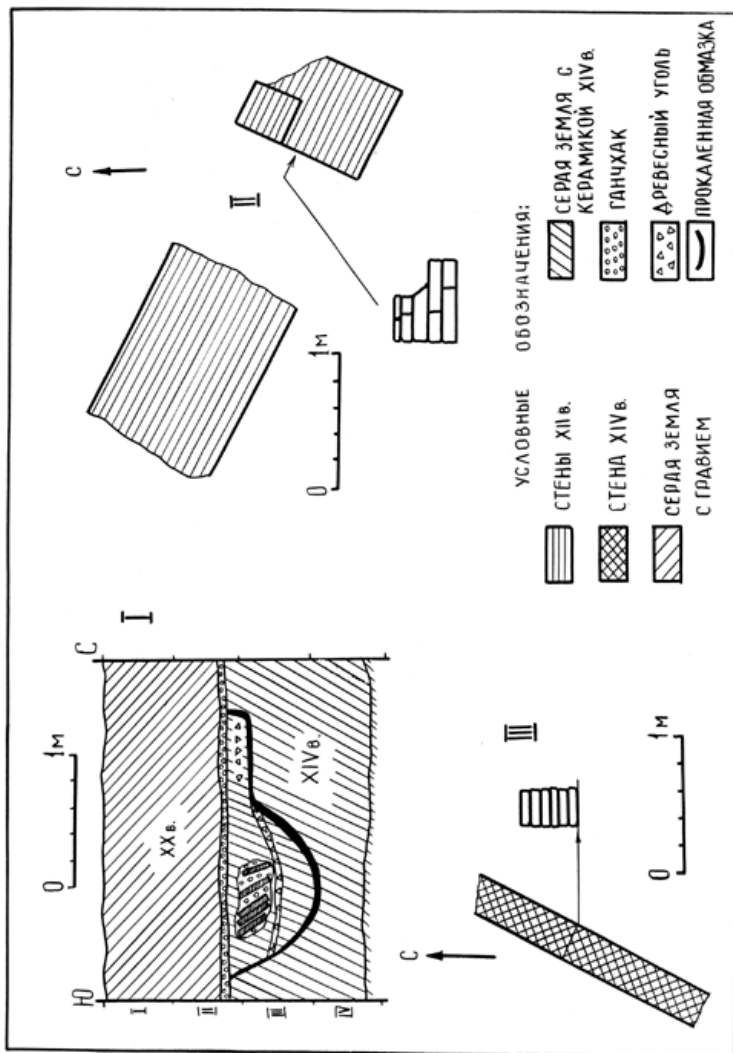

Рис. 4.

Стена сложена из жженных кирпичей двух форматов. Нижняя часть из крупных, квадратной формы кирпичей размером 35x40x9-10см на кыровом растворе. Верхняя часть кладки сохранилась в высоту в один кирпич. Сделана на земляном растворе из половинок прямоугольного кирпича размером 15x?x4см. Вторая стена (рис. 4,II) шла перпендикулярно первой, стратиграфически несколько ниже её.

Ширина не менее 1 м, сложена из жженого светлого прямоугольного кирпича крупных размеров: 38x20x7 см на земляном растворе. В разрушенных экскаватором слоях над стенами была собрана керамика XIII, XIV-XV и XVII вв. н.э.

К западу от стен зданий XI-XIII вв. была вскрыта стенка из жженого кирпича на земляном растворе (рис. 1, III). Глубина её основания 1,82 м, что выше основания построек XI-XIII вв. более чем на 1 м. Стенка сложена толщиной в один кирпич. Размер кирпича 25x25x5-7 см. Сохранность стены в длину около 2 м, в высоту от 42 до 80 см.

К северо-западу от этой стенки обнажились слои обживания этой территории в XIV в., которые были зафиксированы в разрезе А-В, идущем параллельно фасаду мечети (рис. 1; рис. 3, II). От дневной поверхности слои сняты на глубину 2 м, причем верхние 90 см составляла современная засыпка грунтом с прослойками желтого речного песка, гравия и ганчхака. В южной части разреза видна нижняя часть керамической печи, севернее - бадрабы и мусорная яма. Далее - оросительный канал. За руслом канала - рыхлый серый грунт с кирпичным боем и далее - утрамбованные слои XIX в., зафиксированные в Р-1.

Керамическая печь (рис. 4, I) была спланирована перед строительством мечети до уровня топочной камеры. Длина её 1,9 м. Внутри заполнение из серой земли, тонкого слоя древесного угля над ним и упавшего в печь фрагмента стенки из жженого кирпича размером 24x24x5 см на ганчхаке.

Бадрабы и мусорная яма (рис. 1, Б1-Б4, Я1) имели гумусное заполнение без включений керамики. Перекрыты в то же время, что и керамическая печь.

Канал (рис. 1) шириной 2 м и глубиной более 1 м имел направление с северо-востока на юго-запад. Заполнение представляет собой перемежающиеся прослойки зеленовато-серых илестых отложений и мелкого песка. Мощность илестых прослоек от 10 до 20 см, песчаных - 5 см. В заполнении русла канала датирующий материал не обнаружен, но время его функционирования заканчивается перед строительством соборной мечети в конце XIV в.

Археологические исследования, проведенные на участке культурных отложений перед входным порталом соборной мечети Амира Темура дали возможность восстановить историю обжива-

ния этой местности начиная с XI-XIII вв. по XV в. н.э.

Обнаружение фрагментов стен построек XI-XIII вв. позволяет сказать, что в этот период здесь располагалось довольно крупное, скорее всего, общественного назначения здание. На это указывает значительная толщина стены (1 м) из жженого кирпича караханидского времени. Такие стены возводились лишь при строительстве крупных общественных зданий - мечетей, медресе, караван-сараяв, ханака. Учитывая его местоположение - перед въездом в город, можно предположить, что у Железных ворот Самарканда XI-XIII вв. функционировал, скорее всего, караван-сарай (или ханака), который был заброшен после взятия города монголами в нач. XIII в.

Несколько севернее этого здания проходил крупный магистральный канал, из которого был выведен в западном направлении оросительный канал, фрагмент русла которого был зафиксирован нами в слоях перед фасадом мечети. Чистота илистых и песчаных отложений канала и полное отсутствие в них керамического материала говорят о том, что рядом не было жилых построек, а монументального здания уже не существовало. Практика археологических исследований показывает, что каналы, проходившие вблизи жилья, обычно насыщены керамическим боем. Такие каналы обнаружены на Регистане (Буряков, Бурякова, 1973) и на ул. Ташкентской во дворе школы №21 (Лебедева, 1991). Причем, канал XI-XII вв., обнаруженный во дворе школы №21 буквально переполнен одновременной керамикой, а более поздний, XIII-XIV вв. имел совершенно чистые, без включений керамики илистые и песчаные прослойки, аналогичные прослойкам в нашем канале. Совпадает и время прекращения функционирования этих каналов - непосредственно перед строительством мечети Бибиханым и прокладкой торговой улицы Амиром Темуром, которая проводилась в то же время, что и строительство соборной мечети. К югу от канала в конце XIV в. действовала большая мусорная яма и бадрабы. Чисто гумусное их заполнение без включений битой посуды и костей животных также не характерно для жилых кварталов. Вблизи находился главный мучной базар Каппан, для нужд которого, вероятно, они и предназначались. Незадолго до строительства соборной мечети территорию стали осваивать гончары. Но вскоре участок под строительство мечети был спланирован и канал, печь, яма, бадрабы прекратили свое функционирование. Во время строительства мечети перед северным минаре-

том работали мастера по камню. Чупанатинский сланец использовался для фундамента, а из мраморовидного известняка шлифовали плиты для панели цокольной части постройки. Уровень площадки перед порталными минаретами был ниже, чем у пилонов и у главной арки портала. Останец культурных слоев перед фасадом мечети, вероятно, был превращен в суфу, нижняя площадка вокруг которой была вымощена мелкой галькой с мелким кирпичным боем на земляном растворе. В XVII в. вымостку обновили, засыпав слоем битого жженого кирпича и залив сверху раствором ганчхака. Предпортальная суфа была выше окружающей её вымостки на 1 м и, безусловно, имела пандусный или ступенчатый подъем к арке входа по центральной оси мечети. К XIX в. обкладка суфы и подъем в ней ко входу в мечеть уже исчезли, но память о них сохранилась и суфа была восстановлена. Её опорная стена была сложена из обломков старого кирпича на земляном растворе, но пандусного или ступенчатого подъёма по центру не сделали, вероятно, они имелись в боковых сторонах суфы. В кон. XIX-нач. XX вв. к северному пилону входного портала мечети на суфе была сделана пристройка из жженого кирпича. Во второй половине XX в. стенка суфы ремонтировалась современным кирпичом на цементном растворе. В 70-80-х гг. XX в. внутри суфы параллельно опорной стене была заложена траншея, засыпанная затем грунтом с большим количеством бытовых предметов. В 90-е годы XX в. во время реставрационных работ внешняя, восточная сторона стенки суфы вскрывалась, обследовались подстилающие её слои (XVIII-XIX вв.), а затем суфа на расстоянии 0,5 м от её стены была околонулена бетонной оградой. Полуметровое расстояние между стенами было забутовано отходами реставрационного кирпича и плиток.

Литература:

1. Буряков Ю.Ф., Бурякова Э.Ю. Новые археологические материалы к стратиграфии средневекового Самарканда (по раскопкам площади Регистан в 1969-1971гг.) // "Афрасиаб", вып. II. Ташкент, 1973.
2. Веймарн Б.В. Архитектурно-декоративное искусство Узбекистана. М., 1948.
3. Деник Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.-Л., 1939.
4. Лебедева Т.И. Тагхона в цитадели Темура // ИМКУ, вып. 21. Ташкент, 1987.
5. Лебедева Т.И. Научный отчет по археологическим работам на котловане под спортивный зал средней школы №21 г. Самарканда (1991г.) // Архив ИА АН РУз. Ф. 4, О. 1, Д. 209. Самарканд, 1991.
6. Лебедева Т.И. Позднесредневековый арк Самарканда // ИМКУ, вып. 32. Таш-

кент, 2001.

7. Лебедева Т.И., Иваницкий И.Д. Отчет об археологических работах на территории школы №15 Сиабского района г. Самарканда // Архив ИА АН РУз. Ф. 4, О. 1, Д. 199. Самарканд, 1990.

8. Лебедева Т.И. Научный отчет о работах на м. Бибиханым в 2003 г. // Архив ИА АН РУз. Ф. 4, О. 1, Д. 272. Самарканд, 2003.

9. Массон М.Е. Соборная мечеть Темура, известная под именем Бибиханым. Ташкент, 1926.

10. Полупанов С.Н. Архитектурные памятники Самарканда. М., 1948.

11. Прибыткова А.М. Памятники архитектуры Средней Азии. М., 1971.

12. Пугаченкова Г.А. Самарканд. Бухара. Ташкент, 1968.

13. Пугаченкова Г.А. Архитектурные памятники Средней Азии. Л., 1969.

14. Пугаченкова Г.А. Зодчество Средней Азии XV в. Ташкент, 1976.

15. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958.

16. Ратия Ш.Е. Мечеть Бибиханым. М., 1950.

17. Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда (вт. пол. VIII - нач. XIII вв.). Ташкент, 1979.

М.М. Мамбетудлаев
(Нукус)

ГЛИНЯНАЯ СТАТУЭТКА ИЗ КУЮККАЛЫ

В 2003 году во время раскопок городища Куюккала, на его Южном дворе была найдена миниатюрная глиняная статуэтка. Она обнаружена в завале над верхним полом помещения №3, раскоп XI. Верхний слой памятника, откуда происходит статуэтка, датирован медными монетами Азкацвара-Чегана, Хусрава и Канишка [1, 1973, с. 117, рис. 2] и керамикой (рис. 1, кувшин VII-VIII вв.).

Голова статуэтки утрачена, тело ниже пояса отломано. Выпуклость с правой стороны шеи может быть изображением косы, нижним витком доходящей до плеча. Правая рука согнута под прямым углом и поддерживает перед грудью пальцами кубок на ножке с рельефным бортиком. На запястье правой руки браслет. Левая рука опущена, но слегка согнута в локте, на уровне пояса кисть руки отломана. Кафтан с треугольными отворотами и с узкими длинными рукавами. Края ворота и манжеты оторочены тесьмой. Орнамент тесьмы передан рядом углубленных точек. Высота сохранившегося торса - 5,5 см, ширина в плечах - 5 см, толщина - 1,4 см (рис. 2. Терракота).

Терракота выполнена в односторчатой форме, спина плоская,

Рис.1. Кувшин VII-VIII вв.

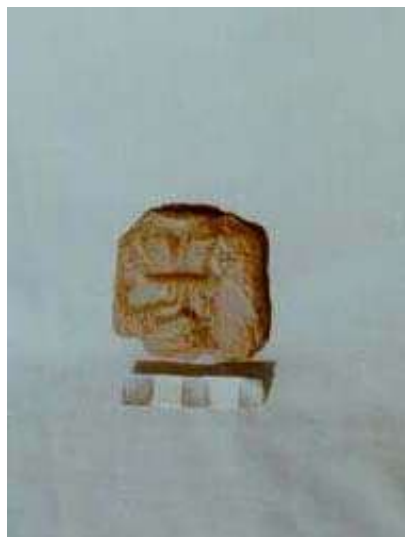

Рис.2. Терракота

обструганная ножом и заглаженная. Поверхность покрыта светло-розоватым ангобом. Глиняное тесто хорошо отмучено, однородно, в изломе красноватое, обжиг горновой (рис. 3. Терракота, прорисовка). Великолепное выполнение, художественный вкус, проявленный мастером, свидетельствуют о том, что перед нами миниатюрное изваяние, незаурядная работа явно большого мастера.

Отсутствие головы не дает возможность сопоставить ее с конкретными изображениями, встречавшимися в Хорезме, Согде, Маргилане и других областях Средней Азии, поскольку все они отличаются друг от друга, особенно по трактовке лиц.

Прямых аналогий Куюккалинская среди хорезмийских терракот не имеет. Однако, по технике изготовления ее можно сопоставить с ранними образцами женских фигурок с сосудами в обеих руках [2, 1967, табл. XXV, 4]. В ранних хорезмийских памятниках часто встречаются женские статуэтки из светлой глины со следами красной краски, в плаще, украшенном каймой из кружков, с тонкой моделировкой складок широкого платья. В правой руке статуэтки находится миниатюрная амфора, а в левой - чаша. Обычно женские статуэтки, изображающие большей частью богиню плодородия - Адвисуру Анахиту, держат в правой руке плод граната [3, 1953, с. 173, рис. 14]. Среди хорезмийских имеются фигурки с сосудами в

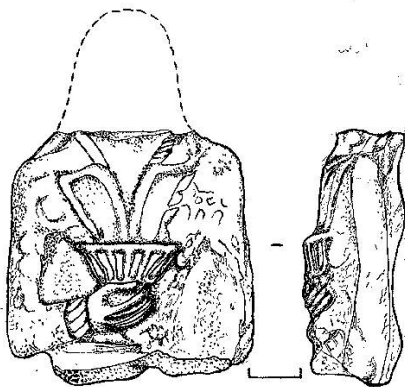

Рис.3. Терракота, прорисовка

внешних культурных влияний, а может быть и прямого участия пришлых тюркских этнических групп в процессах, развивавшихся на территории Южного Приаралья в эпоху Тюркского каганата [5, 1987, с. 118]. Это тем более вероятно, что в коропластике Хорезма есть прямое тому свидетельство. Речь идет, прежде всего, о терракоте, найденной в 1938 году на раннесредневековом городище Большая Кырккыз-кала [5, 1987, с. 118]. Это нагрудное изображение мужчины с гладко причесанными длинными волосами, сходящимися на переносице бровями, узко посаженными, немного косо поставленными глазами, расширяющимся книзу носом, тонкими вислыми усами и округлым подбородком. Наиболее характерной его чертой является своеобразие передачи определенным образом стилизованных бровей сходящихся на переносице, образуя вместе с носом Т-образную форму и специфический рисунок рта, полуоткрытого, с опущенной верхней губой. Эти черты являются, как полагают, устойчивыми признаками иконографии одного из наиболее распространенных типов каменных изваяний [6, 1966, табл.17]. Одним из традиционных признаков тюркских скульптур является изображение человека, держащего сосуд в сложенных на груди руках [7, 1963, с. 46, табл.1]. Подобная поза зафиксирована на Куюккалинской скульптуре.

Фрагмент Кердерского изваяния территориально самый северный. До сих пор на территории Кердера не были найдены такие

левой руке, сидящие с поджатыми ногами. Такова, например, терракота, найденная на городище Шахрлик [4, 1971, с. 88, рис. 43 б]. Однако, Куюккалинская статуэтка по форме и ее поза с чашей в руке, приподнятой на уровне груди, вызывает определенные ассоциации с тюркскими каменными изваяниями.

Поэтому, Куюккалинскую статуэтку следует рассматривать как образ синкретический, результат трансформации древних автохтонных черт под воздействием

терракоты. Только в Южном Хорезме были известны подобные две тюркские терракоты: одна из Якке-Парсана, вторая - из Большой Кырккыз-калы. Все эти находки чрезвычайно важны. Они подтверждают сообщения письменных источников о массовой миграции в VI-VIII вв. тюркского этноса на территории Средней Азии, в частности в низовьях Амударьи. Последняя была идеальным местом для выпаса скота. Находка важна для характеристики искусства раннесредневекового Кердера, с другой стороны описанные терракоты проливают некоторый свет на малоизученные страницы этнической истории населения Кердера и Хорезма в средневековье.

Литература:

1. Вайнберг Б.И. Удельный чекан раннесредневекового Кердера // Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Ташкент, 1973.
2. Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.
3. Неразик Е.Е. Каменная статуэтка из Якке-Парсана. Прошлое Средней Азии. (Археология, нумизматика и эпиграфика, этнография). Душанбе, 1987.
4. Шер А.Я. Каменные изваяния Семиречья. Л., 1966.
5. Шер А.Я. Иконография древнетюркских изваяний. Известия Академии Наук Киргизской ССР, серия общественных наук. Фрунзе, т. V, вып. 1. История, 1963.

М. Мамбетуллаев, О. Юсупов, Ж. Турманов
(Нукус)

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ КУЮККАЛА

Отряд Нукусского педагогического института продолжил раскопки на городище Куюк-кала, расположенного в 60 км к северу от г. Чимбая, начатые в 2002 г. В раскопе (XI) вскрыты три подпрямоугольных помещения и часть улицы. Накопленные в процессе исследований стратиграфические наблюдения позволили всю толщу вскрытых здесь культурных напластований расчленить на четыре строительных горизонта.

К нижнему горизонту относятся остатки двух параллельных стен, ширина между которыми 9,4 м. Стены сложены из кирпича-сырца (32-36х37х8-9 см). Кладки неровные, иногда кирпичи выступают за линию стены. Очевидно, что это одна из улиц, разделяющих южную часть городища на кварталы.

Второй горизонт (3,45х3,75 м), располагался в восточной части улицы. Вдоль северной стены помещения находятся низкие кир-

пичные суфы, обмазанные глиной.

Северная стена помещения № 2 была срублена и забутована (третий горизонт). Западная стена помещения № 3 была подперта из помещения № 4 новой стеной, поставленной на культурном слое, накопившемся здесь на полу. На полу найдены фрагменты керамики, каменное точило, монеты и обнаружены кости животных и рыб.

Четвертый горизонт, является последним в жизни жилого комплекса. Всюду прослежены следы ремонта. Пришедшая в негодность северо-западная стена помещений №№ 2, 3 была снесена. Над ней идет мягкий мусорный слой с большим содержанием обломков сырцовых кирпичей.

На некрополе Куяк-калы продолжались раскопки погребений VII-VIII вв. (рис. 1). Умершие лежали на спине в вытянутом положении; преобладала северо-западная - северная ориентировка. В головах - сосуды кердерского типа. Среди погребений обнаружены захоронения в сосудах по зороастрийскому обряду.

В некрополе, в результате тщательной расчистки и разборки насыпи, выявлены некоторые конструктивные черты, представ-

Рис. 1. Погребения № 25 и № 112 после вскрытия

ляющие интерес для понимания, так называемых поминальных сооружений и связи их с захоронениями.

Как правило, вместе с покойником в камеру клали вещи. Традиционный набор вещей у женщины состоит из серег, браслетов, перстней, бубенчиков, бус (рис. 2). Пряслица и зеркала преднамеренно сломаны. Погребальный инвентарь у мужчины состоит из железного ножа, железных наконечников стрел, поясной бляшки, пряжки, костяных обкладок лука, подвесок-амулетов, монет и др. (рис. 3).

Кроме того, получен большой палеоантропологический матери-

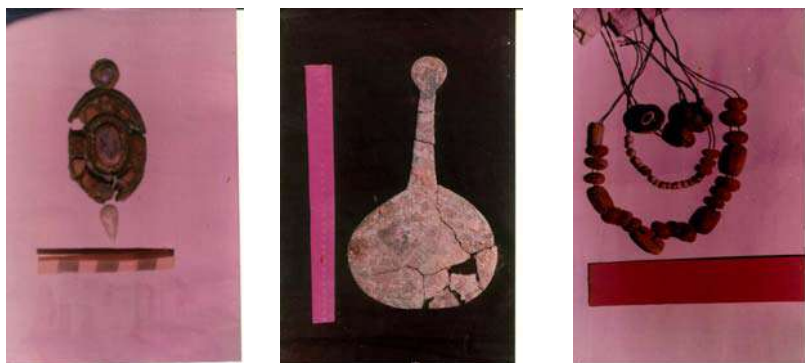

Рис. 2. Инвентарь из погребений № 17, 26 и 65

Рис. 3. Погребальный инвентарь из погребения № 179.

ал и значительная коллекция керамики VII-VIII вв. Среди черепов есть деформированные (рис. 4).

Обнаружены кенотафы и тризны (рис. 5).

Оба вида погребальных памятников - кенотафы и тризны - относятся к числу поминальных.

Рис.4. Деформированный череп из погребения №68

Рис.5. Тризна

Ш. Матрасулов, Б. Сагдуллаев
(Ургенч)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В КЯТ-КАЛЕ

В 2003 году сотрудники Хорезмского регионального отдела Института Археологии и исторического факультета Ургенчского Государственного Университета проводили совместную археологическую практику студентов I курса на городище Кят-Кала, расположенном в 24 км от Ургенча на территории ширкатного хозяйства имени “Беруни”, Шаватского тумана.¹ На раскопе № 4, было выявлено 3 помещения и 1 коридор, вскрытые частично. Помещение № 1 и № 2 располагались в северной части раскопа, южнее коридор и

помещение № 3, где была обнаружена керамика IX-XI и XVIII-XIX вв.

В этом сезоне раскоп был углублен и расширен в восточном направлении. Открытые стены прошлогодного раскопа почти остались без изменения.² В процессе работ помещение № 2 расширено на 3 м к востоку. При вскрытии южной стены этого помещения к югу было выявлено еще одно новое помещение № 4. Эта стена от западного края к восточному имела в длину 10,45 м и возможно на месте завершения имела проход от помещения № 2 в помещение № 4. Эта часть раскопа полностью не вскрыта из-за приостановки работ. Узкая открытая часть стены между помещением № 3 и № 4 имеет толщину 0,8 м.

В нынешнем сезоне помещение № 1 углублено на I ярус, в его западной части вскрыт позднесредневековый колодец (диаметр 135-140 см), построенный из квадратного жженого кирпича размерами 26x26x5 см. Из колодца было собрано немного керамики, относящейся к XVIII-XIX вв. Это в основном донца кувшинов, блюд, тагора. Внутри самого помещения находились завалы сырцовых (38x38x10 см) и жженных (26x26x5 см) кирпичей и немногочисленные фрагменты керамики XVIII-XIX вв. Во II ярусе было найдено керамическое пряслице биконической формы.

В помещении № 2 выявлено 2 пола во II ярусе и несколько культурных слоев в I ярусе. В начале I яруса идет слой с серой рыхлой землей (толщина 6-20 см). Далее продолжается светло-коричневый глинистый слой (толщина 4-12 см), затем вплоть до пола № 1 идет слой гумусированной зеленой глины с примесями известковых пятнышек, древесными угольками и керамики. Найденные в начале I яруса фрагменты керамики относятся к XVIII-XIX вв.

На полу № 1 (толщина 20-40 см) встречаются древесные уголь-

¹ В раскопках участвовали археологи Н. Юсупов, Г. Ходжаниязов, К. Машарипов, Т. Абдуллаев, О. Ваисов.

² Открытая часть стены между помещением № 1 и № 2, 8,9 м имела толщину 1-1,05 м, продолжаясь к северу. А между помещением № 1 и коридором стена, идущая к западу имела длину 6,15 м, толщину 1-1,05 м. Коридор (ширина 1,10-1,15 см) примыкает к помещению № 2, а общая длина огораживающей их стены 7,5 м, толщина 0,95-1 м. Южнее этой стены находится помещение № 3. От западной части в восточном направлении стена была вскрыта на 6,9 м, до обнаружения еще одной стены поворачивающейся к югу. Стены строились из сырцовых кирпичей размерами 38x38x10 см.

ки, кости и фрагменты керамики. В северо-восточном углу помещения на уровне пола № 2 обнаружена неглубокая ямка, в которой выявлены фрагменты керамики, костяные и стеклянные изделия. Судя по керамике и по орнаментации костяной пластинки их можно датировать IX-XI вв. (Кдырниязов, 1981. С. 135; Ягодин, 1981. С. 96). Эта ямка относится к полу № 1.

На полу № 2 обнаружено кострище (около западной стены, диаметр - 50-55 см), фрагменты чаш, мисок, одна уникальная серебряная (рис. 1) и медная монеты.

Серебряная монета (вес - 13,0 г., диаметр 35 мм) подходит к типу Б...II по публикациям Б.И. Вайнберга, и по хорезмийским надписям читается как “царь Артав”, с тамгой типа “Т5” и искаженной греческой надписью в реверсе. На аверсе портрет царя с прямоугольной короной (Вайнберг, 1977. С. 52, 53, табл. XVI). Уникальность ее в том, что ранее такой тип имел единичный экземпляр (Вайнберг, 1977. С. 52, 53, 106, КТ № 7).

Медная монета (вес - 2,4 г., диаметр - 15 мм) сходна с типом Б.В/2. Изображение только на одной стороне с тамгой типа “Т4”. На обратной стороне изображение отсутствует (Вайнберг, 1977. С. 58, табл. XVIII).

По этим монетам этот пол датируется I-IV вв. н.э., то есть кушанским временем (Вайнберг, 1977. С. 37).

В коридоре также обнаружена керамика кушанского времени. Новое помещение № 4 также, как помещение № 3, было вскрыто вдоль стены. Помещения и коридор полностью пока не открыты и раскоп не доведен до материка. В последующие годы предполагается продолжение исследований.

Литература:

1. Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.
2. Кдырниязов М.Ш. Ремесло Хорезма в XIII-XIV вв. // Археологическое исследование в Каракалпакии. Ташкент, 1981.
3. Ягодин В.Н. Городище Хайванкала - раннесредневековый Кердер // Археологическое исследование в Каракалпакии. Ташкент, 1981.

Б.Х. Матбабаев, Г.П. Иванов
(Самарканд)

НОВОЕ О ТИПАХ ЖИЛИЩ НА ПОСЕЛЕНИЯХ ЧУСТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СВЯЗИ С РАСКОПКАМИ ГОРОДИЩА ДАЛЬВЕРЗИН

В 2003 году Институтом археологии АН РУз были возобновлены раскопки самого крупного памятника чувстской культуры - городища Дальверзин (руководитель работ Матбабаев Б.Х.). Памятник был обнаружен в 1952 году Ю.А. Заднепровским (Заднепровский Ю.А., 1954, с. 7). В 1954 году Дальверзин был повторно обследован, а начиная с 1956 г. на нем ЛОИА РАН совместно с Институтом истории и археологии АН РУз проводились большие стационарные раскопки (рук. - акад. Я. Гулямов, позже Ю.А. Заднепровский). За период с 1954 по 1974 гг. Здесь было заложено 11 раскопов, много шурфов и в результате вскрыто более 10 тысяч м² площади. Особенно хорошо изучена структура памятника, его оборонительные сооружения, жилища, керамика и другие материальные остатки (Заднепровский Ю.А., 1978). Однако остались еще многие вопросы, на которые, учитывая современное состояние исторической науки, необходимо найти ответы. К таковым относятся стратиграфия Дальверзина, время возведения каждой из оборонительных стен памятника и его поэтапная хронология. Именно поэтому в 2003 году на памятнике начаты новые раскопочные работы и получены интересные материалы из трех раскопов и шурфа (Матбабаев Б.Х., 2003, с. 8-84) (рис. 1, 2).

Работы 2003 года на раскопе № 1 в северной части жилого массива городища Дальверзин подтвердили, неоднократно высказанное Ю.А. Заднепровским, мнение о том, что поселение имеет три хронологических пласта. Здесь также, как и на более ранних раскопках, выявлено три уровня полов. Толщина культурных остатков между слоями полов каждого уровня достигала от 40 до 100 см. Основное их отличие заключается в том, что в каждом из трех слоев по своему располагались архитектурные остатки и менялась планировка жилищ. Следовательно, эти три слоя, выявленные в раскопе № 1, можно считать тремя строительными периодами на данном участке городища. Возможно, что в разные строительные

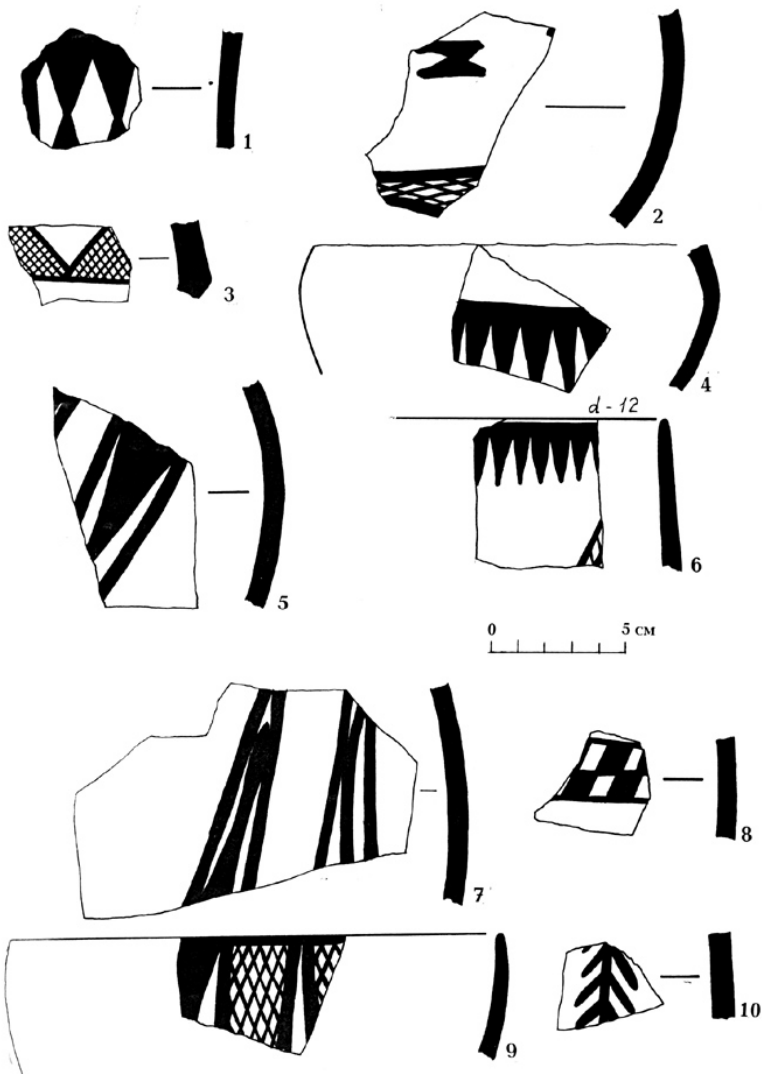

Рис. 1. Дальверзин, образцы расписной керамики. 1,8 - из кладки стены (P-3); 2,5,7,10 - второй пол (P-1); 3,4 - под вторым полом (P-1); 6 - яма 5 с второго пола (P-1); 9 - третий пол (P-1)

периоды менялась не только планировка, но и предпочтительные типы построек. На уровне верхних полов были обнаружены остатки

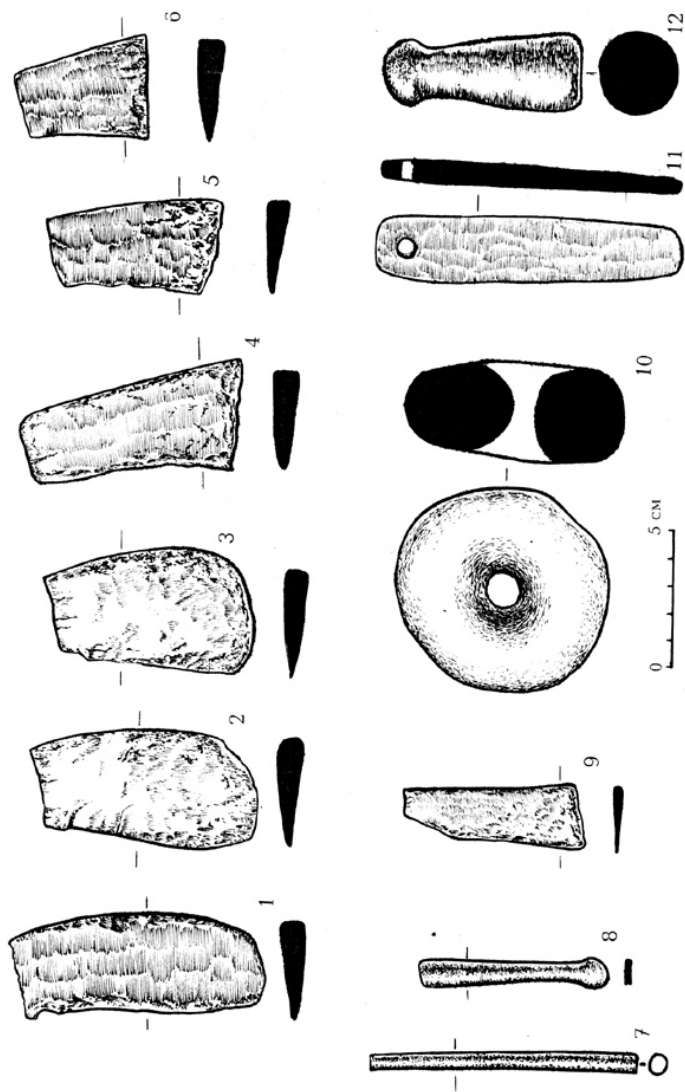

Рис. 2. 1-2 - второй пол (P-1); 3-5, 8-12 -подъемные материалы; 6 - первый пол (P-1); 7 - под вторым полом (P-1)

построек из сырцовых кирпичей и следы от части овального в плане жилища с каркасными стенами (Матбабаев Б.Х., 2003, с.11). Отличительной особенностью этого жилища являлось то, что пол его

был на уровне дневной поверхности, по краю сохранились ямки от жердей крепления стен диаметром 10-15 см, а внутри ямки от столбов диаметром 20-25 см.

В слоях нижнего горизонта, непосредственно лежащих над материком, следов сырцовой архитектуры обнаружено не было. Отличается и конструкция частично вскрытого каркасного жилища. У него, в отличие от жилища верхнего горизонта, пол был углублен в материк на 40 см. На то, что это не землянка, стены которой разрушены поздними земляными работами, указывает тот факт, что в прилегающей к краю поверхности обнаружены ямки от каркаса стен (Матбабаев Б.Х., 2003, с. 11-12). В связи с последними находками снова встал вопрос о типах и хронологии жилищ на поселениях Чустской культуры.

В обобщающей работе по итогам исследования Чустского поселения Ю.А. Заднепровский и Б.Х. Матбабаев выделяют три типа жилищ: 1) глинобитные наземные дома; 2) каркасные постройки столбовой конструкции и 3) землянки (Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б.Х., 1984, с. 57; Матбабаев Б.Х., 2002). При этом отмечается, что предыдущий исследователь поселения В.И. Спришевский выделял только два типа жилищ: наземные жилища столбовой конструкции (Спришевский В.И., 1957, с. 40-49), со стенками выложенными камышом и глинобитные постройки. Первая землянка была обнаружена Ю.А. Заднепровским в 1972 году (Заднепровский Ю.А., 1975). Что касается поселения Дальверзин, то на нем за все время предыдущих работ было зафиксировано 25 жилых построек трех типов: 1) каркасные жилища со столбовой конструкцией; 2) глинобитные дома; 3) землянка (Матбабаев Б.Х., 2002. С. 53; а также см. Заднепровский Ю.А., 1997, с. 38). Эта землянка была открыта на глубине 4-х м и была выкопана в начальный период обживания Дальверзина на территории цитадели городища. Описание ее приводится в связи со сравнением с землянками, открытыми на Ошском поселении. Поэтому мы приводим его дословно. “Она неправильной четырехугольной в плане формы с геометрически четкими углами. Все стены разной длины 6,8; 7,6; 7,8; 8,9 м. Площадь более 60 кв.м. По размерам она больше, чем Ошская землянка XI и меньше землянки IX. Котлован углублен на 1 м в материковый лесс. Стены его отвесные и полностью облицованы на всю высоту сырцовым кирпичом. В центре, на полу, находится необычный, яв-

но культового назначения очаг, овальный в плане формы, размером 1,4x 1,2 м. В середине его - чашевидное углубление, заполненное золой. По сторонам очага располагаются четыре ямы от столбов. Интервалы между ямами северной и южной сторон одинаковы и равны 3 м, расстояния между ямами на западе и востоке меньше и равны 2,7 м. В плане они образуют прямоугольник, слегка вытянутый в широтном направлении. Вдоль стен не было никаких ям для стоек, и балки перекрытия, очевидно, опирались на края землянки. В этих разных по форме и деталям землянках (Дальверзинской и Ошских. Авт.) отмечается общее сходство планировочной схемы - в центре их, вокруг очага, поставлены четыре опорных столба. Эти столбы образуют опорную раму для каркаса перекрытия, в одном случае правильный квадрат или четырехугольник, в другом - прямоугольник. Устройство перекрытия в них явно различались. На полу Дальверзинской землянки, также как и в Ошской, расчищено около пятидесяти малых ямок для стержней, сконцентрированных также между центральными столбами и очагом" (Заднепровский, 1997, с. 38). К этому нужно добавить, что на раскопанной части Ошского поселения было вскрыто более 12 землянок и все они в связи с тем, что располагались на крутом склоне с северной стороны, были глубже врезаны в материк. Остатков жилищ других типов в Оше найдено не было.

Следовательно, на трех поселениях чустской культуры мы имеем четыре типа жилых построек: 1) Глинобитные постройки. Открытые на Чустском поселении больше в слоях второго этапа его обживания и на городище Дальверзин больше в верхних слоях; 2) Каркасные конструкции наземного типа. Чустское поселение и верхний слой городища Дальверзин; 3) Землянки (или полуземлянки) без следов столбовых конструкций. Чустское поселение; 4) Жилища (в литературе они землянки или полуземлянки) с углубленными полами, опорными столбами в центре и каркасной верхней частью стен (ямки по краю). Нижний слой городища Дальверзин и Ошское поселение.

Учитывая качественные различия в тех или иных типах жилищ в зависимости от памятника или слоев на отдельном поселении можно попытаться предположить их хронологию. Не вызывает сомнений то, что глинобитные постройки должны были появиться позже, чем каркасные постройки, где, в основном, использовались

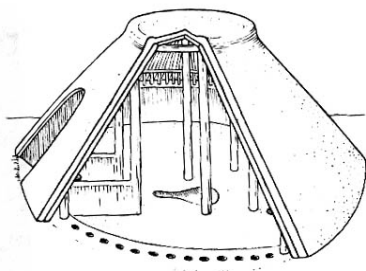
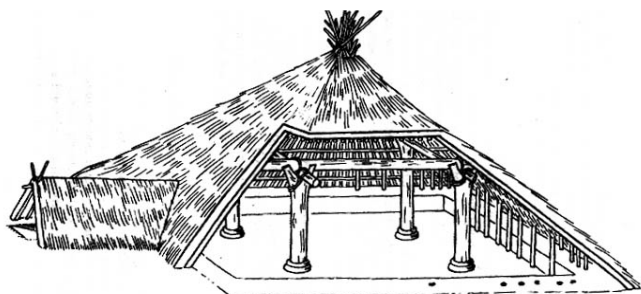

Рис. 3.

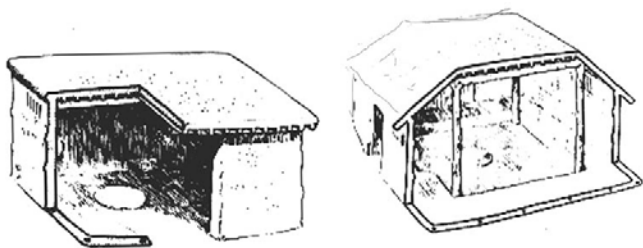

Рис. 4.

жерди и камыш. Другое дело разница в конструкции каркасных жилищ. В свое время В.И. Спришевский, описывая открытые им каркасные конструкции наземного типа, сравнивал их с жилищами поселений бронзового века Хорезма. Не отрицая этих аналогий, приведем материалы по реконструкции жилищ разного времени с территории западной части Китая. На рис. 3 (по Treistman, 1972, fig. 2 and 3; pp. 45, 46) показаны реконструкции жилищ неолитического времени с поселения Банпо, раскопанного на территории, располо-

женной к востоку от Синь-цзяна. Обращает на себя внимание наличие столбовых конструкций и углубленность полов этих жилищ. Исследователи датируют культуру Яньшао, к которой относится этот памятник пятым тысячелетием до н.э. Однако, замечено, что по ряду признаков Банпо относится к последней фазе этой культуры и должен датироваться более поздним временем (Rawson, 1980, p. 16). Кроме того, считается, что культура Чичиа с территории Синьцзяна, датируемая по радиоуглероду сер. II - сер. I тыс. до н.э., является продолжением культуры Яньшао (Kwang-chin Chang, 1977, pp. 197, 198). Следовательно, между ними не должно быть большого хронологического перерыва. С поселения Тахочуань культуры Чичиа происходят жилища, реконструкции которых представлены на рис. 4 (по Kwang-chin Chang, 1977, fig. 92). Конструкция этих жилищ отличается от более ранних тем, что они могут быть отнесены к типу каркасных конструкций наземного типа. Учитывая, что обе западно- китайские культуры относятся к культурам с расписной керамикой, можно допустить некоторую параллель между эволюцией каркасных жилищ в Восточном Туркестане и на памятниках чувстской культуры. Этот вывод еще нужно подкрепить другими материалами, но, возможно, каркасные постройки с углубленным полом Ошского поселения и нижних слоев Дальверзина могут считаться более древними, чем остатки построек каркасного типа наземного типа.

Литература:

1. Заднепровский Ю.А., 1954. Древняя Фергана. Автореф. канд. дисс. Л.
2. Заднепровский Ю.А., 1975. Землянки бронзового века Ферганы // Новейшие открытия советских археологов. Тез. докл. Киев.
3. Заднепровский Ю.А. 1979. Чувстская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореф. докт. дисс. М.
4. Заднепровский Ю.А., Матбабаев Б.Х., 1984. Основные итоги изучения Чувстского поселения в Фергане // ИМКУ, вып. 19. Ташкент.
5. Заднепровский Ю.А., 1997. Ошское поселение к истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек.
6. Матбабаев Б.Х., 2003. Отчет об археологических работах на городище Дальверзин (с. Аим) и Сарвонтепа (г. Андижан) в Андижанской области. Рукопись. Научный архив Института археологии АН РУз, фонд 8, список 1, № 180, Самарканд.
7. Матбабаев Б.Х., 2002. Исследование жилищ в памятниках Чувстской культуры Ферганы (XII-VIII вв. до н.э.) // ИМКУ, вып. 33. Ташкент.
8. Спришевский В.И., 1957. Чувстское поселение эпохи бронзы (из раскопок, 1954 г.) // КСИИМК, вып. 69, Москва.
9. Kwang-chin Chang, 1977 - Kwang-chin Chang. The Archaeology of Ancient China.

New Haven and London Yale University press, 1977.
10. Rawson, 1980. Jessika Rawson. Ancient China. Art and Archaeology. London, 1980. Treistman, 1972. Judith M. Treistman. The Prehistory of China. An Archeological Exploration. Newton abbot, 1972.

Д.К. Мирзаахмедов, Г.Л. Семенов, И.К. Малкиель,
Б.М. Абдуллаев, Н.Д. Сабилов, А.И. Торгоев
(Санкт-Петербург, Самарканд, Бухара)

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ГОРОДИЩЕ ПАЙКЕНД

В полевом сезоне 2003 года совместная экспедиция Государственного Эрмитажа (Россия) и ИА АН Республики Узбекистан продолжали раскопки городища Пайкент. Работы велись на цитадели, Шахристанах I и II.

На цитадели работы проводились на двух участках. На южном фасаде открыт угол примыкания городской стены к крепостным стенам самой цитадели. Ранее был раскопан аналогичный узел стен на северном фасаде цитадели (Семенов, 1996, с.107). Строительная история этих участков оказалась разной. Изнутри к крепостной стене поперек был пристроен коридор с высокими суфами. Открыто несколько кладок укреплений, относящихся к разному времени. Самая ранняя стена, являющаяся одновременно южной стеной коридора, не сохранилась. К последующему периоду относится частичный заклад южной части помещения, наклонный южный фасад которого являлся и фасадом укрепления II строительного периода. Стена сложена из кирпичей размерами 36-40x26-28x10 см. В III периоде с запада перпендикулярно этой кладке приставляют стену из сырцовых кирпичей 40x22x9 и 48x29x11 см. С восточной стороны кладка имеет вертикальную поверхность, но без штукатурок и с выступающими рядами кирпича. Она производит впечатление фундамента или цоколя от несохранившейся постройки. В IV периоде к стене цитадели и к поперечной кладке снаружи приставляют кладку из кирпичей 40x22x10 и 48x29x11 см, которая, в последующем V периоде была скрыта снаружи кладкой толщиной в основании не менее 4 м. К последнему VI периоду относятся две траншеи, вырубленные в толще ранних кладок. В плане направление траншей повторяет разворот фасадной стены V периода. Их назначение оста-

лось невыясненным. Датировка кладок II-V периодов относится ко времени VI-VIII вв.

Для истории цитадели важное значение имеют завершившиеся в этом сезоне раскопки отдельно стоящего здания X-XI вв., построенном на заложенном коридоре и к востоку от него. Оно состояло, как минимум из семи помещений и имело размеры не менее 15x18 м. Здание находилось, вероятно, к востоку от входа на цитадель и могло служить для каких-то административных целей. Тандыр и ташнау, открытые в одном из помещений говорят также и о бытовом характере, по крайней мере, части здания.

Второй участок раскопок цитадели находился на территории внутреннего двора святилища. Под вымосткой двора VIII в. были завершены раскопки помещения. Его западной стеной являлась стена с декоративным фризом из поставленных “домиком” кирпичей, сохранившаяся на высоту 5 м (рис. 1). Северной стеной помещения являлся край платформы из квадратных кирпичей 39-40x18 см, а восточная стена, возможно, являлась боковым фасадом подъема на эту платформу высотой около 3,5 м. Помещение до сохра-

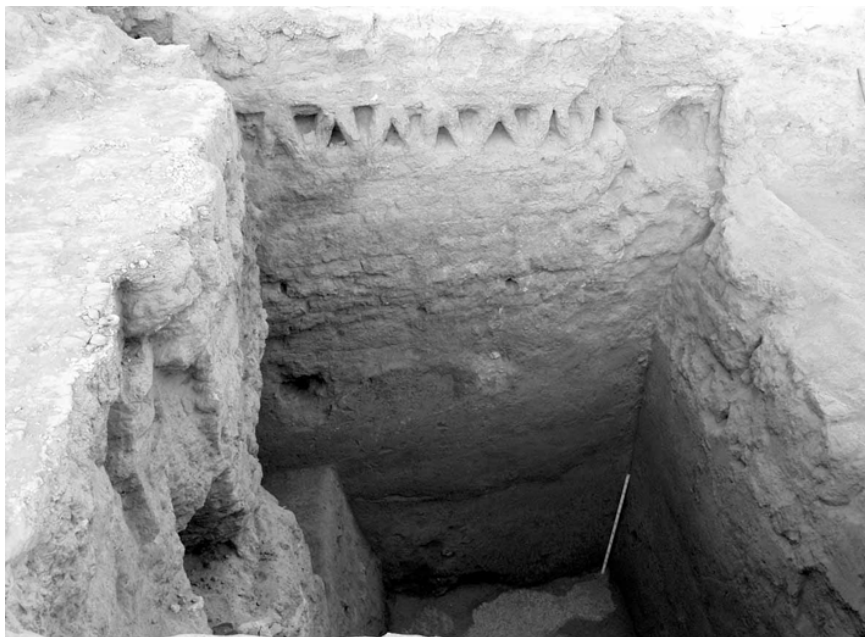

Рис. 1.

нившегося верха было заполнено слоями земли, среди которых отчетливо выделяются несколько прослоек золы и алебастровой крошки. Все слои скатываются от края платформы на юг. Заполнение по своему характеру напоминает выбросы из святилища, относящиеся к III-IV строительным периодам святилища. Керамический материал из заполнения помещения (колоколовидные кубки, очажные подставки кызылкырского типа) относится к II-IV вв. н.э.

На шахристане I исследовалась уличная сеть и жилая застройка. Раскопки на восток вдоль улицы 4 позволили определить длину еще одного квартала, которая оказалась равной 135 м. Ширина улицы составляет в среднем 2,8 м. Она состоит из средней “проезжей части” шириной около 1,5 м и двух тротуаров шириной 50-70 см по обеим сторонам. Улица 4 на востоке заканчивается Т-образным перекрестком, на север и на юг от которого со смещением отходят две новые улицы. На север улица ведет, как можно полагать, к предполагаемым воротам в северной стене шахристана I, а на юг - параллельно западной стене цитадели. На перекрестке открыта, вероятно, часть водоема с кубурным сливом, отводящим излишки воды. Тротуары улиц на перекрестке были вымощены жженым кирпичом (рис. 2).

Были продолжены раскопки жилого квартала шахристана I. Разобраны стены верхних периодов, исследованные ранее, и открыта сохранившаяся часть планировки квартала VII-VIII вв. Раскопано несколько помещений, относящихся к домам III-V. Наиболее ранние слои относятся ко времени не ранее середины VII в. К ним относится большой зал в доме III размерами 6,2x5,4 м, частично разрушенный шурфом 1981 г. В доме IV раскопано квадратное помещение с подиумом в центре, небольшая узкая кладовая и коридор вдоль улицы 3.

Характерной чертой домов раннего средневековья является наличие большого зала с суфами по четырем сторонам, находящегося в глубине дома. Для построек X-XI вв. нужно отметить наличие мощных фундаментных кладок, заглубленных в ранние слои до 1, 5 м.

На шахристане II была раскопана восточная угловая башня на южной стене (№ 10) и связанные с ней ворота и вход в город (рис. 3). Башня отличается от ранее исследованных на шахристане II башен № 2, 8, 9 отсутствием бойниц в восточной стене. Не найдены

Рис.2.

также гнезда от межэтажного перекрытия, хотя западная стена башни сохранилась на высоту 3,45 м. В других башнях эта высота составляет немногим больше трех метров. Гнезда могли располагаться по оси С-Ю, но на юге они не сохранились из-за плохой сохранности стен, а на севере из-за возможного переклада верхней части стены. В восточной стене, обращенной к воротам, находилась заложённая калитка. Отрезок стены, к которой пристроена башня, развернут на 15 градусов относительно линии южной крепостной стены. К ее фасадной поверхности, повторяя ее направление, пристроена башня. При раскопках помещения, примыкающего к крепостной стене на этом участке изнутри видно, что кладка южной крепостной стены врублена в останец более ранних стен. Возможно, что иное направление этого отрезка южной стены связано с использованием кладок, предшествующих по времени возведению первой стены шахристана II. Снаружи вокруг башни расположены три ряда ремонтных стен. Вдоль западного позднего фасада башни

Рис.3.

был заложен раскоп. В результате были открыты наклонные фасады южной крепостной стены, западной стены башни и частично два помещения, пристроенные в период не ранее конца X нач. XI вв. Помещения были перекрыты несколькими мощным слоями с керамикой того же времени, сброшенными с крепостной стены наружу.

Впервые в Пайкенде открыты ворота и вход в город (рис. 4). Он находился восточнее башни на стыке стен шахристанов I и II. Ширина проема ворот составляет 2,75 м, а длина прохода внутри кладок стен 13,7 м. Для того, чтобы попасть в город, нужно было подняться через ворота и выйти на улицу, подходящую к ним под тупым углом. В боковых стенах открыты три пары гнезд от столбов, вероятно связанных с перекрытием входа. Перекрытый коленчатый вход в город несколько напоминает вход в Арк Бухары, где также есть подъем внутри ворот и длинный крытый коридор с изменением направления движения.

Рис.4.

Продолжались раскопки уличной сети Шахристана II. В результате работ удалось раскопать улицу В на длину в 35 м, 4,5 м улицы 2 и 20 м улицы А. Таким образом постепенно определяется разбивка уличной сети ЮВ части шахристана II. Улицы А и В, идущие в направлении С-Ю, расположены на расстоянии около 20 м параллельно друг другу. Улица А начинается от ворот и предположительно продолжается на север на 35 м, где должна пересечься с перпендикулярной ей улицей 2. Улица 1, параллельная улице 2, проходит вдоль южной стены шахристана и, не доходя ворот на 20 м образует Т-образный перекресток с улицей В. Улица В длиной 35 м начинается от перекрестка с улицей 1 и заканчивается Т-образным перекрестком с улицей 2.

На шахристане II продолжены раскопки квартала вдоль южной городской стены. Полностью раскопан дом XI, который состоит из восьми помещений. План дома формируется вокруг центрального помещения, вероятно, двора, в который можно было попасть с ули-

цы через широкий коридор с суфами. Северо-восточную часть дома занимает изолированный кухонно-хозяйственный блок, состоящий из двух помещений. В одном из помещений открыта очажная яма с бортиками, позднее на этом месте устанавливают тандыр. Пол помещения вымощен жженым кирпичом на алебастровом растворе, около стены небольшая суфа, а в углу - ташнау. Всю южную часть дома занимает помещение с подиумами. В позднем строительном периоде помещение разделяют на две части. Подрубают край подиума и в восточной части помещения сооружают тандыр и устройство для сбора воды. В северо-западной части дома расположены три помещения. Из-за плохой сохранности определить назначение этих помещений невозможно. Помещения датируются периодом начала - середины XI в.

Надо отметить, что планы домов X и XI не похожи, хотя их объединяет наличие помещений с большими подиумами и отсутствие деревянных порогов в широких проходах с улицы.

Восточнее XI дома расположен XII дом. Он состоит из пяти помещений. С улицы В можно было попасть в помещение с фигурной вымосткой пола и суфой. Помещение связано проходом с большой комнатой неправильной формы. В помещении пять разновременных тандыров, два ташнау и небольшая суфа. Не исключено, что оно использовалось в качестве открытого двора с летней кухней. Южнее расположено изолированное помещение с высокой суфой и ташнау. К северу от помещения расположен изолированный блок, состоящий из трех помещений. Из-за плохой сохранности трудно определить назначение этих помещений.

В юго-восточном углу шахристана II к югу от прохода в город расположен XIII дом. Он состоит из одного большого изолированного помещения с выходом на улицу. В доме прослежены три строительных периода. В первом периоде помещение было разделено стеной на две части, с порогом в проходе между ними. Во втором периоде подрубают стену и в западной части помещения сооружают суфу. В восточной части комнаты расположен заглубленный в пол ящик, облицованный жжеными кирпичами. По форме он похож на сандал или ташнау, однако следов копоты, как и слива в нем не обнаружено. Южнее его в полу сооружают устройство, заполненное углем и золой, вероятно, сандал. Вокруг него расчищены три гнезда от столбов, на которых могло держаться

перекрытие. В третьем периоде в помещении поднимают уровень пола. От последнего этапа жизни в помещении сохранился останец стены в ЮВ углу помещения и фрагментарно сохранившийся участок пола. В южной крепостной стене расчищен останец ранней стены, возможно, относящийся ко времени до постройки основной крепостной стены шахристана. Три последних строительных периода датированы началом - серединой XI вв. Стены помещения сложены из сырцовых кирпичей караханидского стандарта. Вероятно, в этой части города могла располагаться городская служба, связанная с воротами.

К СВ от XII дома раскопан XIV дом. Из-за плохой сохранности стен трудно определить габариты этого жилища, но не исключено, что оно состояло из трех помещений с отдельным выходом на улицу. В двух помещениях расположены суфы, а в третьем тандыр и ящик для углей. Севернее XIV дома удалось раскопать часть помещения XV/1 с суфой. Оно не связано проходами с другими помещениями. Комната практически вся разрушена ямами.

Проводилось исследование строительной истории “пандуса”. В результате работ было выделено 5 строительных периодов. К первому периоду относится строительство помещения с оштукатуренными стенами. Во втором периоде стены помещения подрубают и сооружают на этом месте платформу для дальнейшего строительства. Строительство печи для обжига неглазурованной керамики было в третьем периоде. В четвертом строительном периоде печь ломают и на этом месте строят фасадную стену третьего дома. К пятому, последнему, строительному периоду относится толща мусорных слоев, по которым могли подниматься на крепостную стену.

Из интересных находок на шахристане II следует отметить керамическую форму, покрытую изнутри глазурью зеленого цвета (рис. 5), широкогорлый сосуд с четырьмя зооморфными сливами и четырьмя ручками, чернильни-

Рис.5.

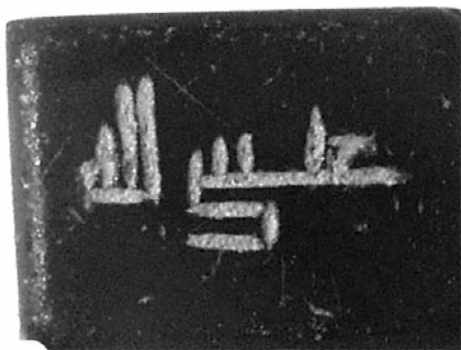

Рис. 6.

цу с ручкой, сердоликовую печать с арабской надписью (рис. 6), комплекс сфероко-нических сосудов. остано-вимся подробнее только на одной находке. На шахри-стане I на перекрестке трех дорог в слоях X-начала XI вв. в завале был найден станок (рис. 7). Он состоит из каменного разъемного шарнира, каждая половина ко-торого при помощи алебастр-

ра закреплена в керамическом основании и вращающемся столике.

Шарнир изготовлен из двух камней, которым грубыми сколами была придана округлая в плане форма. Нижняя часть шарнира в центре имеет углубление, в которое вставлялся конический шип верхней половины шарнира.

Керамическое основание станка представляет собой по форме широкогорлый сосуд высотой 11,6 см. Среди керамики Пайкенда X-XI вв. такая форма не встречалась и можно предположить, что она была изготовлена специально. Алебастр был залит вовнутрь сосуда, заполнил углубления между неровностями шарнира и венчиком и выступает наружу на верхнюю плоскость венчика.

Верхняя часть представляет собой диск диаметром 17 см и толщиной 4,7 см. В его нижнюю поверхность при помощи алебаstra закреплена верхняя половина каменного шарнира. По его боковой грани проходит глубокий желоб, а верхняя поверхность имеет ряд концентрических кругов. Общая высота станка составляет 17,5 см.

Назначение станка не вызывает больших сомнений - это поворотная подставка или ручной круг. Шарни-

Рис. 7.

ры, вероятно, после введения смазки обеспечивали плавное вращение, а ребристая поверхность верхней плоскости диска препятствовала соскальзыванию находящегося на ней предмета.

Для интерпретации находки важно рассмотреть отдельно глубокий желоб на боковой поверхности диска. По своему виду он напоминает паз для приводного ремня. В этом случае станок мог бы быть не ручным, а скажем ножным или вращаться ассистентом. Такие гончарные круги с ременным приводом использовались в Южном Китае еще в XIX веке (Rieth, 1960, Abb.119). Но при рассмотрении внутренней поверхности желоба при 20-кратном увеличении на нем не было обнаружено следов затертости, неизбежных при вращении диска при помощи веревки или ремня. Другая возможная интерпретация связана с современным гончарным производством, где поворотные подставки подобного типа, но без ременной передачи, используются только для расписывания узорами гончарных изделий. Однако неизбежных при росписи потеков краски обнаружено не было. Таким образом, оба возможных предположения имеют право на существование, но имеющиеся данные не позволяют сделать однозначный выбор. Нельзя исключить полностью и возможности того, что этот станок мог использоваться не только в гончарном производстве, а, более широко, как токарный станок, для обтачивания предметов из дерева или других материалов.

При сравнении отдельных деталей станка с находками разных лет из Средней Азии следует отметить, что все известные находки керамических дисков возможно от гончарного круга (Сайко, 1971, с. 24-35) не имеют желобов как на боковой поверхности, так и на верхней плоскости. Отдельные находки каменных шарниров, из которых наиболее интересная была сделана также в Пайкенде. При раскопках жилого дома IX-X вв. были открыты остатки мастерской по изготовлению каменных шарниров. Вместе с 17 половинками шарниров были найдены несколько кремневых и каменных орудий, которые могли использоваться в качестве отбойников и лоцил. Тогда же была предложена и возможная реконструкция ножного гончарного круга с использованием шарниров (Семенов, 2000, с.20-24).

Наиболее близкой аналогией может считаться находка на Афрасиабе около Шахи-Зинды нижней части шарнира, вмурованной в

Рис.8.

конусообразную алебастровую подставку. В.А. Шишкин уже тогда предположил, что эта находка могла быть связана с вертикальной осью станка, в том числе и гончарного (Шишкин, 1961, с. 42-43). Однако в первый раз полностью в сборе такой станок был найден в Пайкенде.

В доме на шахристане I в слоях VII-VIII вв. была найдена терракота с изображением стоящего мужского (?) персонажа (рис. 8). Покрой одежды в виде длинного приталенного кафтана. Фактура одежды должна передавать пластинчатый доспех. Руки согнуты в локтях В правой руке венок с лентой (?). В левой руке на уровне груди конический расширяющийся кверху предмет (кубок

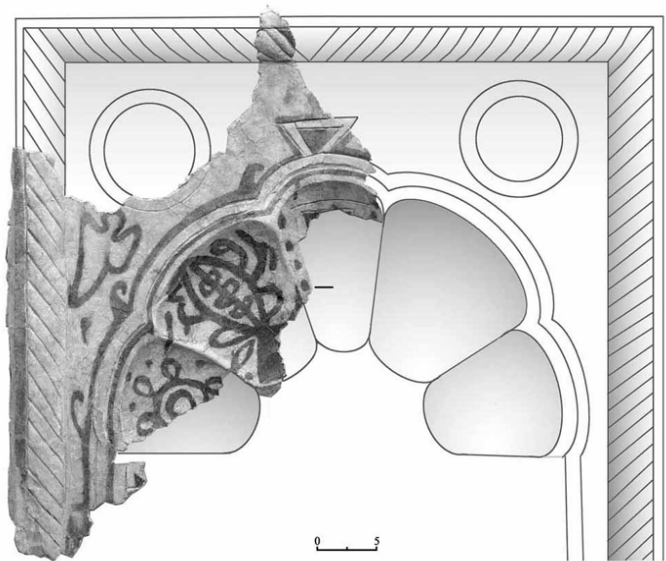

Рис.9.

или цветок) Над левым плечом сзади возможно изображен лук (сравни: медальон с Артемидой-охотницей из Эрмитажа). Терракоты такого типа как будто в Согде не встречались. Реставраторы закончили работу над резной ганчевой панелью с раскраской из дома IX-16 на шахристане 2. В результате можно предложить графическую реконструкцию ее верхней части с пятилепестковой нишей и бордюром с косыми насечками по краю михраб (рис.9).

Литература:

1. Сайко Э.В. К истории гончарного круга и развития форм керамики. Душанбе, 1971.
2. Семенов Г.Л. Согдийская фортификация V-VIII вв. СПб., 1996.
3. Семенов Г.Л. Гончарный круг из Пайкенда // Эрмитажные чтения памяти В.Г. Луконина. СПб., 2000
4. Шишкин В.А. Узбекская археологическая экспедиция АН УзССР // ИМКУ. Вып.2. Ташкент, 1961
5. Rieth A. 5000 Jahre Topferscheibe. Konstanz. 1960

Д.К. Мирзаахмедов
(Самарканд)

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ К ЮГУ ОТ ТИМА АБДУЛЛАХАНА В Г. БУХАРЕ

В мае 2003 г. нами проводилось археологическое обследование разрезов котлована под строительство небольшой гостиницы с севера, через квартальную улицу, примыкавшей к Тиму Абдуллахана и по фасаду располагавшейся вдоль магистральной улицы соединявшей торговые купола Токи Тельпак Фурушон и Токи Заргарон.

Ранее, на месте строительства располагался двухэтажный детский сад постройки 30-х г. прошлого столетия с подвальными помещениями на 2,5-3 м уходящими в нижние культурные горизонты. Его снос был связан с аварийным состоянием здания в связи с неоднократными прорывами и утечкой воды с проходившей рядом водопроводной линии и резкими осадками окружающих культурных горизонтов.

Котлован под строительство представлял из себя подпрямоугольную форму вытянутую по направлению север-юг и ориентированную по сторонам света. Его размеры по направлению север-

юг составляли 47 м, восток-запад по северной линии 25 м, восток-запад по южной линии - 16,5 м.

1. С северной стороны котлован соприкасался с квартальной улицей шириной около 5 м, за которой располагался Тим Абдуллахана.

В разрезе котлован был опущен на глубину 4,3-5 м, при этом постепенный подъём уровня дневной поверхности прослеживается в восточном направлении. Первые 1,3-1,8 м культурных горизонтов насыщены современным кирпичным боем, прослойками асфальта, выходами обломков железных труб и остатками фундаментов построек XX в.

Следующий слой составлял от 1,2 - до 1,5 м и состоял из земли с включениями зольных прослоек, остатков горелой земли от каких-то производств и земли зеленовато-болотистого цвета опускавшихся от остатков ташнау. По находкам керамических материалов слой датируется концом XVIII-XIX вв.

Третий, нижний культурный горизонт опускавшийся до основания котлована на 1,6-1,7 м состоял из земли с включениями зелёных гумусных отложений от опускавшихся сверху остатков ташнау. На северо-западном участке с отвалами мусора и зольников встречаются железные крицы являющиеся отходами железодельного производства. В целом, слой по немногочисленным фрагментам керамики может быть датирован XIII-XVII вв. На обследованных участках каких-либо строительных горизонтов с монументальной или жилой застройкой не зафиксировано.

2. Восточная сторона котлована имела длину 47 м и высоту 5-5,2 м. По верху она была в виде ступеньки, снята на высоту 1-1,2 м для устройства пандусного подъема и расположения грузовых автомашин, загружаемых грунтом. Пандусный подъём шириной 5 м был в средней части разреза котлована и косо отходил в северо-восточном направлении. Снятый в виде ступени на 1-1,2 м. культурный горизонт полностью относился к периоду второй половины XX в. и состоял из строительного боя, стен и фундаментов современных жилых построек. Ниже культурный горизонт еще на 1,3 м. состоял из слоев конца XVIII-XIX вв., а в отдельных местах северной половины разреза мусорные ямы конца XIX-XX вв. опускались вплоть до основания котлована. К югу, за пандусным подъёмом, характер культурных горизонтов преимущественно такой же.

Рис. 1. Керамика XIV-XVII вв.

лишь по уровню 2,7 м проходила прослойка кирпичного боя с мелкими фрагментами керамики XV-XVII вв. Далее, вплоть до основания котлована, на 1,3-1,5 м земля имела зеленовато-болотистый цвет с остатками битых перевернутых хумов от ташнау и редкими мелкими фрагментами керамики XIII-XIV вв.

Интерес представляют последние 10 м южной части разреза, полностью переотложенные и состоящие из мягкой коричневатой органики с мелкими фрагментами керамики XV-XVII вв. В этом же слое, в 3 м от южного края, по основанию разреза, были выявлены на высоту 1,6 м. и остатки полусводчатого сооружения уже в древности выбранного на кирпич. Внутри, перпендикулярно ей, уходя за стенки разреза сохранились также остатки другой более ранней стеночки выложенной мелко-форматным саманидским кирпичом. Исходя из того, что остатки полусводчатого сооружения были построены очень аккуратно по внешней поверхности и неровностями с выступающими кирпичами по внутренней, мы предполагаем, что здесь некогда располагалось погребение обложенное впоследствии полусводчатой саганой. Уже к XV-XVII вв. оно было выбрано на кирпичи и сохранились лишь его остатки.

3. Южная сторона разреза имела в длину 16,5 м и высоту 4,4-5,7

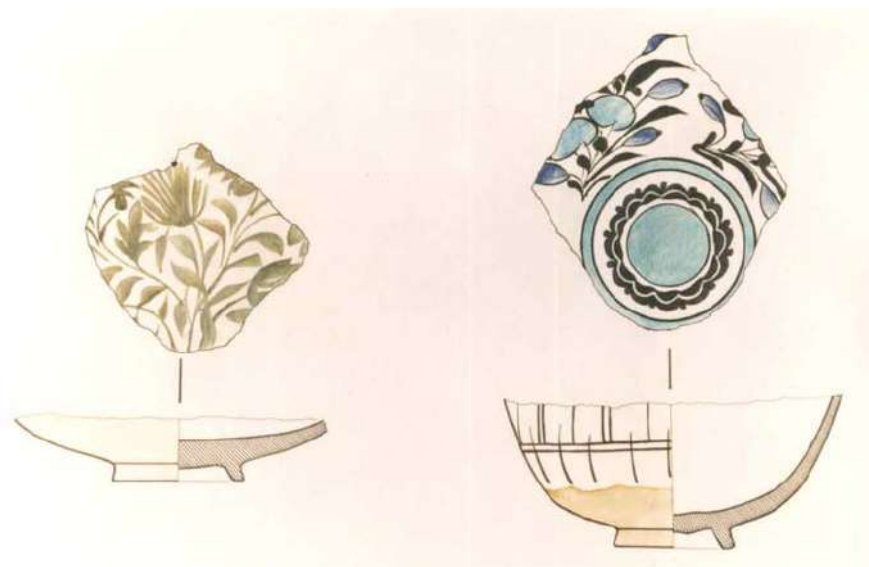

Рис. 2. Керамика XV-XVI вв.

м (наблюдается подъем в восточном направлении). Верхний культурный горизонт на высоту 2-2,5 м состоял из кирпичного боя, остатков стен и фундаментов зданий XX в. На 1,5-2 м ниже идет относительно однородный слой земли темно-серого цвета с включениями перегноя и органики зеленого цвета от выделений ташнау. Встречаются также обломки кирпичей и куски алебаstra от свалок строительного мусора. Фрагментов керамики мало, по их обломкам слой можно датировать XV-XVII вв.

По нижнему горизонту, на высоту чуть более метра, земля имеет такой же темно-серый цвет. Прослеживаются остатки ташнау с обломками перевернутых хумов и неглубокими кирпичными выкладками по устью. Керамический материал также очень ограничен и свидетельствует о перемешанности материалов датируемых в пределах конца XIII-XIV вв. На обследованных участках каких-либо строительных горизонтов с монументальной или жилой застройкой не зафиксировано.

4. Западная сторона разреза имела в длину 47 м, высоту 3,7 м и проходила в 0,5-0,8 м от современной уличной трассы соединявшей торговые купола Телпак Фурушон и Токи Заргарон.

Верхний культурный горизонт на высоту около 1 м состоял из асфальтовых покрытий, обломков кирпичей, бетона и ганча относящихся к XIX-XX векам.

Ниже, на высоту около 1,7 м проходит преимущественно однородная земля темно-серого цвета, с включениями рыхлой органики и земли зеленоватого цвета от ташнау. Кое-где, под ташнау, читаются остатки невысоких кирпичных резервуаров. Ближе к северо-западному углу встречаются выбросы криц. Ке-

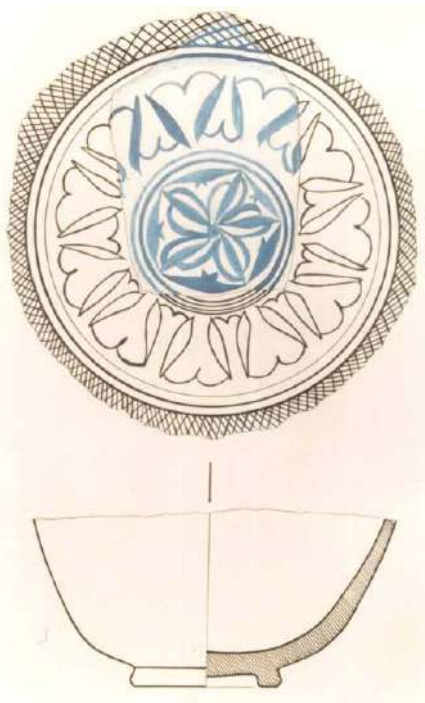

Рис. 3. Чаша XVI вв.

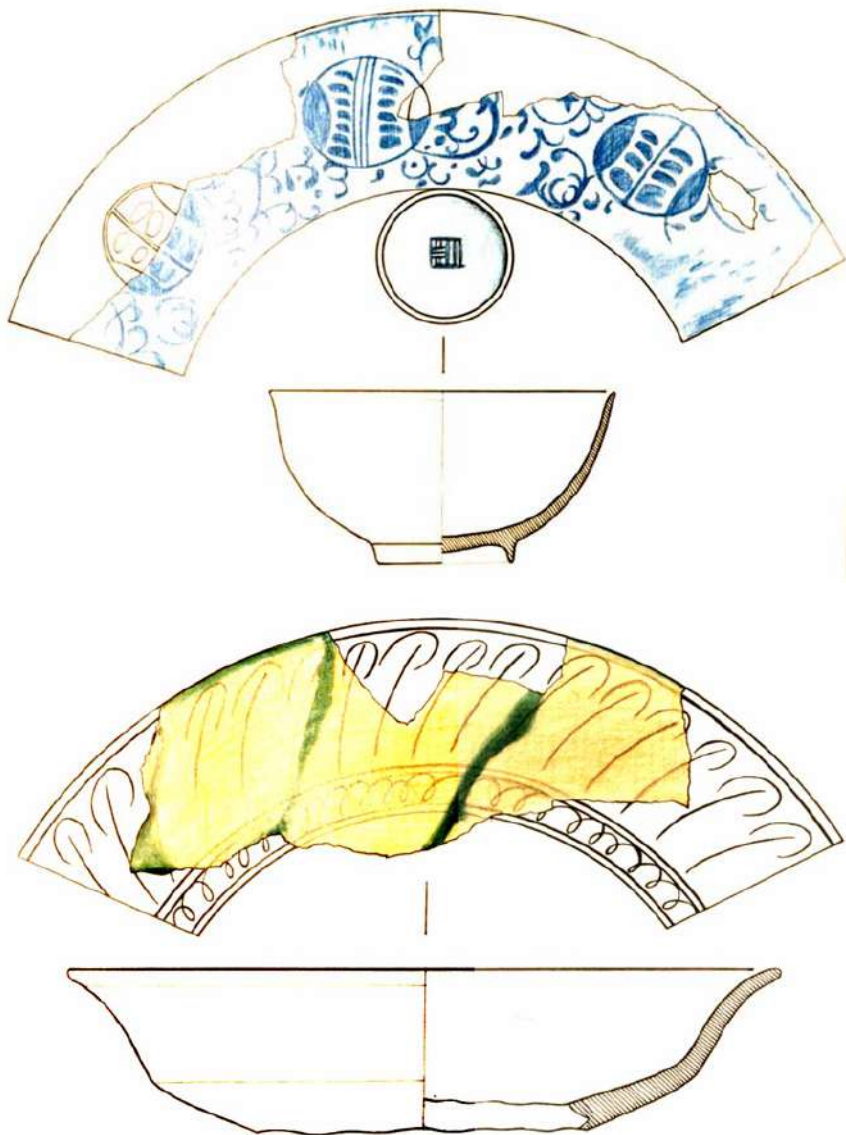

Рис. 4. Чаша и блюдо второй половины XIX в.

раммический материал ограничен и фрагментарен и может быть датирован в пределах XV-XVII вв.

Самый нижний горизонт на высоту около 1 м. представляет собой землю темно-сероватого цвета с обломками кирпичей и хумов от ташнау. Кераммический материал также очень ограничен и фрагментарен и может быть датирован как и на южной стороне котлована концом XII-XIV вв.

На обследованных участках каких-либо строительных горизонтов с монументальной или жилой застройкой не выявлено.

5. Таким образом, по результатам археологического обследования разрезов котлована на месте строительства небольшой гостиницы к югу от Тима Абдуллахана можно выделить следующее:

а) наблюдается общий топографический подъем уровня дневной поверхности в восточном направлении на 1-1,2 м, связанный с прохождением далее, за пределами разреза котлована, стен старого Шахристана, отмеченный как в исторических источниках, так и по данным археологических исследований предшествующих лет;

б) основная часть котлована по северной, восточной, южной и западной сторонам приходится на переотложенные слои XV-XX вв., что было связано не только с отмеченными выше, опускавшимися на 2,5-3 м, фундаментами здания детского сада, но также расположением, ранее, на этом месте, комплекса торговых сооружений XIX в. (аэрофотосъемки и план схемы архитектора Гинзбурга 1929 г.). Исходя из этого можно предположить, что только на основании имеющейся информации данная территория разрушалась и перестраивалась дважды, что естественно производилось с полной выборкой кирпича предшествующих сооружений и нарушением культурных горизонтов более ранних периодов. Такого рода разрушениями, в предшествующие периоды, могла быть подвергнута и самая нижняя часть культурных горизонтов XIII-XIV вв. На это указывает перемешанность материалов конца XII начала XIII вв. с материалами XIII-XIV вв., а также их не многочисленность, фрагментарность и исключительная бедность. В целом, ни с одной из сторон стен котлована, в разрезах каких-либо построек монументального или жилого характера не зафиксировано (исключение могут составлять лишь выявленные по основанию юго-восточной части котлована остатки двух стенок неизвестного назначения, еще в средневековье выбранные на кирпич).

Среди находок, как уже было отмечено, часто встречались металлические крицы, что свидетельствует о расположении поблизости каких-то металлургических производств. В связи с этим, возможно неслучайно, и название расположенных рядом “Железных ворот” Шахристана, а также массовое количество криц выявленных из шурфа у мечети Магоки Курпа за Железными воротами.

Среди керамических материалов можно выделить фрагменты посуды XVI в, а также неплохой комплекс специфической бухарской керамики второй половины XIX в.

Нумизматические материалы представлены небольшим кладком из 15 медных чагатаидских монет XIV в.

В целом, археологические исследования позволили в значительной степени прояснить историко-топографическую и стратиграфическую ситуацию на данной территории, расположенную у южных границ Шахристана с ремесленно-промышленным рабадом и, видимо, населявшуюся ремесленниками.

Литература:

1. Мирзаахмедов Д.К. Мечеть Магоки Курпа в Бухаре//ИМКУ. Вып 21. Ташкент, 1987.
2. Мирзаахмедов Д.К. К истории художественной культуры Бухары. Ташкент, 1990.
3. Приносим благодарность А. Атаходжаеву за проведение определения монет.

А. Мусакаева
(Ташкент)

МОНЕТА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ВСАДНИКА

В 2003 г. в г. Ташкенте в Центральном Банке РУз создана экспозиция Музея ЦБ РУз. В составе монет этой экспозиции была выставлена уникальная монета с изображением всадника.

На левой её стороне изображен идущий вправо конь с приподнятой передней ногой. На коне всадник. Ноги всадника вдеты в стремена. Изображения руки, держащей поводья, не сохранилось. За головой персонажа длинная прядь волос (до плеч), либо конец диадемы. За спиной его неясный предмет по сохранившимся очертаниям напоминающий птицу или животное.

Нижняя левая часть монеты сильно коррозирована и не поддавалась очистке. В результате чего едва просматриваются задние ноги

коня, почти не виден хвост. На передних ногах коня любопытная деталь - четко изображены штрихи над копытами, переданными почти такими же штрихами, расположенными перпендикулярно ногам коня. Грива коня коротко острижена.

Оборотная сторона - изображение тамги в виде лирообразного знака с неравномерными стростками в верхней части. Вокруг знака согдийская легенда. Сохранился лишь её конец. Все изображение заключено в линейный ободок.

Описываемый тип монет является единственным известным на сегодняшний день экземпляром. Имеются близкие аналогии в группе так называемых “за сырдарьинских” монет с изображением всадника и тамги. Однако при детальном рассмотрении был выявлен ряд существенных отличий, позволивших отнести описываемый экземпляр к новому типу. “Засырдарьинские” монеты были опубликованы О.И. Смирновой. Один экземпляр происходит с городища Пенджикент из завала у западной стены помещения I (Смирнова, 1963). Три других опубликованы ею же, но два экз. из них приведены без оборотных сторон (Смирнова, 1981, с. 504 таб. IV, 1,5,6 (548/85) и одна прорисовка (Смирнова, 1981, с. 19, рис. 2).

Отличия наблюдаются в следующем: всадник на “засырдарьинских” монетах правой рукой придерживает повод, а его левая рука поднята вверх и согнута в локте, тогда как изображений рук не сохранилось на монете из коллекции ЦБ РУз (либо за его правую руку можно принять часть изображения неясного предмета за спиной - тогда она выглядит в виде руки поднятой вверх и согнутой под тупым углом).

Причёска на “засырдарьинских” монетах передана в виде собранных в пучок волос на макушке и длинных прядей, спускающихся до плеч. За спиной отсутствуют какие-либо изображения, аналогичные изображению птицы (или животного?) на экземпляре из ЦБ РУз. Имеется лишь изображение несомкнутого кольца за локтем персонажа и полумесяца рожками вверх на прорисовках. На прорисовках имеется крупноточеный ободок, тогда как на уникальном экземпляре - линейный. На монете из коллекции ЦБ РУз согдийская легенда выписана в одну строку, а на других экземплярах этой группы в две строки.

Шестой экземпляр, к сожалению, не очень четкий, ввиду плохой сохранности монеты, хранится в коллекции Национального Банка РУз и, судя по публикации, аналогичен пенджикентскому экземпляру и остальным трем монетам, опубликованным О.И.Смирновой. Отличия возможны лишь в типе прически, однако плохая сохранность монеты из НБ РУз, не позволяет дать более точный анализ. Имеются данные по датировке этой монеты VII-VIII вв. (Ртвеладзе, 1999, № 62), датировка остальных монет С.И.Смирновой не приводится. Судя по палеографии знаков, уникальный экземпляр из ЦБ РУз имеет более раннюю легенду, что позволяет его датировать в пределах VI в. или VI-VII вв.

Из имеющихся шести экземпляров монет с изображением всадника сведения о месте находки имеют лишь 2 одна монета происходит с городища Пенджикент, а вторая из Ташкентской области, возможно, с городища Канка. Учитывая то, что коллекция НБ РУз складывалась из сборов частных коллекций г. Ташкента, можно предположить чачское происхождение монет этой группы.

Пенджикентский экземпляр вероятно отражает наличие торгово-экономических связей, либо свой локальный чекан.

Литература:

1. Ртвеладзе Э.В., 1999 Ўзбекистон миллий Банки коллекциясида 100 танга. Тошкент, 1999.
2. Смирнова О.И., 1963. Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949-1956 гг.) М., 1963.
3. Смирнова О.И., 1981. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ

В 2003 году на городище Старого Термеза одновременно с археологическими раскопками велись и антропологические исследования. Раскопки велись на двух объектах. Это буддийский центр Кара-тепа и Холм Чингизтепа I и II (Пидаев, Като, 2002; Пидаев, Лериш, 2002).

1. На холме Каратепа раскопано пять наземных помещений (№ 17, 18, 19, 21 и 30) кушанского времени, где после их запустения осуществлялись захоронения (Мустафакулов, 2001, 2002).

В этих помещениях раскопано около пятидесяти погребений. В помещениях № 17 и 19 было захоронено по 15 человек. Отпечатки тканей покойников хорошо прослеживались в глине. У каждого погребенного в руках или во рту находились одна или две медные монеты термезшахского времени (по определению Ш.Р. Пидаева).

Захоронения групповые. Покойников хоронили в разное время, с короткими интервалами времени. Вход в помещения был заложен сырцовыми кирпичами в 2-3 ряда. Каждое помещение служило наусом для одной семьи, так как здесь находились захоронения разного пола и возраста. Скелеты ориентированы по сторонам света.

На некоторых черепах прослеживаются следы кольцевой деформации. В отдельных редких случаях на задней выступающей части теменных костей с двух сторон фиксировались жесткие накладки. Получалась круглая площадка размерами 5-6 см, из-за чего появляется иллюзия длинноголовости. С чем это связано пока объяснить трудно. Такой тип деформации практически не имеет аналогов, кроме двух черепов, найденных на городище Пап (Папский район, Наманганской области) (Абилов, 1988).

2. На холме Чингизтепа I и II раскопано пять скелетов. Они сильно потревожены. Найдено несколько кусков теменной и затылочной частей черепа и пять хорошо сохранившихся частей нижних челюстей.

По этим остаткам костей и нижней челюсти можно определить

пол и возраст погребенных.

1. Нижняя челюсть мужчины около 50 лет.
2. Нижняя челюсть мужчины 25-30 лет.
3. Нижняя челюсть и тазовая кость женщины 35-40 лет.
4. Нижняя челюсть женщины 20-25 лет.
5. Нижняя челюсть ребенка до 3 лет.

Можно предполагать, что здесь также была похоронена одна семья (Мустафакулов, 2001).

К западу от этого помещения (коридора) раскопано еще одно захоронение. Кости лежали впритык к юго-восточному углу стены (коридора), и были собраны в одну кучу, как расчлененные. Череп лежал на левом боку, в направлении на север, лицом на восток и принадлежал мужчине 35-40 лет. Надбровная дуга развита выше средней. Надпереносица и носцевидный отросток развиты средне (2 балла). Нижний край грушевидного отверстия антропинная, череп европеоидный.

3. Во время расчистки северо-западного угла Чингизтепа II обнаружено погребение на глубине 70-80 см от дневной поверхности. Оно прямоугольной формы, размерами 180x40 см. В погребении был захоронен один человек. Скелет уложен на спине в вытянутом положении, головой на север, лицом вверх. Руки расположены вдоль туловища. Скелет находился в анатомическом порядке, без сопровождающего инвентаря. Судя по положению и ориентации погребения, оно относится к мусульманскому времени.

Таким образом, можно предполагать, что именно в V-VI веке вся пустующая архитектурная застройка (Каратепа, Чингизтепа, Курган, Дунётепа) городища Старого Термеза использовалась городским населением под некрополь.

Возможно эти одновременные захоронения могли произойти вследствие какой-то эпидемии. Антропологические материалы относятся в стадии изучения, но судя по измерениям по короткой программе, серия черепов городского населения Старого Термеза V-VI вв. характеризуются европеоидными признаками. Важным является то, что в населении Старого Термеза фиксируется начальный этап формирования расы Среднеазиатского междуречья, как и во многих городах Узбекистана этого времени.

Литература:

1. Абилов Ш. Отчет антропологического отряда за 1988 г. Архив института архео-

логии АН РУз. Ф. 5.

2. Мустафокулов С. Антропологическое исследование на Каратепа // Археологические исследования в Узбекистане - 2001. Ташкент, 2002.
3. Мустафокулов С. Новые антропологические материалы из Каратепа // Археологические исследования в Узбекистане - 2002. Ташкент, 2003.
4. Пидаев Ш.Р., Лериш П. Археологические работы Узбеко-Французской экспедиции на городище Старого Термеза // Археологические исследования в Узбекистане - 2002. Ташкент, 2003.
5. Пидаев Ш.Р., Като Кюдзо. Археологические исследования Узбекистано-Японской экспедиции на Каратепа в Старом Термезе // Археологические исследования в Узбекистане - 2002. Ташкент, 2003.
6. Ходжайов Т.К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья. Ташкент, 1987.

Х.Ю. Мухитдинов
(Самарканд)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА КОНСЕРВАЦИОННЫМИ РАБОТАМИ У МЕЧЕТИ - МЕДРЕСЕ ТИЛЛЯКОРИ

С 3 по 20 ноября 2003 года Самаркандский Государственный институт архитектуры и строительства и Самаркандская Областная Инспекция по Охране Памятников вели закрепительные работы фундамента мечети-медресе Тиллякори на основе соглашения по гранту со специалистами из ФРГ.

Работы проводились по причине оседания фундаментов памятника в связи с чем стена западного фасада получила многочисленные трещины создавшие опасность разрушения его в целом. Для предотвращения этого строители и специалисты по консервации памятников архитектуры создали проект, по которому фундаменты стен западного фасада укреплялись железобетонными сваями. Всего на расстоянии 2,25 м друг от друга, на всю длину стены мечети, было вырыто 6 колодцев диаметром 85 см, глубиной 12 м и на удалении 2-3 м от фундамента мечети Тиллякори. Они имели круглую форму и предназначались для впуска арматурной решетчатой конструкции цилиндрической формы. Руководил сооружением подпорных конструкции профессор СамГАСИ Хасанов А.З.

Археологические наблюдения осложнялись их узостью, зрительный охват стен был очень ограничен (и по горизонтали и по вертикали), чтобы проследить за структурой культурного слоя. Поэтому методика археологического наблюдения сводилась к опреде-

лению культурного слоя по вынимаемому грунту, а также по археологическим материалам которые обнаруживались и отделялись в ней. Для удобства и эффективности исследований мы выбрали условно метровый ярус, и каждый колодец, соответственно делился на 12 ярусов. Работа проводилась на тротуаре, покрытом бетонной стяжкой и по уровню, располагавшемся почти на 1 м, ниже асфальтовой дороги.

К моменту начала археологических наблюдений первая яма-колодец уже была выкопана. По наблюдениям рабочих культурный слой доходил до глубины 10,5 м и вынутый грунт показывает, что материковый лесс имел желтоватый цвет, а культурный слой темновато-серый.

Отобранный при рытье колодца археологический материал был перемешан и свален в одну кучу. Среди них наиболее ранним материалом следует считать прямоугольные жженые кирпичи размерами 34x18x6 см, 38x18x6,5 см. Такие кирпичи, а также кирпичи размерами 32x17,5x5 см были обнаружены на глубине от 9,5 до 10 м, т.е. на небольшой высоте от материка и составляли самый нижний слой, датируемый IX-XI вв. Также были найдены в этом слое и кирпичи квадратной формы: 23,5x24,0x5,5 см, 25x25,5x3 см, 26,5x26,5x4 см, 24x23x4 см, очень интересен фрагмент кирпича размером 23,5x15,5x4 см широко использовавшиеся в строительстве Самарканда в XI в.

В первом колодце обнаружена большая керамическая коллекция из фрагментов глазурованной и неглазурованной посуды, относящейся к IX-XII, XIV-XV, XVI-XVII, а также XVIII-XX вв. Керамика и другие материалы обнаруженные в колодце № 1 перемешаны, но они имеют определенное научное значение при тщательной классификации.

Подобная стратиграфия наблюдалась и при рытье второго колодца. Толщина культурного слоя здесь составляла 8 м, остальные 4 м глубины в колодце занимает плотный очень влажный лесс желтого цвета, в котором только в верхней части был обнаружен обломок жженого кирпича прямоугольной формы датируемый X в. Подобные жженые кирпичи во множестве были найдены на глубине 10 м в яме № 1. Это свидетельствует о том, что материк на удалении 2,5 м от первого колодца до второго повышается на 2 м, т.е. рельеф древнего горизонта в IX-X вв. имел подъем в сторону севера

и здесь на высоте было сооружено какое-то монументальное здание из жженого кирпича прямоугольных форм. Это здание, возможно, было мечетью или медресе, функционировавшем в X-XII вв.

Третья яма-колодец была вырыта между предшествующими двумя колодцами. Глубина 12 м, культурный слой заканчивается на отметке 8 м, ниже расположен материк того же характера, что и в предыдущих колодцах, т.е. лесс светло-желтого цвета.

Культурный слой с первого яруса очень перемешанный, сильно утрамбованный, темно-светлого цвета, земля с полным насыщенным разнообразным археологическим материалом, среди которых преобладает в основном керамика, в верхних слоях поливная, в нижних уровнях количество которой уменьшается, а неглазурованной увеличивается. Над материком снова встретились жженные

кирпичи прямоугольной формы.

Таким образом, стратиграфия данного колодца по насыщенности археологического материала значительно уступает предшествующим, особенно колодцу № 1. На глубине 500 см в колодце была найдена монета по определению Атаходжаева А. медная (фулус), подражание фулусу Улугбека чеканенная в Бухаре в 832 г/х (1428-1429).

Колодец № 4 был вырыт севернее колодца № 2, культурный слой и здесь имеет толщину 8 м. Дальше в структуре грунта выявлен черный песок являющийся отложением проточной воды. Песок черный, Заравшанский. Значит рабочие попали во внутрь русла арыка сооруженного в эпоху развитого средневековья IX-XII вв., и функционировавшего в указанное время. Лессовый материк начинается на дне арыка на глубине 8,50 см. В песочном заполнении арыка встречается множество керамики во фрагментах. Керамика не глазурованная, что может подсказать более раннюю датировку арыка. Наиболее интересной находкой следует считать ручки кувшинов овальные в сечении. Интересна находка стеклянного сосуда фиолетового цвета, крупной кружковидной формы.

Находки I яруса представлены преимущественно материалами XX в., фрагментами мозаичных плит, кирпичи с темно-синей поливой. Второй ярус представлен грубыми толстостенными хумами с каплевидными венчиками. Третий ярус дал фрагменты жженных кирпичей размерами 22x21x4,5 см, а также квадратной каменной крышки стока от ташнау. Сохранилась почти половина крышки размерами 40x40 см, толщина 5 см, с отверстием в середине диаметром 2,5 см. Материалы 4 метра, это преимущественно фрагменты поливной и неполивной керамики. Полива белая и голубая.

Пятый метр дал 2 фрагмента венчика неполивной тагоры и другие поливные материалы, а также крупные кувшины с массивными ручками.

6-7 метровая глубина колодца представлена преимущественно неполивной посудой, также крупноформатной. Хорошо представлены корчаги большими фрагментами краев, один фрагмент керамической трубы-кубура.

В 5 колодце материковый светло-желтый, лесс лежит на глубине 8 м. Археологические наблюдения показывают, что культурный слой в этой яме несколько иного характера чем заполнение других

колодцев. Первый и второй ярус насыщены строительным боем, фрагментами майолик и мозаик. Это свидетельствует о том, что строительный мусор не был убран после последнего ремонта медресе Тиллякори. Материк здесь начинается с 9 метров, что свидетельствует о новом понижении рельефа в

древности.

III-VIII яруса очень насыщены археологическим материалом, что подтверждает интенсивность обживания части Регистана в X-XII, XIII-XIV, а также XV-XVII вв., уже отмеченные при изучении Регистана в прошлом. Этот колодец дал очень много керамики. В том числе из 8 яруса (8 м) археологически целых поливных чаш.

Колодец № 6 самый северный в этой западной части мечети-медресе Тиллякори. Восьмиметровая глубина культурного слоя в целом повторяет структуру, характерную для этой части старого города Самарканда, выявленную прежними археологическими работами и нашими наблюдениями за стратиграфией 6 предшествующих колодцев. Однако в колодце № 6 нижние отрезки культурного слоя относительно нарушены, наличием здесь черно-песочного речного заполнения. В этом заполнении попадают фрагменты керамических сосудов, остатки строительного материала связанное с обожженными кирпичами, прямоугольной формы, выявленных в самых нижних слоях колодца № 1, № 2, № 3. Общая глубина колодца 12 м, культурный слой доходит до 10 м и соотносится с уровнем материка в колодце № 1.

Культурный слой I яруса насыщен строительным боем, в котором встречается большое количество фрагментов поливной керамики. Орнамент преимущественно надглазурный, фон белый, расписан зеленой, черной и сине-фиолетовой краской. Во втором ярусе поливная керамика меняет свой цвет и орнаментацию. Роспись растительного и геометрического характера. Обычно глазурью и

орнаментом покрыта внутренняя часть сосуда.

Находки 3 яруса незначительны, отрезок культурного слоя везде выступает очень бедно, стратиграфически отражая упадок жизни города и исторически могут соответствовать XVIII в.

В материалах 4 яруса много поливной керамики, которая была представлена фрагментами открытых сосудов типа тагора, мисок, чаш, блюд, лаганов. Обладает преимуществом орнамент черного цвета. Найден фрагмент дна блюда из мрамора на кольцевом поддоне, камень светло-зеленого цвета.

В слое 5 яруса архитектурных остатков не обнаружено, поливная и неглазурованная керамика присутствует во фрагментах. Неполивные сосуды массивные, венчики крупные. Хумы с короткими шейками.

Грунт 6 яруса имел темно-серый цвет. Состоял из земли, строительного мусора с обломками бытовых предметов, среди которых преобладала перемешанная поливная и неполивная посуда во фрагментах.

Археологический материал 7 яруса богаче предыдущего и состоял, в основном, из керамики что свидетельствует о том, что в это время, в этой части Регистана, жизнь протекала интенсивнее чем в предшествующие и последующие эпохи. Увеличивается количество поливной посуды, много сосудов открытого типа. Они покрыты белой, светло-зеленой и зеленой поливой. Орнамент главным образом растительный и геометрический, стилизованный, порою небрежный. Интересен орнамент, похожий на медузу на днище блюда с кольцевым поддоном.

Находки 8 яруса незначительны по количеству и преимущественную часть составляет глазурованная посуда, также имеющая белую, синюю, зеленую поливу. Очень интересным представляется в орнаментальном плане фрагмент донной части, типа массивного блюда с глубоким кольцевым углублением на поддоне. Орнамент нанесен по белому фону, это двенадцатилепестковая розетка, пыльцевая часть которой выписана синим кругом, а лепестки окаймлены черной краской и залиты сине-зеленоватой глазурью. Пространство между лепестками соединено сверху волнистой толстой синей полосой. Сосуд имеет парадный характер и типичен для X в.

Неполивная керамика представлена фрагментом стенки хума с гофрированной поверхностью.

Глубина от 9 до начала 10 м занята в колодце большой ямой округло-овальной формы, врытой в лессовый материк. Среди находок, обнаруженных здесь выделяется обожженный кирпич размерами 20х20х3,5 см, 3 фрагмента бело-поливной керамики. Наиболее интересными находками следует признать 5 фрагментов стенок от пиалы изготовленных из фритты или фаянса и покрытых по внутренней и внешней поверхности синей и зеленой глазурью.

X ярус дал небольшой комплекс поливной и неглазурованной посуды. Поливная керамика чрезвычайно богато орнаментирована надглазурной росписью синевато-голубого и желтого цветов. Мотив растительный: лепестки, бутоны, стебли; геометрический: квадраты, ромбы, шахматные клетки, круг и т.д. Неполвиная посуда не выразительна.

Выводы по стратиграфии площади Регистан вытекающие из археологических наблюдений за ходом рытья колодцев для свайных подпорок можно свести к следующим:

1. Общая глубина культурного слоя Регистана у западного фасада мечети - медресе Тилля Кори равна 10 м;

2. Самый нижний горизонт относится к IX-XII вв., что свидетельствует о времени освоения людьми этой территории в эпоху саманидов;

3. В это время по площади Регистана проводится канал-арык, на берегу которого были построены здания из жженого кирпича прямоугольной формы.

4. Канал и строения пришли в упадок в эпоху монгольского нашествия. Материальная культура значительно беднеет и грубеет.

5. Новый подъем жизни Самарканда на Регистане приходится на вторую половину XIV в. и особенно - первую половину XV в., что подтверждает и наш археологический материал. Конечно это связано с исторической деятельностью Амира Тимура и Мирзо Улугбека, когда строится медресе Улугбека.

6. В XVI-XVIII вв. площадь Регистана, особенно после формирования архитектурного комплекса, становится местом оживленной торгово-ремесленной жизни города, затем с XVIII века на протяжении почти века наблюдается социально-экономический кризис и только с конца XVIII и начала XIX вв. можно на археологическом материале пронаблюдать за оживлением жизни на площади и территориях прилегающих к нему, в том числе и перед западным

фасадом мечети медресе Тилля Кори. Это оживление можно связать со строительством и восстановительной деятельностью эмира Бухары Шахмурада (1785-1800 гг.).

7. В XIX-XX вв. эта часть Регистана как и в прежние времена, превращается в закоулок города, которая закрывается с юга и востока гигантскими зданиями медресе Улугбека и Тилля Кори, представляя собой часть жилого гузара старгородской части Самарканда.

Наши материалы, обнаруженные при ведении археологических наблюдений за ходом закрепления фундаментов мечети Тилля-Кори не единственные из старгородской части Самарканда. Ещё в 1919-1920 гг. при реставрации всех трех медресе было заложено (16 шурфов) глубина некоторых доходила до 11 м, и самый нижний слой датировался IX-XII вв. В 1947 году А.И. Тереножкин заложил у медресе Улугбека четыре стратиграфических шурфа, которые выявили 9 культурных слоев VIII- XIX вв. В 1956 году археологи В.А.Булатова и С.Н.Юренев работали в южной части медресе Улугбека. Но самые крупные археологические изыскания путем наблюдений проводились в 1969-1971 гг., когда закладывался котлован под строительство многоэтажного здания для музея истории культуры имени А.Икрамова. Археологический отряд, руководимый археологом Ю.Ф.Буряковым проводил и другие наблюдения в ходе реконструкции окружающей площади территории Регистан.

Работы в старгородской части Самарканда в археологическом плане проводились и позднее, вплоть до наших дней и они подтверждают и определяют стратиграфию культурных слоев Регистанской территории I-II вв. до н.э. - XX в. н.э.

Работа по наблюдению за ходом консервации мечети-медресе Тилля-Кори в конце 2003 года дополнила и уточнила эту стратиграфию и значительно обобщила археологическую базу исторических источников в исследовании процесса обживания старгородской части Самарканда, выявились слои IX-XX вв. на протяжении 10 м культурных горизонтов.

Литература:

1. Массон М.Е. Падающий минарет. Ташкент, 1968.
2. Бурякова Э.Ю., Буряков Ю.Ф. Новые археологические материалы к стратиграфии средневекового Самарканда (по раскопкам площади Регистан в 1968-1971 гг.) Афрасиаб. Вып. 11. Ташкент, 1973. С. 175.
3. В.А.Булатова. Медресе Улугбека в Самарканде (стратиграфия культурных наслоений у южного фасада) // ОНУ, № 3, 1969.

О.А. Папахристу, К. Хеншоу, Ш. Насриддинов
(Афины, Лондон, Самарканд)

ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА XI-XII ВВ. ИЗ РАСКОПА IX ГОРОДИЩА ЭСКИ АХСИ

Прирезка в юго-восточной части объекта 9 размерами 3x1,5 м, была сделана с целью получения комплекса для исследования керамического производства средневекового города. Снято три верхних слоя, из которых получены предлагаемые комплексы керамики. Керамика, со всех трех слоев, включает глазурованную и неглазурованную посуду. Интересным оказалась глазурованная керамика.

Керамический комплекс 1.

Глазурованная керамика, собранная из данного комплекса, представлена фрагментами полусферических чаш, в одном случае кувшина и чирагами.

Чаши по декоративному оформлению делятся на:

1) сосуды, в орнаментике которых использован мотив букета. Наблюдаются тройные и двойные букеты. А.А. Анарбаевым и С.Р. Ильясовой был проделан анализ орнамента с использованием тройного букета из материалов городища Эски Ахси (Ахсикет). Исследователи выделили три различных варианта. Первый вариант, - когда “букеты” с миндалевидными бутонами не имеют стеблей, что, по их мнению, возможно, восходит к более ранним образцам X в. Второй вариант, - “букеты”, вырастающие из центра сосуда, предельно стилизованы и имеют вид вытянутых треугольников, утративших всяческие завитки и бутоны. Третий вариант, - “букет” выполненный в весьма изощренной манере. В верхней части по три бутона с глубокими процарапанными завитками, они между собою как бы переплетены. Мотив дополнен полупальметтами, в виде пальмового листа и “букет” получился как бы “лохматым”. Все варианты датированы авторами XI в. (Анарбаев, Ильясова, 2000: 214. Рис. 2). Изображение тройного “букета” на фрагменте полусферической чаши из керамического комплекса 1 plain мы можем отнести ко второму упрощенному варианту.

2) чаши, дно которых украшено вихревыми розетками. Согласно классификации данного мотива в керамике Ахсикета, во второй половине XI в. происходит процесс усложнения орнамента и вихревая розетка приобретает вид скорее цветка с плотно сомкнутыми лепестками, оконечность которых слегка загибается влево. Многолучевые розетки полихромны - контур лучей-лепестков обведен черной или темно-коричневой краской, сами же лепестки либо охристо-красного, либо оливкового цвета, при этом белой краской показана как бы ось каждого лепестка, или концы лепестков помечены белой крапиной (Анарбаев, Ильясова, 2000: 215). Фрагменты чаш, орнаментированные вихревой розеткой из слоя 1 раскопа 9 относятся к данной категории. Следует дополнить, что по наблюдениям А.А. Анарбаева и С.Р. Ильясовой, полный орнамент данного типа включает концентрическую полосу псевдоэпиграфического орнамента, отделенного от розетки свободным полем или кольцом красного цвета с белыми крапинами (2000: 215).

3) сосуды с центральной композицией в виде шестилучевой звезды в круге, образованной пересечением двух треугольников с вогнутыми сторонами, между лучами которой расположены контурные треугольники красного и зеленого цветов. В каждом из лучей также заключены треугольники. В центр звезды вписан неправильной формы шестигранник с овалом внутри - XII в. (Ильясова, 1986: 151. Рис. 5). Шестиконечная звезда, между лучами которой заключены крапины в кольце точек, имеется на сосуде X-XI вв. из Замахшара, по борту которого проходит стилизованная куфическая надпись. Орнамент выполнен красной, коричневой, зеленой и белой красками (Вактурская, 1958: 286). Мотив шестилучевой звезды широко использовался в росписи посуды в Согде (Ташходжаев, 1967: 60), Чаче (Тереножкин, 1948: 108), Фергане (Ахраров, 1966: 8; Ильясова, 1986: 151);

4) чаши с секторной композицией. Из центра отходят в радиальном направлении толстые черные линии, делящие чашу на 6 секторов, каждый из которых расширяется к бортику. По белому фону чередуются сектор красного цвета с процарапанным до ангоба орнаментом с сектором, заполненным пятилепестковой черной пальметтой. Узоры, ритмично повторяясь, заполняют внутреннюю поверхность чаши. В Бинкете данный тип декора появляется во второй половине IX в. и продолжает бытовать до конца X в.

(Брусенко, 1976: 92);

5) сосуды с эпиграфическим орнаментом. По наблюдениям Л.Г.Брусенко в Чаче в керамике второй половины X - начала XI в. в украшении сосудов употребляется надпись «ал-йумн» (благополучие) в различных вариантах (Брусенко, 1976: 102-103. Рис. 35). Все эти варианты присутствуют в комплексе 1 раскопа 9. Перечислим их: а) - в виде широкой полосы по краю блюда повторяются буквы алиф, лям и нун, причем окончание нун поднимается вертикально вверх до уровня алифа и ляма. Надпись повторяется много раз без просвета между словами; б) - надпись из набора алиф, лям, нун, выполненных в стиле варианта а, однако буквы даны широкими отрезками по краю бортика в сочетании с цветочными букетами из крупных бутонов с процарапанным до ангоба орнаментом. Аналогичные надписи часто встречаются на керамике XI в. в Фергане (Бернштам, табл. XXXV); в) - белая надпись “ал-йумн” по цветной полосе, расположенная широким бордюром по краю лягана. Стволы букв широкие и прямые, надпись написана полностью, окончание буквы нун поднимается до уровня алифа и ляма. Вариант «г», «д» и «ж» не присутствуют. Отмечается лишь наличие исчезновения смысловой надписи, прослеженное в орнаментике сосудов Средней Азии с XI в. В XII в. надпись “ал-йумн” трансформируется в предельно стилизованные ряды квадратиков с удлиненными боковыми сторонами, отдаленно напоминающими повторяющуюся надпись “аль-йумн” (Брусенко, 1976: 102-104);

б) чаши, украшенные орнаментом в виде “пальмового” листа, который выполнен оливковым цветом. В керамике Бинкета и Самарканда он появляется в начале XI в. (Шишкина 1979: 59). На раскопе 9 в Ахсикете его появление было зафиксировано в слоях четвертого керамического комплекса, датированного началом XII в. (Папахристу 1985: 117-118).

7) сосуды с процарапанным рисунком под глазурью светло-салатового цвета. Аналогичная керамика в Бинкете датируется XII в. (Брусенко 1976: 108).

8) полусферические чаши с задымленной поташной глазурью бирюзового цвета.

Глазурованные кувшины. В одном экземпляре присутствует глазурованный кувшинчик с широким устьем и петлевидной ручкой. Сосуд орнаментирован по белому полю орнаментом темно-

коричневой краской. По декору его можно отнести к керамике X-XI вв.

Чираги двух типов: 1) с округлым резервуаром, длинным носиком и петлевидной ручкой, с росписью в виде стилизованной надписи, выполненной черно-коричневой краской; 2) фрагмент листовидного навершия, возможно, от чирага с граненым туловом - XI - начало XIII вв. В Бинкете чираги второго типа характерны для XII - начала XIII вв. (Брусенко, 1976: 98).

Керамический комплекс 1 из прирезки в раскопе 9 может быть датирован по совокупности признаков по декору глазурованной керамики Средней Азии, а также с учетом стратиграфии залегания слоев, концом XI - началом XII вв.

Керамический комплекс 2.

Глазурованная керамика. Получена великолепная и разнообразная коллекция поливной посуды включающая полусферические и конические чаши, блюда, кувшины и чираги.

Сосуды открытых форм по декоративному оформлению подразделяются на:

1) сосуды, украшенные широкими бордюрами из нескольких рядов сложных плетенок оливкового цвета, с присутствием мотива меандра. Имеются секторные композиции из плетенок черного или темно-коричневого цвета и центральные композиции из плетенок многолучевой звезды, оливковым цветом. Цветовая гамма и мотивы, характерны для поливной посуды XI-XII вв. (Папахристу, 1985; Ильясова 1986: 146-153);

2) чаши, в композициях которых присутствует глазчатый орнамент: 1) вдоль венчика в виде контуров красной краски с темным пятном или светлым в центре, узор выполнен на белом фоне под прозрачной глазурью; 2) центральные композиции из глазчатого орнамента различными вариантами красок. Глазчатый орнамент на керамике Бинкета получил широкое распространение во второй половине IX - X вв. По черепку белым ангобом наносили ряды крапин с черной точкой и покрывали цветными прозрачными глазурями, усиливая цветовой эффект орнамента и фона (Брусенко, 1976: 92). Дальнейшим развитием "глазчатого" орнамента явились розетки в центре донца чаш, состоящие из расположенных по кругу глазков, обычно оливкового цвета с черной точкой внутри. Розетка обрамлялась линией с перлами или меандрами. Отдельный глазок

“сог” располагался у края венчика и часто служил единственным украшением чаши;

3) - секторные композиции на белом фоне, когда поле чаши разделено на 8 секторов. В центре композиции вихревая розетка;

4) - мотив вихревой розетки. Как уже отмечалось, мотив вихревой розетки в керамике Средней Азии появляется предположительно в конце X в. и развивается от простого вертуна в обрамлении кольца и прерывистой линии к розетке, окруженной бордюром из миндалевидных завитков и листьев. В комплексе 2 раскопа 9 можно видеть множество вариаций розетки поздних типов от изображения одного вертуна в центре белого поля, иногда замененного спиралью. До вертуна в обрамлении миндалевидных завитков или простого цветка на дне в обрамлении лент с псевдоэпиграфикой. По совокупности компоновки мотивов, цветовой гамме (использованы черный, коричневый, красный, оливковый, болотный цвета на белом фоне) фрагменты можно датировать XI - началом XII вв. В одном случае присутствует глазурь невысокого качества с зеленоватым оттенком, когда местами отмечены растеки пятен. Вместе с тем, мы не наблюдаем роспись контрастными пятнами, характерного признака керамики XII - начала XIII вв. Фрагмент может быть ранним, предположительно X-XI вв.;

5) чаши, орнаментированные цветочными букетами - отсутствуют;

6) сосуды, в орнаментике которых использован мотив граната - отсутствуют;

7) чаши с зооморфными сюжетами. В центре полусферической чаши на белом фоне изображение голубя. Рисунок контурный, черной краской. Тело птицы закрашено светло-коричневым цветом, крылья - красно-коричневой. Центральное изображение обрамлено контурными геометрическими фигурами, делящими чашу на сектора. Пространство этих фигур, заполнено черными и оливковыми точками. Изображение птиц уже неоднократно было встречено на Ахсикете. Сосуды с этим мотивом датируются, как правило, XI-XII вв. Так, на раскопе 4 на городище Эски Ахси найден фрагмент лягана с изображением попугая (Анарбаев, 1999: 258. Рис. 6.1). Фрагменты с изображением птиц были зафиксированы в раскопе 9 во второй (вт. пол. X-нач.XI вв.) и третьей (XI в.) группах 3 керамического комплекса (Папахристу, 1985: 111, 115). В рассмат-

риваемом комплексе присутствует изображение павлина на дне полусферического сосуда крупного размера. Виден только веером раскрытый хвост, переданный красками оливкового, красного, коричневого и черного цветов. Очень интересно изображение какого-то фантастического животного. Это нога копытного, скорее всего, лошади с хвостом обезьяны. Изображение выполнено на белом фоне, нога закрашена в красно-коричневый цвет, широкий спиралевидный хвост передан черным;

8) антропоморфные изображения. В комплексе присутствует фрагмент с изображением мужчины. Сохранился полуовал лица, правый глаз, часть носа, контурно переданный рот и усики. Антропоморфные изображения в росписях на керамике Средней Азии встречается нечасто. Г.В.Шишкина полагает, что, возможно, под воздействием еще не забытых сюжетов местной настенной живописи и импортной люстровой посуды появилась сцена с сидящим мужчиной, заполнявшая всю центральную часть большой чаши из Дабусии. Фантастическое существо с женским торсом (Шишкина, 1979. Табл. LXXV, 2), выполненное в красно-коричневых тонах, украшало чашу Афрасиаба. Быть может, такое же существо было изображено на чаше XI в. среди сложных сплетений, переданных “резервом” лент на точечном фоне (Шишкина, 1979. Табл. LXXV, 3) (Пугаченкова, Ремпель 1960. Рис. 118; Шишкина, 1979: с. 60). Изредка антропоморфный мотив появляется в росписи лессово-глиняной керамики XII в. (Шишкина, 1979: LXXV, 1, 60). По стилю, встреченное в комплексе 2 изображение не характерно для изображений на глазурованной керамике Средней Азии. Оно чересчур реалистично и более близко по стилю к антропоморфному изображению на чаше 1 с люстровой росписью из Кзыл-калы в Хорезме из помещения XII - начала XIII вв. На чаше изображена всадница на коне, идущем влево (Ходжаниязов, Кдырниязов 1990: 95). Нам представляется, что сосуд, скорее всего, являлся импортным и не имеет среднеазиатского происхождения;

9) глазурованная керамика с эпиграфическим и псевдоэпиграфическим орнаментом. В комплексе присутствуют фрагменты нескольких типов эпиграфической орнаментации: куфическая, курсивная, цветущее куфи и стилизованные надписи, характеристику которым мы давали при описании комплексов 2 и 3 из стратиграфического раскопа 23. В рассматриваемом комплексе следует отме-

тить появление псевдонадписей с предельной стилизацией, которая появилась на керамике Средней Азии еще в X в., а в XI в. она выглядит как чередование S-образных фигур и двойной вертикальной черты (Шишкина, 1979: с. 55; Анарбаев, Ильясова, 2000: с. 216). Мотив, располагается по устью и бортам сосудов открытого типа, обрамляя различные, центральные элементы (Папахристу, Баратова 1990: 169).

Глазурованные кувшины средних размеров с широким устьем и яйцевидным туловом, на плоском слегка выступающем поддоне. Их покрывали глазурью черно-серого цвета с внутренней стороны по всей площади изделия, а с внешней, иногда включая дно, но чаще дно не затронуто. Нам представляется, что данного типа изготавливали в подражание металлу.

Чираги, представлены двумя типами: 1) с резервуаром усеченно-конической формы, расширяющимся книзу, вытянутым носиком и петлевидной ручкой. Роспись темно-коричневой краской по белому фону под бесцветной блестящей глазурью, мотив орнаментации - псевдоэпиграфический, по бокам резервуара, заключенная в трапециевидную рамку, поперечные полосы на верхней части носика, две горизонтальные - на петлевидной ручке. Тип V.2 по классификации С.Р.Ильясовой, на Ахсикете чираги данного типа встречаются в слоях XI-XII вв. (1990: с.172, с.176); 2) с цилиндрическим или усеченно-коническим, расширяющимся кверху резервуаром, длинным носиком и ручкой, украшенной выступом-пятой со штампованным изображением. Глазурь зеленого цвета, резервуар гладкий. Тип VI.1 по классификации С.Р.Ильясовой, датировка XI в. (1990: с.172, с.176).

По анализу глазурованной керамики с учетом стратиграфии залегания слоев керамический комплекс 2 можно датировать XI в.

В заключении, необходимо подчеркнуть, что вся рассмотренная посуда могла быть изготовлена на Ахсикете. Прежде, в раскопе 9 были обнаружены фрагменты сипая, указывающие на местное производство посуды. В западном рабаде, обнаружена керамическая печь с деформированными сосудами, которые в ней обжигали. В текущем полевом сезоне в слое 14 раскопа 23 найден штырь керамической печи с потеками зеленой глазури. Исключение могут составлять фрагменты с антропоморфным изображением и с изображением фантастического животного с ногой лошади и хвостом

ОБЕЗЬЯНЫ.

Литература:

1. Анарбаев А.А. Исследования средневековой Ферганы (по материалам Ахсикета) // Культура и искусство Киргизии. Вып. 2. Л., 1983.
2. Анарбаев А.А. Изучение одного из ремесленных кварталов средневекового Ахсикента // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999.
3. Анарбаев А.А., Иневаткина О.Н. Стратиграфическое изучение Шахристана I городища Эски Ахси // ИМКУ. Вып. 24. Ташкент, 1990.
4. Анарбаев А.А., Ильясова С.Р. Глазурованная керамика Ферганы XI в. // ИМКУ. Вып. 31. Самарканд, 2000.
5. Ахраров И. Керамика Ферганы IX-XII вв. // Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1966.
6. Байпаков К., Ерзакович Л. Древние города Казахстана. Алма-Ата, 1971.
7. Бернштам А.Н. Чуйская долина. МИА, № 14. 1950.
8. Большаков О.Г. Арабские надписи на поливной керамике // ЭВ. Вып. XVI. 1963.
9. Брусенко Л.Г. Художественная керамика Бинкета // Древний Ташкент. Ташкент, 1973.
10. Брусенко Л.Г. Продукция гончарного ремесла Бинкета // Древности Ташкента. Ташкент, 1976.
11. Брыкина Г.В. Карабулак. М., 1974.
12. Ильясова С.Р. Глазурованная керамика из верхних слоев городища Эски Ахси // ИМКУ. Вып. 20. Ташкент, 1986.
13. Ильясова С.Р. Ахсикетские чираги // ИМКУ. Вып. 24. Ташкент, 1990.
14. Ильясова С.Р. Мотив букета на неглазурованной керамике IX-XII вв. // Средняя Азия, археология, история, культура // Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В.Шишкиной. М., 2000.
15. Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.
16. Папахристу О.А., Баратова Л.С. Керамика из стратиграфического раскопа № 9 городища Эски Ахси (Ахсикет) // ИМКУ. Вып. 24. Ташкент, 1990.
17. Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960.
18. Сайко Э.В. Среднеазиатская глазуванная керамика XII-XV вв. Душанбе, 1969.
19. Ташходжаев Ш.С. Художественная поливная керамика Самарканда IX - начала XIII вв. Ташкент, 1967.
20. Тереножкин А.И. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.) // Труды института истории и археологии. Т. 1. Ташкент, 1948.
21. Ходжаниязов Г., Кдырниязов М.Ш. Коллекция поливной посуды из Кзылкалы // Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990.
22. Якобсон А.Л. Художественная керамика Байлакана (Оренкала) // МИА, № 67. М.-Л., 1959.

Ш.Р. Пидаев, Като Кюдзо
(Ташкент, Токио)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА КАРАТЕПА В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ

Узбекистано-Японская экспедиция в 2003 году продолжила археологические исследования на одном из уникальнейших памятников буддийской культуры древней Средней Азии - на Каратепа в Старом Термезе. Цель исследований - дальнейшее выявление планировочной структуры монументального наземного монастырского комплекса на северном холме Каратепа и пещерного-наземного храмового комплекса на западном холме.

При раскопках на большом монастырском комплексе северного холма изучалась планировка храмового двора, обходного коридора и келий, расположенных к востоку от восточного обходного коридора.

В ходе работ вдоль северной и западной сторон храмового двора на расстоянии 2 м установлены размер двора на данном участке. Длина северного фаса 19,67 м, западного - 18,74 м. Вдоль вскрытых стен двора проходит суфа, сложенная из сырцового квадратного кирпича размером 40x40x11-12 см. Ширина её 74-84 см, высота - 37 см. В северной стене двора устроены три прохода, соединяющие двор с северным обходным коридором. В настоящее время зачищены два прохода. Третий, в восточной половине стены, еще не зачищен. Толщина северной стены - 1,60 м. Она сложена из сырцового квадратного кирпича размером 36x36x12 см; 37x37x12 см. На западной стене двора два прохода шириной 1,80 м и 1,81 м, которые соединяют двор с западным обходным коридором. Углы прохода, как со стороны двора, так и прохода оформлены рельефной пилястрой шириной 68 см. Основание пилястры и прохода лежит на уровне верхней поверхности суфы. Сохранились пилястры на высоте около 50 см. Западная стена двора также возведена из сырцового квадратного кирпича размером 36x32x12 см; 37x37x12 см. На раскопанной площади западного участка двора обнаружены восемь больших баз аттического ордера (Рис.1). Шесть из них археологически целые. Они лежат на разной высоте от уровня пола двора, но не выше 1 м. Стороны плинта 60-61x60-61 см и общая

высота 32 см. Обработаны базы очень тщательно, отличаются единой профилировкой, по всей вероятности, они были изготовлены одним мастером-камнетесом. С южной стороны храмовый двор еще не раскопан, с восточной расчищена только северная часть на длину 6,5 м. Вдоль стены расчищена суфа шириной 76 см.

На восточном участке северного коридора установлена общая его длина - 29,72 м, ширина в восточной половине - 3,37 м, в западной - 3,42 м. Полностью раскопан западный коридор. Длина его - 28,12 м, ширина - 3,37 м. Стена поверх гладкой саманно-глиняной обмазки побелена. В южной половине коридора стена сохранилась на высоту более 3,65 м, наличие на высоте 2,97 м карниза подтверждает, что стена западного коридора на всю длину была оформлена карнизом. Выше карниза стена продолжается вертикально вверх и переход к сводчатому перекрытию не зафиксирован. Это указывает на то, что стены коридора двухъярусные. На восточной стене западного коридора два прохода, выходящие в храмовый двор, еще полностью не зачищенные. На южном углу восточной стены коридора на высоте 1,40 м зачищено основание светового отверстия. Ширина его 80 см. Отверстие постепенно сужается вверх и углубляется в толщу восточной стены. Стены его гладко оштукатурены ганчем. В южной части коридора, вдоль западной стены расчищены два хозяйственных очага с жаровнями, рядом скопление золы, а стены вокруг него сильно закопчены и обожжены.

В настоящее время до уровня пола полностью вскрыта западная половина южного коридора на длину 15 м. Ширина его - 3,37 м. Южная стена коридора сохранилась на высоту 4,35 м. Стены двухъярусные поверх гладкой саманно-глиняной обмазки толщиной 1,5-2 см побелены. Местами сохранилась тонкая ганчевая шту-

Рис. 1.

катурка. Стены разделены карнизом, проходящим на высоте 2,60 м от уровня пола. Карниз сложнопрофилированный, изготовлен из хорошо отмученной глины и оштукатурен ганчем. Перекрытие коридора сводчатое. Его конструкция довольно четко читается в завале коридора. Он “сполз” со стены вовнутрь коридора. Местами он лежит на высоте 30-40 см от уровня пола, а местами на высоте около 1,50 м. Свод сложен трапециевидным кирпичом размером 45-48x26-30x9-10 см. В качестве замка между кирпичами использованы обломки жженных кирпичей-плиток и фрагменты крупных хумов. Учитывая, что на высоте еще 4,35 м переход от стены к своду не был отмечен, можно предположить, что он начинался на высоте около 5 м от уровня пола. При этом высота самого свода была примерно 1,5-2 м. Следовательно, общая высота коридора была не менее 6 м. На южной стене южного коридора, на расстоянии 2,93 м от юго-западного угла находился проход шириной 1,05 м, высотой - 2,60 м. На расстоянии 4,57 от него расположен второй проход шириной также 1,05 м. Эти проходы соединяли южный обходной коридор с помещениями, расположенными к югу от него. Вполне возможно, что именно здесь находилось главное святилище данного монастыря.

На северной стене южного коридора на расстоянии 1 м от западного угла зачищено световое отверстие. Основание его лежит на высоте 1,20 м от уровня пола. Ширина его у основания 80 см. В центральной части северной стены южного коридора зачищены контуры прохода шириной 1,94 м. Этот проход соединял южный обходной коридор с храмовым двором.

Начато изучение построек, расположенных в восточной части монастыря. В настоящее время здесь вскрыта до уровня пола северная половина восточного обходного коридора в длину 19 м. Стены коридора сохранились на высоту более 3 м. Толщина западной стены 1,56 м. Стена была аккуратно обмазана саманной глиной и побелена. Ширина коридора - 3,40 м. На западной стене коридора на расстоянии 2,41 м от северного угла находилось световое отверстие. Основание его лежит на высоте 1,35 м от уровня пола. Ширина отверстия у основания 84 см. Конструкция его аналогична другим раскопанным здесь световым отверстиям. На расстоянии 6,43 м от северного угла на западной стене коридора зачищены контуры прохода шириной 1,96 м. Контуры второго прохода

зафиксированы на расстоянии 4,92 м от первого. Ширина второго прохода - 1,85 м. Эти проходы связывали восточный обходной коридор с храмовым двором. Под полом коридора сохранились остатки стены от построек более ранних сооружений, расположенных здесь. Она вытянута по линии С-Ю. На восточной стене восточного обходного коридора устроен ряд проходов, связывающих данный коридор с помещениями-кельями, расположенными к востоку от него. В настоящее время здесь вскрыто полностью до уровня пола пять помещений (№17, №19, №20, №22, №23). Все они в плане прямоугольные и вытянуты с востока на запад. Среди этих помещений наименьшим по площади является угловое помещение №17. Его длина 3 м, ширина 2,64 м. Длина самого большого помещения (№20) - 3,36 м, ширина - 2,77 м. Следовательно, полезная площадь их колеблется от 7,5 до 9 м². Разница незначительная. Сохранились эти помещения довольно хорошо, особенно помещение №23, расположенное в южной половине комплекса. Стены его сохранились на высоту 4,12 м, сложены из сырцового квадратного кирпича размером 35х35х12 см; 36х36х12 см. Интерьер этих помещений очень прост. Они обмазаны саманной глиной и побелены. Обмазка выполнена весьма гладко. Нередко поверх глиняной обмазки прослеживается тонкая ганчевая штукатурка. Изредка нижняя часть поверхности стены окрашивалась красной охрой. В частности, нижняя часть стены помещения №23 на высоту до 1 м была окрашена красной охрой. В стенах помещений устроены по две или три небольших ниш, предназначенных, судя по всему, для светильников. Проходы помещений, как правило, расположены в северной половине западной стены и выходят на восточный обходной коридор. Потолок проходов сводчатый. На южном углу западной стены помещений находились прямоугольные сквозные отверстия высотой 75-80 см, выходящие также на восточный обходной коридор. Потолок их стрельчатообразный. По всей вероятности, они устроены для циркуляции воздуха. Все помещения имели купольное перекрытие. В помещениях №17, №19, №20 сохранилось основание купола, а в помещениях №22 и №23 купол сохранился на высоту 60-80 см. Основание купола на углах помещений опирается на тропы. На длинных сторонах стен помещений основание купола постепенно отступает от края в толщу стены и в центре оно углубляется в нее на 15-20 см. На коротких стенах оно проходит почти на одной линии со

стеной и таким образом древние зодчие получали слегка вытянутое круглое основание купола. Переход от стены к куполу как обычно оформлялся сложнопрофилированным глиняным карнизом (Рис.2). Карниз, как правило, проходил на высоте 3,40-3,45 м от уровня нижнего пола помещений. С учетом этих данных аналогичные помещения, раскопанные на восточной половине к северу от северного обходного коридора, имели, скорее всего, не сводчатые, как предполагалось ранее, а купольное перекрытие (Ш.Р.Пидаев, Като Кюдзо, 2003, с.130). Небольшие размеры, простота интерьера позволяют считать, что все эти помещения являлись кельями для монахов.

Вскоре после заупустения монастыря они были использованы под захоронения. Как правило, анатомическое положение скелетов, лежащих ближе к входу, не нарушено, а кости скелетов, лежащих в глубине разбросаны. После захоронения проходы были аккуратно заложены сырцовым кирпичом до уровня свода. В одних случаях для этого использовался квадратный кирпич, в других – прямоугольный. Учитывая, что прямоугольный кирпич заменил квадратный, можно полагать, что там, где для закладки проходов использован квадратный кирпич, захоронения совершены несколько ранее, чем там, где использован прямоугольный формат кирпичей. Нередко отдельных погребенных сопровождал богатый инвентарь. В частности, ожерелье из полудрагоценных камней и пастового стекла, амулеты, бронзовые колечки, браслеты, зеркала и монеты. Последние представлены медными чеканами термезских правителей, серебряными подражаниями монетам сасанидского царя Пероза и двумя монетами ранее неизвестного чекана. Как правило, серебряные монеты были положены в рот покойника, а медные на ладонь правой руки.

Раскопки восточнее помещений-келий и со стороны большой ступы (длина более 20 м и ширина 3,15 м) выявили длинный коридор, вытянутый с севера на юг. В северной части находились небольшие прямоугольные помещения, вытянутые с востока на запад, с проходами в центре северной стены. Далее шел коридор, восточная стена которого еще не обнаружена. Западная стена сохранилась на высоту 3,85 м. Верхняя ее половина значительно разрушена, а нижняя сохранилась очень хорошо. Здесь она на всю длину гладко оштукатурена поверх саманно-глиняной обмазки.

Рис. 2.

Уровень пола выложен сырцовым квадратным кирпичом размером 30x30x12 см. На западной стене, напротив помещения №19 расчищена прямоугольная ниша со сводчатым потолком. Ширина её 1,28 м, высота - 80 см, глубина - 68 см. Основание лежит на высоте 1,62 м от уровня пола коридора. По всей вероятности, такие ниши были устроены и в других местах западной стены коридора, которые на втором этапе существования монастыря были заложены, на что указывают следы дополнительной обмазки, фиксируемые на других участках стены. Судя по всему, эти ниши предназначались для установки сидящих скульптур. Несмотря на то, что восточная стена еще не обнаружена, но с большой долей уверенности можно сказать, что это длинное помещение являлось наружным обходным коридором монастыря. Вполне возможно, что вход в монастырь осуществлялся через этот обходной коридор, а главные ворота находились со стороны большой ступы и те два помещения, раскопанные в его северной части, служили своего рода вестибюлем. В коридоре, на уровне пола во многих местах зафиксированы зольные слои. В северной половине, под полом зачищены остатки двух параллельных стен, вытянутых с востока на запад. Кирпичные стены этого сооружения стоят на слое из песка и мелких обломков белого известняка. Находки этих стен и аналогичные в других частях под

полом изучаемого комплекса указывают на существование здесь сооружений монументального характера, которые были сnivelированы во время строительства нового монастырского комплекса.

В 2003 г. полностью раскопано помещение №11, расположенное к югу от южного обходного двора-коридора большой ступы. Проход его обращен во двор ступы. В центре обнаружена ступа, от которой сохранилась двухступенчатая платформа подквадратной формы стороной 2,70x2,60 м, возведенная из сырцового квадратного кирпича размером 32x32x12 см. Основание платформы по всему периметру оформлено сложнопрофилированным глиняным плинтусом шириной 11,7 см при высоте 9,7 см. Первоначально плинтус платформы был окрашен красной охрой, а во второй период существования черной краской. На третьем этапе он был просто обмазан ганчевой штукатуркой. Высота нижней платформы – 97 см. Вторая ступенька платформы также подквадратной формы стороной 1,86x1,76 м. Поверхность нижней ступеньки по всему периметру украшена глиняными рельефными многолепестковыми рядами распустившегося цветка лотоса (Рис.3). Лепестки цветка первоначально были окрашены в розовый цвет, а во второй период они были просто побелены. Центральная часть лепестков и верхние ряды цветка изображены на несколько выпуклой поверхности, что придавало изображению определенную природную естественность. Края нижних рядов лепестков слегка согнуты вниз, что обычно бывает у распустившихся цветков и в этом проявилось высокое профессиональное мастерство художника. Верхние ряды лепестков уходят под основание верхней ступеньки платформы. Вероятно, первоначально ступа имела одноступенчатую платформу и цилиндрический барабан ее стоял непосредственно на ней. Круглое основание барабана ступы стояло на сердцевине лепестка лотоса, что характерно для Каратепа. Ранее основание цилиндрического барабана ступы, украшенное рельефными лепестками лотоса, обнаружено во дворе пещерно-наземного комплекса *B* на южном холме Каратепа (Ставиский, Мазурина, 1996, с. 43, рис.7). Но в отличие от нашего, ступа из комплекса *B* не имела платформы, что было характерно для ранних ступ.

Фасад нижней ступеньки платформы ступы помещения №11 с четырех сторон оформлен пятью рамками со стреловидной и трапециевидной аркой, опирающейся на глиняные рельефные прямо-

угольные пилястры с коринфским капителем и аттической базой (Рис. 4). Арки выполнены также из глины, окрашены охрой красно-бордового оттенка и имеют рельеф сложнопрофилированных очертаний. Центральная ниша с трапециевидной аркой, по обе стороны от нее ниши со стреловидной аркой, а по краям опять с трапециевидной. Как обычно, ниши с трапециевидной аркой дополнительно оформлены тисненым орнаментом в виде маленьких колечек. Внутренняя поверхность ниш расписана полихромной живописью. В центральной нише с трапециевидной аркой изображена прямостоящая фигура божества в красной одежде в фас, в полный рост с приподнятой правой рукой. По всей вероятности, это Будда в позе “дхьяна мудра”, о чем свидетельствует и наличие белого нимба вокруг его головы и всей фигуры. На нишах, расположенных справа и слева от центральной фигуры, с легким поворотом в сторону божества изображены, видимо, фигуры донаторов, преподносящих различные дары божеству. Каждая из этих фигур индивидуальна. У них разные цвета одежды и предметы, которые они как бы преподносят божеству. Одежда донаторов длинная, со складками ниже талии, чем, видимо, художник хотел показать, что они движутся в направлении к божеству. Между аркадами размещены рельефные

Рис. 3.

изображения птицы Гаруды с распахнутыми крыльями и когтями, опирающимися на арку (Рис. 5). Несмотря на то, что изображения выполнены в обобщенной манере, они весьма выразительны, оригинальны и в художественном плане совершенны. На поверхности ступы и рядом с ней найдены крупные фрагменты глиняных листьев аканта с очень тонкой пластичной обработкой, окрашенные в ярко-голубой и красный цвета. Вероятно, ими была оформлена верхняя часть купола ступы. Значимость этих открытий заключается в том, что это первый случай в буддийской архитектуре Бактрии кушанского времени, когда ступа, расположенная внутри помещения, имела такие большие размеры и так богато оформлена. Скорее всего, это связано с возрастанием роли культа ступы.

Небольшие зачистки были осуществлены в юго-западном углу двора - коридора большой ступы, где в предшествующие годы обнаружено много фрагментов глиняно-ганчевой скульптуры (Ш.Р. Пидаев, Като Кюдзо, 2003, с. 128-129). В результате обнаружены новые детали глиняно-ганчевой скульптуры, среди которых возможно есть и скульптура Будды, значительно превышающая натуральный рост человека и два весьма оригинальных скульптурных

Рис. 4.

изображения женской головы с очень красивыми чертами лица. Предварительно они могут быть интерпретированы как изображения донатриц.

При археологической работе, на северо-восточном склоне холма, выявлен северо-восточный угол двора коридора большой ступы второго периода. Она сложена из сырцового квадратного кирпича и поверх глиняно-саманной обмазки оштукатурена ганчем. К востоку от этой стены и к северу от малой ступы зачищено небольшое помещение, три стены которого, за исключением северной, были оштукатурены ганчем. Причем верхняя часть стены имеет фигурное очертание. Здесь найдены обгоревшие человеческие кости и зола. Ранее здесь был найден горшок с золой и обгоревшими костями человека. Скорее всего, это помещение служило местом хранения праха высокочтимых монахов. Характерны находки здесь двух круглых пластинок, одна в виде листа из золота, и фрагментов керамики с надписью.

Рис. 5.

Продолжалось изучение комплекса *A* западного холма Каратепе, в основном в наземной дворовой части северного фаса комплекса. Установлена общая длина южной стены двора - 8,30 м и оконтурена западная стена длиной 11,50 м. В центре западной стены расчищен проход шириной 2,84 м, который связывал данный двор с постройками, расположенными к западу от него. Справа от прохода находилась большая тагора, вкопанная в землю на уровне венчика. Северная стена двора не сохранилась.

Начато исследование нового наземно-пещерного комплекса к западу от комплекса *B*. Отдельные стены этого комплекса обнару-

жены еще экспедицией под общим руководством Б.Я.Ставиского в 1994 г. В настоящее время здесь вскрыт наземный двор до глубины на 1,5-2 м. Двор в плане подквадратной формы стороной 9,10x9,55 м. Стены сложены из сырцового квадратного кирпича размером 36x36x12 см, стены поверх глиняно-саманной обмазки побелены, а нижняя часть западной стены еще окрашена красной охрой. На западной стене двора околонуено четыре ниши различного размера. На южной стене зафиксирован проход в подземное помещение, шириной 90 см. Главный вход во двор находился в северо-восточном углу. Ширина его 95 см. Он был заложен сырцовым квадратным кирпичом размером 32x32x12 см. Судя по всему, двор использовался под захоронения, что подтверждается и остатками одного погребения в центральной части двора.

Среди археологических предметов, заслуживающих особого внимания, следует отметить находки левой половины капители пилястры из белого известняка с изображением львоподобного грифона, капители колонны, украшенной листьями аканта и волютой, миниатюрной объемной головы лошади с характерным реалистичным изображением и новых глиняно-ганчевых скульптур Будды и донатриц. Не меньший интерес вызывают находки различных керамических крышек, украшенных рельефными изображениями цветка лотоса, фрагменты керамики с древнеиндийской надписью кхорошты, брахми, монеты кушанских царей и правителей Тохаристана периода раннего средневековья, украшений в виде лягушек, сжатого кулака, геммы с изображением скорпиона и новые фрагменты керамики с рельефным изображением сцены пиршества с участием амуров.

В результате археологических исследований Узбекистано-Японской экспедиции на Каратапа в 2003 г. получены данные, существенно дополняющие представление об архитектурно-планировочной структуре изучаемого монастырского комплекса, расположенного на северном холме и его убранстве. Новые находки еще раз подчеркивают высокое профессиональное мастерство термезских архитекторов и строителей, которые очень удачно приспособили достижения бактрийского архитектурного искусства к идейным концепциям буддизма. Вместе с этим они смело применяли новые архитектурные решения, в частности перекрытие помещения куполом. Использованная купольная конструкция почти совер-

шенна. Найденные здесь предметы художественной культуры иллюстрируют изысканный вкус и высокий профессионализм его создателей. Скульпторы и художники были хорошо знакомы с достижениями гандхарского буддийского искусства и эллинистического мира. Новые находки выявляя ранее неизвестные стороны буддийской художественной культуры кушанской Бактрии, лишней раз подчеркивают ее многоликость и своеобразность.

Антропологический, нумизматический материал и археологические предметы, найденные при исследовании захоронений Каратепа, проясняют многие стороны политической, этнической истории материальной культуры, обрядов и верований раннесредневекового населения не только Термеза, но и всего Тохаристана.

Литература:

1. Ш.Р.Пидаев, Като К. Археологические исследования Узбекско-Японской экспедиции на Каратепа в Старом Термезе // Археологические исследования в Узбекистане-2002. Ташкент, 2003.
2. Ставиский Б.Я., Мазурина В.Н. Работы в комплексах В. Г и Д. // Буддийские комплексы Каратепа в Старом Термезе. М., 1996.

К. Рапен, М.Х. Исамиддинов, А.А. Грицина
(Париж, Самарканд)

РАБОТЫ НА ГОРОДИЩЕ КОКТЕПА (раскопы 11 и 1)

В отчетном году Узбекско-Французская экспедиция продолжала исследования городища Коктепа. Раскоп 11 заложен в северо-восточной части так называемого храмового комплекса (Исамиддинов, 2002, с. 35-39; Рапен, Исамиддинов, Грицина, 2003, с. 143. Там же, см. общий план городища). Основная цель раскопок – попытка локализации “алтаря” - главного общественно-культурного сооружения комплекса. Выбор места раскопок определялся своеобразием ландшафта в северо-восточной части городища, где на аэрофотографии и плане достаточно чётко просматривается уплощённый полукруглый в плане холм, расположенный как бы за пределами стен храмового комплекса.

Первоначально был заложен раскоп, ориентированный по сторонам света, размерами 10x10 м, и разбитый на четыре сектора, условно названные шурфами. С течением времени, следуя поставленной задаче, раскоп расширялся. Всего было заложено 12 шурфов,

часть из которых слилась между собой (рис. 1, рис. 2).

Шурф 1. Сразу же за дерновым слоем находилась достаточно плотная, пропитанная солями корка. Под ней шёл слой, представляющий собой рыхлый грунт, насыщенный керамикой, костями животных, окатанными камнями. Керамика и кружалной и ручной работы, в том числе, венчик груболепного, крупногабаритного сосуда типа корчаги, с большой петлевидной вертикальной ручкой. Вдоль западной стороны шурфа была расчищена кладка из плосковыпуклых и прямоугольных кирпичей. Как впоследствии оказалось, это была часть рухнувшей стены, расположенной в нескольких метрах к востоку. Фас последней вскоре был обнаружен около восточной стороны шурфа. Заполнение между двумя этими стенами до уровня пола представляло собой также рыхлый грунт с керамикой, костями животных, окатанными и разбитыми камнями и обломками сырцовых кирпичей. В ходе дальнейших раскопок расчищено два уровня полов. Оба пола сильно утрамбованы и сильно обожжены. На втором (нижнем) полу зафиксировано два очажных пятна. Верхний пол, по-видимому, продолжительное время находился открытым перед тем, как на него рухнули кирпичи, так как последние покоились на слое накопления из рыхлого лёсса.

Керамика из шурфа 1 почти вся приготовлена без применения гончарного круга. Среди неё встречается окрашенная и красноангобированная, а также заготовки для грузиков (прясел) из стенок сосудов.

В юго-западной части шурфа опустились ниже уровня полов, связанных со стенами, и сели на уровень пола какого-то жилища типа полуземлянки, видимо, раннежелезного века (РЖВ). Керамики здесь найдено мало и вся она лепная, включая расписную. Зафиксировано несколько лунок от столбовых конструкций. Однако, связаны ли они с этим жилищем или нет установить в точности не удалось. Следует отметить, что полы, а также выявленные стены были пробиты также ямками от столбовых конструкций, относящихся к различным временным периодам (рис. 1).

Небольшими зачистками около восточной стены шурфа под полами найден каменный серп и венчик расписной чаши. Чаша выполнена очень тщательно из глины высокого качества и обжига, покрыта ангобом и залощена. Она формовалась, скорее всего, ручным способом, но столь тщательно, что создаётся впечатление, что

Рис. 1. Раскоп II. План

сосуд сформован на гончарном круге.

Таким образом, работами в шурфе 1 выявлено, что трёхметровая стена из плоско-выпуклых и прямоугольных кирпичей, также как и стены входного сооружения раскопа 1, возведена на слое

Рис. 2. Вид на раскоп 11 с востока

РЖВ.

Шурф 2. Стратиграфическая ситуация здесь оказалась идентичной. Сразу же за дерновым слоем и соляной коркой шёл рыхлый грунт насыщенный костями животных, и керамикой, выполненной на круге и ручным способом: фрагменты чаш, кубков, горшков, котлов, сковород. Следует отметить и фрагменты фляги кружальной формовки, покрытой плотным светло-коричневым ангобом с лощением. В верхней части, под дерновым слоем найден фрагмент сосуда под сплошной поливой зелёного цвета. Подобные сосуды характерны для второй половины XII в. (Брыкина, 1974, рис. 45; Грицина, 1991, с. 191). Отдельные черепки поливной и неполивной керамики караханидского времени попадались под дерновым слоем и в других шурфах раскопа 11. Следует отметить, что посуда караханидского времени и другие следы жизнедеятельности в этот период уже давно фиксируются практически на всей территории городища

Почти по всей площади шурфа 2 фиксировались остатки рухнувшей кладки из плоско-выпуклых и прямоугольных кирпичей (рис. 1, рис. 2).

Шурф 3. На глубине 35-40 см от уровня дневной поверхности

пошла беспорядочная кладка различной высоты от упавшей стены, как и в шурфе 2. Заполнение между блоками упавшей кладки представляло собой очень рыхлый грунт с костями животных и керамикой. Всё это находилось на полу зеленоватого цвета с очень твёрдой поверхностью без очажных пятен, аналогичной той, что была зафиксирована в прошлом году на раскопе 1 (Исамидинов, Грене, Грицина, 2002, с. 70-74). Вся поверхность пола была пронизана отверстиями от столбовых конструкций различных размеров.

Шурф 4. На глубине 0,4 м от дневной поверхности опустились на стену, точнее, две стены, пристроенных друг к другу и которые занимали почти всё пространство раскопа, за исключением западной части, где опустились до уровня пола. Фас основной стены и фас пристроенной стены прослеживались достаточно чётко. На полу в южной части шурфа зафиксированы остатки рухнувшей кладки стены. Грунт рыхлый, с костями животных и керамикой. Среди последней найден фрагмент сосуда со сливом бургулюкского типа (Дуке, 1982, с. 45, рис. 6, 8).

Шурфы 5, 8, 11 и 12. Основной целью расширения раскопок являлось вскрытие по ширине обнаруженной полукруглой стены. В ходе раскопок обнаружено продолжение этой стены, шириной более 3 м. Она шла полукругом, повторяя контур рельефа. В северной части к ней была пристроена ещё одна стена, сложенная из плосковыпуклых и прямоугольных кирпичей (рис.1). В теле стены было вырублено уже после её заустения две землянки. Аналогичная картина наблюдалась и на раскопе 1.

Шурф 6. Основной целью раскопок являлось обнаружение продолжения основной стены. В ходе работ действительно удалось вскрыть часть стены и опуститься до уровня пола вдоль её западного фаса (рис. 1).

Шурф 7 расположен к северу от основного раскопа. В результате раскопок вскрыта часть основной стены, северный край которой оказался сильно нарушенным (рис. 1).

Шурфы 9 и 10. Предполагая, что вскрываемая полукруглая стена могла иметь форму замкнутого полукруга или сегмента, были заложены два шурфа к западу от основного раскопа. В шурфе 9 на уровне пола зафиксирован развал из обломков кирпичей, подобный тому, что был зафиксирован в шурфах 1-3 (рис. 1).

В шурфе 10 также опустились до уровня пола. Он имел традици-

онный зеленоватый цвет со множеством отверстий различных размеров. Часть из них, по-видимому, как и в шурфе 3, являлась ямками из-под стоек лёгких жилищ кочевников или палаток воинов-македонцев.

В ходе раскопок получен значительный, в основном, керамический материал. К сожалению в большинстве своём он оказался переотложенным, так как внутреннее пространство, прилегающее к стене, интенсивно обживалось в эллинистическое время. Тем не менее, представляется возможным выделение трёх комплексов, относящихся к трём периодам обживания городища.

Наиболее поздний из них относится к караханидскому времени (XI-XII вв.). Керамика этого периода представлена несколькими черепками поливной и неполивной керамики, которая уже неоднократно встречалась на городище.

Следующие два комплекса делятся между собой с известной долей условности. Хотя следует отметить, что в верхних слоях (имеются в виду слои лежащие над стенами и в верхней части стен) преобладает, в основном, посуда эллинистического времени, значительная часть которой сформована на гончарном круге быстрого вращения. В нижнем же слое значительно преобладает груболепная посуда.

Следует отметить несколько черепков от фляги (о ней см. выше). Высокое качество глиняной массы, обжига и формовки позволяют видеть в ней одну из ранних форм подобной посуды, появляющейся в поздний период комплекса Афрасиаб II и получивших широкое распространение в последующее время. Подобного качества посуда, в том числе и фляга, была найдена и в известном погребении так называемой “сакской принцессы” в цитадели городища Коктепа (Rapin, Isamidinov, Khasanov, 2001, p. 52-53, fig. 12). находка подобного сосуда свидетельствует о неоднократном посещении городища после его запустения.

Особенно хотелось бы выделить комплекс посуды, найденный в нижнем слое шурфа 12. В основном керамика представлена груболепной посудой: котлами с двумя ручками-упорами под венчиком, горшками (рис. 3, 2), кубковидными сосудами с округлым дном (рис. 3, 5), сковородами и жаровнями, плоскими, плоской крышкой с ручкой посередине. Среди станковой посуды имеется высокая ножка от сосуда типа крупного бокала (рис. 3, 1), известные по

комплексу ахеменидского времени, выпуклый поддон, видимо, от аналогичного сосуда (рис. 3, 3) и донце кувшина (рис. 3, 4). Из других находок отметим лезвие бронзового ножа, находившийся рядом с археологически целым груболепным котлом с ручками-упорами.

Описанный комплекс посуды достаточно уверенно может датироваться раннеахеменидским временем (Исамиддинов, Рапен, 1999, с. 74, рис. 7). Думается, что к этому же комплексу следует отнести сосуды типа мисок или чайников с так называемым “бургюлюкским” сливом. У одного подобного сосуда под сливом находится дугообразный налп. Достаточно значительное их количество говорит о том, что они продолжали изготавливаться и использоваться и в ахеменидское время, свидетельствуя о длительной непрерывной традиции. В тоже время, они косвенно могут указывать и на время возведения полукруглой стены - на период доахеменидского завоевания Согда. Также самое можно говорить и в отношении расписной керамики, встречающейся среди посуды эллинистического времени.

Интересен комплекс керамики из землянки шурфа 1. Комплекс представлен котлами, горшками, чашами, заготовками для прясел, сделанных их черепков битой посуды. Вся посуда сформована без применения гончарного круга. Есть черепок с росписью в виде вертикальной полосы. Выделяется котёл с конусовидным налпем ниже закраины. Описанный выше комплекс характерен для РЖВ (Дуке, 1982, с. 44-50; Исамиддинов, 2002, с. 48-53).

Что касается эллинистического комплекса, то станковая керамика представлена хумами и хумча с Т-образными венчиками и округлым днищем, горшками, в основном, с овальным в сечении венчиком, кувшинами), кубками с прямостоящим, отогнутыми или загнутыми вовнутрь венчиками, в том числе, и с характерным ребром-перегибом в средней части резервуара, чашами с Г-образным венчиком. Отсутствие некоторых форм, характерных для поздних этапов периода Афрасиаб II, например, “рыбных” блюд, сравнительно некачественное ангобное покрытие и лощение и др. говорит о том, что данный комплекс станковой керамики относится к раннеэллинистическому времени (Шишкина, 1974, с. 38-41).

Что касается лепной керамики, то она во многом продолжает традиции РЖВ и представлена крупноангобированными сосудами типа корчаг в тулове одной из которых просверлено сквозное от-

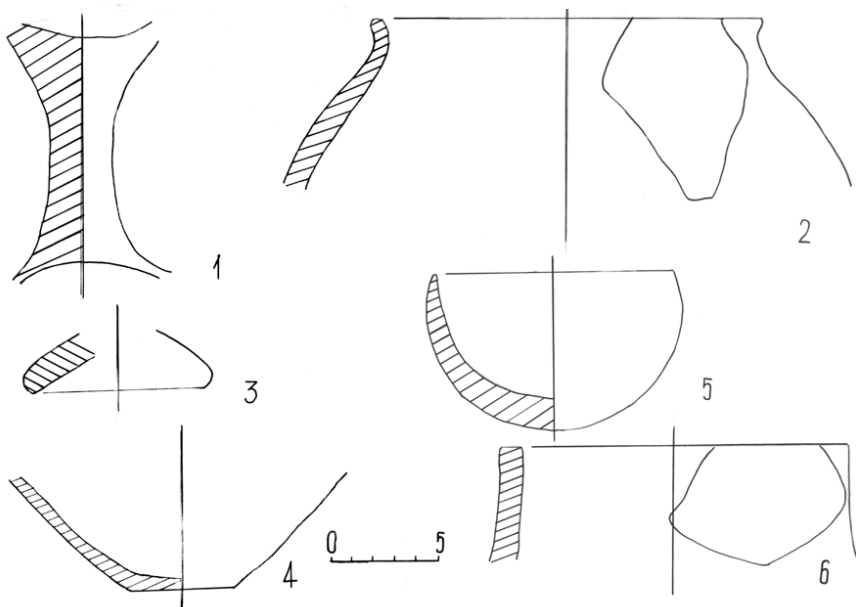

Рис. 3. Керамика из шурфа 3

верстие, котлами с парой ручек-упоров, жаровнями и сковородами, чашами. Интересен миниатюрный котелок с двумя ручками-налепами, отходящими прямо от закраины. Из других находок следует отметить фрагмент блюда из камня тёмного цвета, известных по ахеменидским комплексам, а также каменные тёрочки и ложки.

Краткие выводы

1. В результате работ на раскопе 11 вскрыт участок полукруглой стены из плоско-выпуклых и прямоугольных кирпичей. Зафиксировано, по крайней мере, два основных этапа её возведения или перестройки.

2. Вероятно на последнем, доэллинистическом этапе, была пристроена с запада к основной стене дополнительная стена, расчищенная в северной части раскопа (шурф 4).

3. В ходе раскопок зафиксировано, по меньшей мере, два прохода в стене, один из которых наиболее чётко фиксируется в шурфе 1. Скорее всего, этот проход вёл в башню, которая не сохранилась.

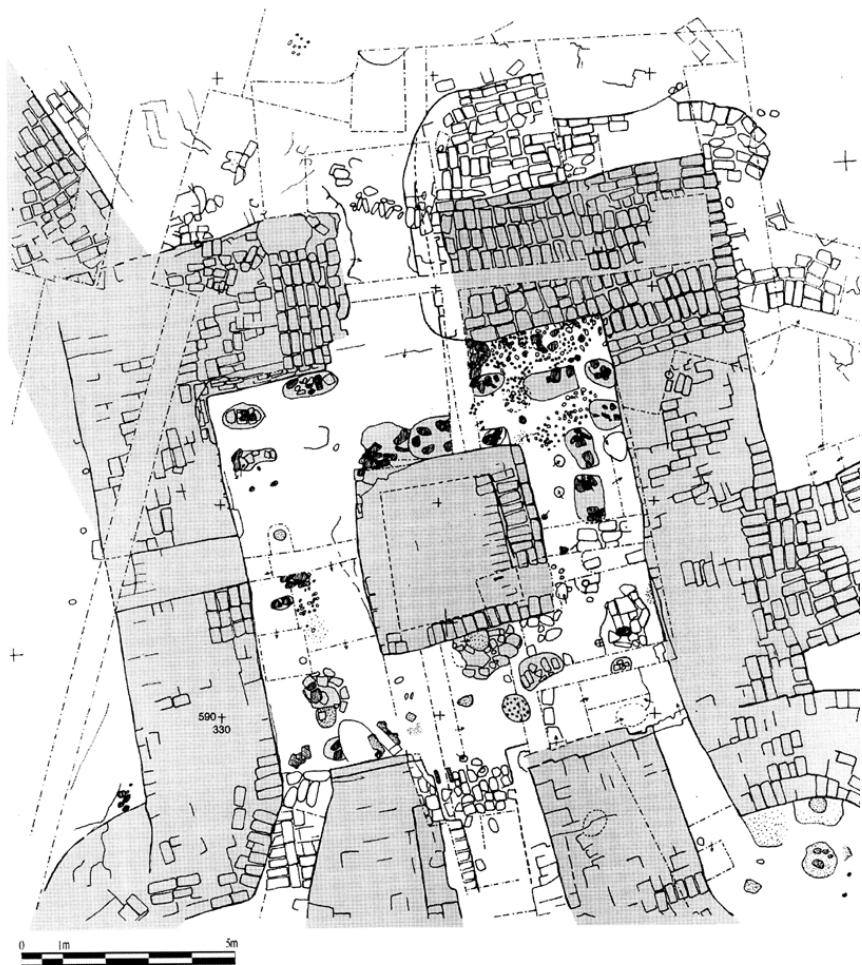

Рис. 4. Раскоп 1. План центральной части здания

4. Назначение полукруглой стены (кроме оборонительного) на сегодняшнем уровне исследований пока определить сложно. Можно лишь говорить о том, что в эллинистический период она активно использовалась, т.к. найдено значительное количество керамики и других материалов этого времени, хотя каких-либо фундаментальных построек эллинистического времени здесь не зафиксировано.

5. Керамический материал оказался, в основном, перемешан-

ным, но в нём достаточно уверенно выделяется раннеэллинистический комплекс, а также комплекс из нижнего слоя шурфа 12, который относится к ахеменидскому времени. Находки расписной посуды, сосудов со сливом, могут свидетельствовать и о более раннем времени. Возможно, именно они смогут указать на время возведения самой стены.

На раскопе 1 проведены небольшие по объёму работы, в основном, в форме зачисток и детализации полученных ранее артефактов (работы провела Л.Ю. Шпенёва) (рис. 4). Основное внимание было сосредоточено на вскрытие нижнего пола всего здания входного сооружения храмового комплекса (См. Исамиддинов, Грене, Грицина, 2002, с. 68-75; Рапен, Исамиддинов, Грицина, 2003, с. 143-150). В южной части зачищен небольшой участок пандусного прохода в здании. В результате выяснилось, что пол прохода был выложен из целых, но в основном, из обломков плоско-выпуклых и прямоугольных кирпичей и затем сверху тщательно обмазан глиной (рис. 3). При этом уровень первого пола здания был ниже пола пандуса на высоту кирпичей и обмазки. Обследование нижнего пола здания показало, что он устилался циновками, а по всей его площади прослеживаются следы пожара. Пол не был строго горизонтальным. Перепад его уровня в различных местах достигал 10-15 см.

В северо-восточном углу, примыкая к северной и восточной стенам, расчищена груда камней, в основном речной гальки, хотя иногда встречались и обломки сланца (рис. 5). Среди камней возле “подиума” найдены обломки крупной, скорее всего, ритуальной чаши из белого мягкого камня. Не исключено, что она была намеренно разбита, также, как намеренно разбивались зеркала в погребениях в знак того, что душа человека покинула этот мир.

Очень интересная находка сделана в восточном секторе здания. В первом полу расчищена ямка глубиной и диаметром по 25 см. В ней находилось 19 альчиков (астрагалов) и одна кость от фаланги лапы животного. Всё это было засыпано рыхлым грунтом. Любопытно отметить, что один астрагал имел две насечки, показывая её особую роль в этом наборе. Несомненно, что астрагалы были собраны и затем намеренно засыпаны в ямке. Скорее всего, перед нами полный ритуальный набор для какого-то обряда или какой-то игры. Следует отметить, что альчики в Центральной Азии уже с

Рис. 5 Северо-восточный угол здания с камнями

эпохи бронзы использовались и в ритуальных целях, и в обиходных играх (Маргулан, 1979).

В восточной части расчищено несколько крупных очагов диаметром до 60 см. Эта часть была сильно насыщена зольниками и костями животных, связанные с уровнем второго пола. Возле очагов находилось несколько ям от столбовых конструкций диаметром от 8 до 19 см. Возможно, это следы активной жизнедеятельности первых кочевников, посетивших городище, и разрушивших “храм”. Однако, именно со второго пола в здании начинается рытьё ритуальных ям с камнями и речным песком (Исамиддинов, Грене, Грицина, 2002, с. 144-146). В этом году вскрыто ещё три ямы (рис. 3). Яма 35 была заполнена сверху рыхлым грунтом. Под ним находился слой речного песка мощностью 45 см. Глубина ямы 70 см, длина 110 см, ширина от 60 см и более. В отличие от ранее выявленных, эта яма вытянута не с запада на восток, как обычно ориентировали погребённых сакские племена, а с юга на запад. Причем, “головная” часть была более расширена. В “голове” находились крупные ровные камни (рис. 3). Вторая яма 34 имела аналогичную ориентацию. Размеры её 110 x 50 и более см, глубина 70 см. В ней также в “голове” находились крупные камни. Песка было значительно

меньше, чем в предыдущей яме. Яма 36 была заполнена крупными камнями. Форма её не определена.

В этом году зафиксирован северо-восточный угол здания. Кроме того, выявлена ремонтная обкладка, примыкающая к северному фасу северной стены (рис. 4, рис. 5). Сделано также наблюдение, что размеры кирпичей “подиума” меньше, чем в стенах здания.

В отчетном году получен достаточно чистый комплекс керамики, зажатый между первым и вторым полами и который может быть использован для определения времени возведения здания. Вся посуда сформована ручным способом и представлена горшками (рис. 6, 1-2), один из которых снабжён кольцевидными ручками (рис. 6, 4), чашами различных размеров, среди которых имеется и расписной (рис. 6, 5-6). Очень интересен венчик от крупного сосуда. Видимо, после того как он был изрядно изношен, его заново отреставрировали, поместив в гончарную печь. Пока трудно понять почему он удостоился такой “честь”, гораздо проще было бы взять другой сосуд. Не исключено, что он использовался в каком-то ритуале (рис. 6, 3). Кроме керамики на первом полу были найдены

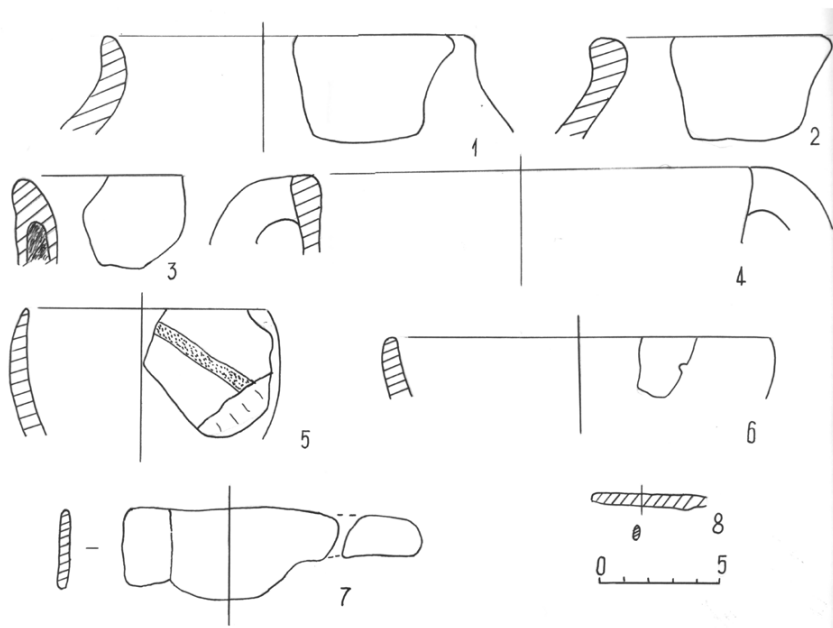

Рис. 6. Керамика с нижнего пола здания

две бронзовые поделки: обломок ножа и обломок шпильки ? (рис. 6, 7-8).

Литература

- Брыкина Г.А. Карабулак. М., 1974
- Грицина А.А. Материалы конца XII–начала XIII в. с городища Культепа (Северная Уструшана) // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991
- Дуке Х. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент, 1982.
- Исамиддинов М.Х., Рапен К. К стратиграфии городища Коктепа // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999
- Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент, 2002
- Исамиддинов М.Х., Грене Ф, Грицина А.А. Работы Узбекско-Французской экспедиции на городище Коктепа в 2001 г. // Археологические исследования в Узбекистане – 2001 год. Ташкент, 2002
- Рапен К., Исамиддинов М.Х., Грицина А.А. Раскопки в центральной части городища Коктепа (Р-1) // Археологические исследования в Узбекистане – 2002 год. Ташкент, 2003
- Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.
- Шишкина Г.В. Керамика конца IV – II вв. до н.э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974.
- Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979
- Rapin C, Isamididinov M, Khasanov M. La tombe d'une princesse nomade a Koktepe pres de Samarkand // Academie des inscription & belles-lettres. Paris, 2001.

В.Д. Рузанов
(Самарканд)

О ВОТИВНЫХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЯХ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КУЛЬТУР СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Одной из примечательных особенностей металлообработки племен земледельческих культур Северной Бактрии являются вотивные металлические предметы. Они представляют собой маленькие копии разных видов изделий: орудий труда и оружия (топоры, мотыги, теши, кетмени, серпы, тесла, ножи, кинжалы); предметов домашнего быта (сосуды, тарелки, ложки); предметов туалета: (зеркала, лопаточки) (рис. 1). Размеры этих вещей невелики: их длина колеблется от 13 до 50 мм, редко достигая 80 мм и более, ширина - от 0,7 до 1,7 мм, толщина от 0,1 до 0,3 мм. Столь малые параметры имитаций указывают на их ритуальное назначение; та-

кие изделия изготавливались специально для погребений.

Сегодня коллекция металлических имитативных предметов из северо-бактрийских памятников насчитывает несколько сотен экземпляров. Основная масса votивных изделий происходит из могильников сапаллинской культуры Южного Узбекистана (Аскарлов, 1973, табл. 26; 1977, табл. LXVII; Аскарлов, Абдуллаев, 1983, табл. XLV, XLVI, LIV, LV; Ионесов, 1990, рис. 1). Особенно насыщен таким материалом погребальный инвентарь погребений бустанских могильников (Бустан 3, 4, 5, 6, 7), относящихся к поздней фазе развития культуры Сапали. Аналогичные вещи известны на юго-западе Таджикистана (Тандыр-йул, Кангурттут), где их доля в коллекции медных и бронзовых изделий также высока (Виноградова, 1980, рис. 4). За пределами Северной Бактрии, в других исторических областях Средней Азии, votивные изделия встречаются редко. У нас имеются сведения лишь о трех предметах. Это копии одно- и двулезвийных ножей, найденные на поселениях Овадандепе в Южной Туркмении, Дальверзин в Ферганской долине и на поселении Забурбулюкской культуры на севере Узбекистана (Кузьмина, 1966, таб. VI, 34, 35; Дуке, 1982, рис. 14,15). В комплексах степных племен подобные вещи пока не обнаружены. Преобладание находок votивных изделий на юге Узбекистана позволяет считать сапаллинскую металлообработку центром производства таких вещей и не исключено, что сама идея их создания исходила из этого центра.

Теперь перейдем к химико-металлургическим показателям северо-бактрийских votивных изделий. Они базируются на результатах спектроаналитических исследований 80 votивных предметов и их фрагментов. Из поселений Сапаллитепа и Джаркутан, могильников Джаркутан 4 А, Бустан 4,5 и Тандыр-йул.² Химико-металлургическая характеристика металлического инвентаря, в том числе и votивного, ряда памятников Южного Узбекистана и Южного Таджикистана уже была освещена в печати (Виноградова, 1980; Рузанов, 1982; 1994; Аскарлов, Рузанов, 1990). Поэтому в данной работе мы ограничимся лишь кратким комментарием выделенных в имитивном металлическом материале химических и металлургических групп и изучим вариации их соотношения в коллекциях памятников Северной Бактрии, а также расскажем о технике изготовления и причинах появления таких вещей в этой исторической области.

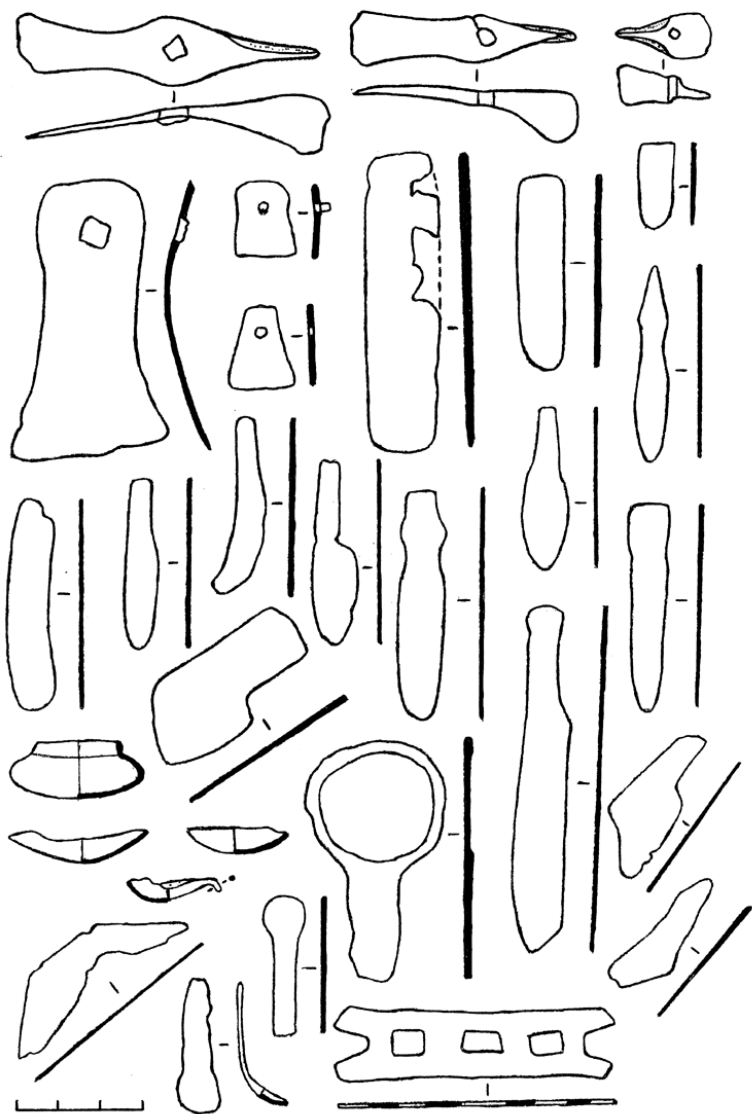

Рис. 1. Вотивные металлические изделия Северной Бактрии.

Металлические группы. Эти группы немногочисленны и представлены шестью рецептами. Основу коллекции составляют пред-

меты из оловянистых бронз: на их долю приходится 59 вещей или 73,8% от общего количества проанализированных votивных образцов. Второе место занимает металлургически “чистая” медь, представленная 15 находками (18,8%). Доля прочих групп - мышьяковистых, свинцовистых, оловянно-свинцовистых бронз и сложных многокомпонентных сплавов с добавками олова, сурьмы и мышьяка - очень низка. Из них изготовлено всего 6 изделий (7,4%). Сходную картину соотношения рецептуры мы наблюдаем в коллекции votивных изделий сапаллинской культуры. В ней также отмечается ведущая роль оловянистых бронз (73,8%), при подчиненном положении прочих типов сплавов. Правда здесь выявлено не шесть, а пять групп (отсутствует сложный медно-оловянно-сурьяно-мышьяковистый рецепт). На юго-западе Таджикистана в тандырйулской серии имитаций фиксируется примерно тот же качественный и количественный состав рецептуры, с тем же значительным преобладанием оловянистых бронз над другими типами сплавов как и в материале культуры Сапалли.

Химические группы. Судя по химическому составу металла, в северо-бактрийской коллекции votивных предметов можно выделить 6 химических групп. Среди них медь и бронзы двух групп находят химические соответствия в геохимии месторождений Кызылкумских гор, что позволяет считать их рудными источниками какой-то части металла северо-бактрийских имитаций. Металл других двух групп по химическому составу связывается с месторождениями фергано-ташкентского и верхнезеравшанского горно-рудных районов. Очевидно, именно оттуда сырье экспортировали на юг в металлообрабатывающие центры Северной Бактрии. И наконец, металл последних двух групп генетических связей с узбекскими и таджикскими рудными источниками не обнаруживает. Его химические аналогии уводят нас в Афганистан, где известны месторождения с таким составом примесей в руде.

Сравнительный анализ показывает, что доля образцов указанных выше химических групп не одинакова, в коллекции преобладает металл фергано-ташкентского происхождения, из которого изготовлена половина изученных votивных находок. Значительно уступают ему медь и бронзы кызылкумских и афганистанских источников сырья. Кстати их доля примерно одинакова (соответственно 20% и 25%). При рассмотрении votивных находок сапа-

линской культуры фиксируется иное количественное соотношение между образцами химических групп. Так, в ранней фазе этой культуры (XVII - середина XIV вв. до н.э.) в их производстве доминирует сырье афганистанских источников (77,8%). В это время значительно реже используется металл кызылкумских источников (22,2%) и отсутствуют votивные предметы, изготовленные из металла фергано-ташкентских источников сырья. В поздней фазе развития культуры Сапалли (сер. XIV-сер. XI вв. до н.э.) происходят резкие изменения по сырью для votивных изделий. Теперь на первый план выходит металл фергано-ташкентского происхождения (55,8%). Немного повышается доля сырья кызылкумских источников (27,9%) и резко снижается (до 14%) доля металла, связанного с афганской горно-металлургической областью. Vотивные изделия из синхронного поздней фазе сапалинской культуры могильника Тандыр-йул в подавляющем своем большинстве (84,2%) представлены металлом фергано-ташкентского происхождения и в значительно меньшей степени (10,5%) сырьем верхнезеравшанских источников.

Техника изготовления votивного металлического инвентаря. В отличие от большой группы литых изделий обычных размеров, металлические имитации изготавливались кузнечным способом. При этом использовались либо литая заготовка в виде прутка, либо небольшой металлический слиток. С помощью простейших кузнечных операций - плющения,ковки, рубки, пробивки отверстий - мастера быстро создавали копии разных изделий. К примеру, копию однолезвийного, втульчатого топора изготавливали из откованной тонкой пластинки, в которой вырубали клин и обушную часть, затем последнюю свертывали во втулку. Копию двулезвийного, втульчатого топора делали из короткого, небольшой толщины прутка, концы которого путемковкиуплощали и придавали форму клина топора обычного размера.

Отверстие, изображающее втулку "орудия", пробивали между клиньями посередине прута. Предметы имитирующие миски и тарелки, производили, скорее всего, путем выдавливания. Очевидно, для этого использовали выточенную до полусферической формы деревянную болванку. Её прикладывали на круглую бронзовую пластинку, которую помещали на полый, видимо, также деревянный диск. Затем механически воздействовали на болванку, например ударяли по ней, что приводило к выдавливанию округлого дон-

ца и стенок на заготовке, становившейся похожей на сосуд. Копии ножей, кинжалов, тесел, мотыг, тешей, зеркал, лопаточек, “лесенок” изготавливали по весьма простой технологии: вначале плющили небольшой длины бронзовый пруток до тонкой пластики, из которой затем вырубали или вырезали заготовку с близкой к вышеуказанным изделиям формой. Для достижения полного сходства копии с оригиналом, например вотивной мотыги или тешей, в заготовке пробивали отверстие, а в некоторых случаях на этом месте даже припаивали маленькую трубочку, изображающую втулку “орудия”.

Причины появления вотивного металлического инвентаря. На наш взгляд, их несколько и все они носят экономический характер. Мы уже писали о том, что северо-бактрийские, в частности сапаллинские литейщики-кузнецы не имели своей меднорудной базы и использовали импортный металл (Рузанов, 1995). Видимо, в какие-то периоды металл к ним поступал нерегулярно и мастера испытывали в нем нужду. Очевидно, это обстоятельство и стало изначальной причиной воспроизводства вотивных предметов в сапаллинской культуре. Однако на разных этапах характер поступления металла в эту культуру был различным. Так, на ранней стадии перебои в снабжении сырьем местных мастерских, видимо происходили резко, о чем косвенно свидетельствуют маленькая доля вотивных металлических изделий в погребальном инвентаре ранних погребений и относительно большие размеры самих имитаций. С течением времени поставки импортного сырья в сапаллинский и другие приамударьинские центры металлообработки, вероятно, существенно сокращаются, что приводит к значительному увеличению количества вотивных образцов в погребениях и уменьшению их размеров. Вместе с тем не исключается вероятность, что если в начале замена металлических изделий нормальных размеров на маленькие копии носила вынужденный характер, то позднее, возможно, это стали делать уже намеренно поскольку такая замена давала колоссальную экономию металла. Ведь масса вотивных вещей в десятки и сотни раз меньше, чем вес предметов, которые древние поселенцы использовали для хозяйственных нужд, охоты и в конфликтных ситуациях.

И наконец, можно предполагать, что такие имитации стоили значительно дешевле, чем их подлинники и, думается, этот факт

имел немаловажное значение для многих жителей родоплеменной общины культуры Сапалли, в которой, как считают исследователи, признаки социальной дифференциации имели место, т.е. происходил процесс расслоения общества на бедных и богатых.

Существуют и иные точки зрения на счет появления вотивного инвентаря. Так, Н.А.Аванесова (1991) связывает появление металлических имитаций с изменениями, произошедшими в идеологических представлениях местных племен. Примерно такой же точки зрения придерживается В.И. Ионесов (1993), положив в основу данного явления перемены, состоявшиеся в ритуале погребального обряда сапаллинских племен.

Сноски

- 1 К сожалению, металлические изделия из могильников Бустан 6, 7, хранящиеся в музее на кафедре археологии исторического факультета СамГУ, пока не опубликованы. Поэтому мы не имеем точных сведений о их количестве, морфологии и химическом составе.
- 2 Спектральный анализ изделий выполнен в лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН РФ.

Литература:

1. Аванесова Н.А. Результаты исследований могильника эпохи бронзы Джаркутан 4В I (Вопросы археологии, древней истории и этнографии). Тр. СамГУ. Самарканд, 1991.
2. Аскарлов А.А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.
3. Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
4. Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан (К проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). Ташкент, 1983.
5. Аскарлов А.А., Рузанов В.Д. Результаты исследования химического состава металла из могильников Бустан 3,4 и 5 // ИМКУ. Вып 23, Ташкент, 1990.
6. Виноградова Н.М. Отчет о раскопках могильника Тандыр-йул в 1975 г. // АРТ. Вып. XV. Душанбе, 1980.
7. Дукее Х.И. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент, 1982.
8. Ионесов В.И. О новых погребениях Джаркутана // ИМКУ. Вып. 23, Ташкент, 1990.
9. Ионесов В.И. Бронзовая вотивная атрибутика: ее смысл и значение в погребальном обряде сапаллинской культуры // Бактрия - Тохаристан в древности и средние века: Тез. докл. межд. науч. конф. Самарканд, 1993.
10. Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии // САИ. Вып. В4-9. М., 1966.
11. Рузанов В.Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа // Автореф. дисс. кан. ист. наук. М., 1982.
12. Рузанов В.Д. Древняя металлургия Таджикистана // История и перспективы развития горнорудной промышленности Средней Азии - к 60-летию Таджикско-

Памирской экспедиции. Тез. докл. межд. науч. конф. Худжанд, 1994.

13. Рузанов В.Д. К вопросу о связях приамударьинских племен Южного Узбекистана во II тыс. до н.э. (по результатам химического исследования металлических изделий) // Генезис и пути развития процессов урбанизации Центральной Азии. К 25-летию образования Института археологии АН РУз и 60-летию акад. А.А.Аскарва: Тез. докл. межд. науч. конф. Самарканд, 1995.

Сулейманов Р., Глантз М.
(Ташкент, Колорадо)

РАСКОПКИ ГРОТА АНГИЛАК

В 2003 г. в гроте Ангиллак проводился второй сезон раскопочных работ. Напомним, что грот находится в верховьях р. Аякчисай, одного из правых притоков Кашкадарьи. В этом году на его сравнительно небольшой площадке было заложено две траншеи, продольная длиной 5 м и шириной 1 м и поперечная внутри грота длиной 4 м и шириной 2 м. Обе траншеи образуют в плане Т-образную фигуру. Они включают в себя и те квадраты, которые были раскопаны в 2002 г.

Культурные слои толщиной до 60 см, были перекрыты тонким горизонтом (5-15 см) позднесредневековых гумусированных отложений, перемешанных местами с современным мусором.

Сами культурные отложения литологически подразделяются на три слоя: верхний желтый, средний серый и нижний желтый. Каждый из них толщиной в различных местах 10-20 см. В продольной траншее и небольшой зачистке на площадке у входа в грот выяснено, что культурные отложения утончаются и выклиниваются во входе под навес грота, т.к. скальное дно его залегает с уклоном в глубину грота, где под культурными отложениями залегала плотная стерильная глина озерно-карстового происхождения. В центральной части грота, в основании второго культурного слоя был найден очаг в виде округлой ямки диаметром около 60 см, он был углублен в нижележащий слой на несколько сантиметров и заполнен остатками золы и угля. Для очага получена дата 27000 лет

Находки были представлены несколькими раздробленными фрагментами костей диких животных, служивших добычей обитателей грота и небольшой коллекцией каменной индустрии мустьерского облика.

Для индустрии грота Ангиллак характерны такие особенности

как низкое качество каменного сырья доступное насельникам грота, развитие пластинчатого расщепления и мелкие размеры большинства орудий.

Среди пород камня, который насельники грота выбирали из галечника русла Аякчисай протекавшего неподалеку от грота широко использовался белый кварц и различные плотные магматические изотропные породы стекловидной структуры, а также окрашенные сланцы, известняки и мелкозернистый песчаник. Кроме того, кремень встречается очень редко и обычно нуклеусы и изделия из него использовались до предела.

Нуклеусы немногочисленны, очень мелкие, часто 3-4 см в длину. Морфологически они относятся к трем принципам расщепления: параллельному, радиальному и бессистемному.

Сколы с нуклеусов по большей части ретушированы и превращены в орудия. Для типологии орудий характерны мустьерские ретушированные пластины, небольшие, треугольные остроконечники и ретушированные отщепы. Среди последних выделяется несколько скребел с прямым или слегка выпуклым лезвиями. Пластины в большинства своем нестандартны, часть из них имеет конвергентные дистальные концы.

Особенностью индустрии Ангилака является очень широкое использование техники намеренного фрагментирования, отщепы, пластины, ретушированные орудия использовались во фрагментированном состоянии. В частности, отмечено, что из всей коллекции находок этого года на 33 целых орудия, обработанных ретушью, приходится такое же количество их фрагментов. Это не было результатом поломки орудий при их употреблении. Мы полагаем, что в экономике и технологии насельников Ангилака были какие-то важные факторы, которые делали необходимым использование мелких фрагментов каменных орудий наряду с целыми образцами их.

Об историко-культурной атрибуции индустрии грота Ангилак предварительно можно полагать причастность его материалов к кругу мустьерских индустрий, которые были объединены нами в свое время под названием обирахматской культуры. Индивидуальные отличия коллекции каменных орудий Ангилака были обусловлены низким качеством исходного сырья, которое использовали обитатели грота, а также характерно более широкое использование

техники фрагментирования сколов и орудий, чем в других стоянках обирахматской культуры. Несмотря на свой мустьерский облик, комплекс Ангилака относится к эпохе верхнего палеолита.

Находки отдельных костей ранних форм *Homo Sapiens* (6 слоя) грота Обирахмат делает вероятным предположение о том, что насельники Ангилака также могли относиться к так называемым пресапиенсам.

Х.А. Тойчиев, К.А. Крахмаль, У.К. Абдуназаров, О.В. Бондарь
(Ташкент)

ИССЛЕДОВАНИЕ ХРОНОСТРАТИГРАФИИ АНТРОПОГЕНА В БАССЕЙНЕ РЕКИ АНГРЕН

Хронологическое обоснование эволюционных изменений природной среды в четвертичном периоде является актуальной задачей археологических исследований памятников палеолита. Изучаемые отложения с включением в них горизонтов культур палеолитических эпох, особенно в горных долинах, в возрастном отношении остаются “немыми”, или полученные по ним даты единичны и противоречивы, из-за чего возникают острые дискуссии. Связано это с тем, что четвертичные отложения в горных районах Узбекистана входят в состав сложно построенных морфолитокомплексов, в основном лишенных пригодных для датирования радиометрическими методами компонентов C_{14} -, U-содержащих и др. дозиметрические методы чаще всего применялись при изучении лессовых толщ на равнине, а при диагностике отложений и в горных районах их использование носило экспериментальный характер.

Большинство хроностратиграфических определений четвертичного периода имеет серьезные ограничения в уровне временной обоснованности. Как правило, абсолютные даты приходятся на более поздние интервалы в пределах диапазона радиоуглеродного метода датирования 30 000 лет. Интерпретация изотопных данных не всегда однозначна из-за прерывистости осадконакопления, недостаточного разрешения, биотурбации, гипергенеза осадочных толщ и других причин, которые не могут решить проблему корреляции между континентальными отложениями и морской кислородной изотопией.

В настоящее время для адекватного использования результатов хроностратиграфических исследований в решении вопросов корреляции эволюционных изменений природной среды в четвертичном периоде горных районов Узбекистана необходима надежная хроностратиграфическая привязка идентифицированных палеоклиматических событий и соответствующих им культурных горизонтов эпох палеолита.

В разработке региональной хроностратиграфической схемы четвертичных отложений, существенный вклад вносит палеомагнитный метод, который принят в основу расчленения и корреляции “немых” континентальных толщ.

В 2003 г. в бассейне реки Ангрэн продолжалось изучение закономерностей пространственно-временных изменений геомагнитного поля четвертичного времени, закрепленных в виде своеобразных отпечатков в слоях осадконакоплений. На основе полученных данных производится расчленение и корреляция условий залегания культурных отложений эпох палеолита и составление региональной хроностратиграфической шкалы.

Одним из самых сложных вопросов четвертичной геологии является определение стратиграфического объема четвертичной системы региона. Длительное время стратиграфические подразделения в регионе не имели жесткого критерия их выделения и состояли из групп четырех различных условно объединенных комплексов. В существовавших схемах не были установлены ранги выделенных подразделений. В связи с этим, они не отражают развития того или иного события четвертичного времени региона, а выделенные комплексы не выражают временной объем события. Кроме того, схема стратиграфии четвертичных отложений региона не отвечают принципами выделения, принятых в ней подразделений.

В практике хронологических определений в регионе использовались два варианта стратиграфических схем: двучленная схема четвертичного периода и четырехчленная в данной работе не могли, так как кроме вышеотмеченных недостатков, есть самое главное-несоответствие стратиграфической (возрастной) интерпретации слоев горных пород. Представление о том, что, чем выше терраса, тем древнее возраст пород слагающих ее, оказалось ошибочным. На самом деле разрезы четвертичных отложений, как показали исследования, имели иное хроностратиграфическое определение.

Учитывая недостатки существующих схем, в данных исследованиях в качестве стратиграфической основы использована схема, разработанная Х.А.Тойчиевым. На основании данных о прогрессирующих тектонических событиях в регионе в течении всего четвертичного периода, весь период определен как единый Тяньшаньский орогенный комплекс. Внутри него, на основании изменений осадко-накопления, выделены периоды импульсного (катастрофического) развития тектонических событий. Отложения, образовавшиеся в промежутках между этими периодами, выделены как серии. Внутри орогенного комплекса выделено три серии: Раннетяньшаньская - Q₁, Позднетяньшаньская - Q₂ и Аральская - Q₃. Внутри серий, на основании комплекса геолого-геофизических данных, выделены более дробные подразделения - свиты.

Раннетяньшаньская орогенная серия четвертичных отложений изучалась в 2003 г. в разрезах Ангрен 1-2. Результаты проведенных исследований показали, что значительная часть (сверху вниз) слоев мощности разрезов намагничен по направлению современного магнитного поля, а нижняя часть слоев намагничена обратно. В изученных разрезах в нижней части установлено две зоны обратной полярности, в пределах прямой намагниченности зафиксировано до четырех кратковременных эпизодов и экскурсов магнитного поля. Ангренская свита распространена в пределах бассейнов рек, но отличается тем, что на равнине представлены алевролитами и мергелями, а в предгорьях замещается делювиально-пролювиальными лессово-почвенными отложениями. Мощность их варьирует в пределах от 5-10 до 20 м.

Позднетяньшаньская орогенная серия четвертичных отложений сформировалась после проявления региональных “катастрофических” тектонических движений, которые привели: к дальнейшему росту горных сооружений орогенной зоны; вовлечение в орогенную зону прилегающую площадь платформы, полному вытеснению с платформенной территории мелководного Понто-Каспийского моря; к началу формирования на всей площади континентальных отложений. С этой эпохой в регионе связано четкое проявление вертикальной климатической зональности и, соответственно, подчинение этой зональности формированию различных генетических типов четвертичных отложений.

Начало данного импульса новейших тектонических движений

соответствует рубежу 700 тыс. лет. Эти активные тектонические движения, за чрезвычайно короткое время в региональном масштабе сформировали толщу грубообломочного материала, который является реперным уровнем, определяющим начало новой эпохи четвертичного времени. Неравномерное, площадочное развитие неотектонических движений в регионе привели к формированию, которая в прогибах превышает несколько сотен метров. В период относительного тектонического покоя, формировались толщи лессово-почвенных отложений, имеющие зональное распространение.

С этой эпохой четвертичного периода связано развитие палеолитических эпох в долине р. Ангрэн.

В результате работ установлено, что периоды четвертичных отложений в районе исследований обладают измеримой остаточной намагниченностью. В палеомагнитном отношении достаточно информативны. История геомагнитного поля зафиксирована во всех изученных генетических типах осадков и может быть использована для детального расчленения и корреляции разрезов четвертичных отложений, в том числе, включающих культурные горизонты эпох палеолита.

М. Хасанов, С. Мехендали
(Самарканд, Беркли)

РАСКОПКИ НА САНГИРТЕПА В КАШКАДАРЬЕ

Открытие стены замкового сооружения овальной формы кушано-сасанидского периода (толщиной более 2 м) и в нем раннесредневековых наусных захоронений совершенно изменили ранее предложенную исследователями стратиграфию Сангиртепа (Крашенинникова, 1984, с. 461; Лушпенко, 1998, 2000, с. 81-83; Сагдуллаев, Лушпенко, 1989, с. 36-38). Поэтому, в полевом сезоне 2003 г. перед нами стояли задачи по углублению раскопа до материкового слоя, вскрытие оставшихся участков алтаря огня и продолжение раскопочных работ по выявлению замкового сооружения верхнего строительного горизонта.

1. На Сангиртепа в середине раскопа 3 впервые углубились до уровня материка (8,5 м), открыли часть ямы глубиной более 1 м. Прослежено два этапа обживания с лепной росписной керамикой, которую из-за ограниченности материала пока не удалось расчле-

нить по периодам. Поэтому, предварительно второй этап выделяется только по уровню пола, который по всей площади шурфа перекрывает более ранний. На основе чего мы этот период с монументальной комбинированной кладкой выделяем как второй этап периода Сангир - I. Стенами с аналогичной комбинированной кладкой (4,5 м) обводятся Сангиртепа (3 га), Узункыр (70 га). Толщина первой стены 3,5 м и таким образом, образуется ядро первого расчлененного типа города в верховьях Кашкадарьи. Аналогичная по системе кладка 3,5 м толщиной открыта в раскопе 13 городища Еркурган. Интересно, что и там под стеной нами был открыт ранний этап с ирригационной системой, берущей начало из водоема. Видимо, однослойные сельские поселения типа Чиракчинского и Турткультепа на территории Южного Согда на втором этапе существования лепной расписной керамики были объединены под управлением центральных городов, образуя ранний этап процесса сиюнизма в Средней Азии.

2. Вторым важным результатом раскопок явилось открытие в западной половине зала храма Сангиртера алтаря огня.

Непрофессиональные раскопки были начаты здесь в 1997 году сотрудниками музея истории материальной культуры города Шахрисабза, где на центральном раскопе шурф был углублен до уровня пола, на глубину 3,5 м от реперной точки, а в западной части раскопа они опустили до грунтовых вод (7,5 м).

В результате западная половина зала алтаря огня храма Сангиртепа была частично разрушена (10x4,4-2,2 м). В том же году работы на памятнике были продолжены сотрудниками Института археологии АН РУз, в результате чего была выявлена его восточная стена длиной более 10 м и толщиной 1,2 м. На полу помещения было вскрыто 24 ямных захоронений золы, песка и гравия. Ямы имеют цилиндрическую форму диаметром 0,35-0,50 м и глубину 0,60-0,90 м. По наблюдению Б.А. Литвинского такие небольшого размера ямы были широко распространены на священных участках - теменосах как в древней Греции, так и в святилищах Востока (Литвинский, 2000, с. 58-60). Размером зал (более 11x11 м) равен центральным залам храмов ахеменидского и эллинистического периодов. Кирпичи (57-58x28-29x9-12 см) использовавшиеся при строительстве стены дают уточнения изменения их формата на территории Согда, указывая что прямоугольный формат применял-

ся еще до греко-бактрийского периода. Впервые квадратные кирпичи (46x46x14-15см) отмечены на Тахти-Сангине.

На расстоянии 1,4-1,7 м от западной стены открыты три базы колонн из рваных необработанных камней. В двух случаях в завале сохранились гнёзда от этих столбов диаметром 30 см. Следует отметить, что северные базы от колонн остались в суфе выступе, что свидетельствует о её позднем сооружении во втором строительном периоде. Размеры баз колонн в одном случае 54x57 см, высотой 15 см, в другом 50x56 см.

Уровень пола нижнего строительного горизонта прослеживается на глубине 3,4-3,55 м от реперной точки. Его поверхность была обмазана глиной, читается небольшая прокаленность светло-коричневого цвета. В северной части зала открыта другая - западная половина алтаря. Она возведена на суфе-выступе по центру зала и прокалена. Ширина открытой западной половины суфы-выступа 4,3 м. На расстоянии 1,5 м от алтаря на суфе вскрыта вымостка камней на ступе-суфе. На ней также прослеживается зола с углями и фрагменты лепного котла. С южной стороны суфы, посередине зала, возможно, находилась небольшая выступающая дорожка, ведущая к алтарю огня от входа в зал. От дорожки сохранились небольшие остатки вдоль восточной стены раскопа. Алтарь построен на поверхности второго пола нижнего строительного горизонта. Все вскрытые зольные захоронения (ямы 19, 20, 21, 24, 28), прослежены в западной части раскопа 1997 года и были замурованы над полом, где построен алтарь огня.

Вдоль западной стены на полу обнаружены две челюсти барана, придонная часть двухстенного хума. В южной части раскопа в неглубоких ямах (глубиной 10-15 см), вскрыта вымостка камней с углями.

Вся открытая часть зала с алтарём огня была забутована обломками сырцовых кирпичей также, как в храме Тиллатепа. В зале с алтарем огня Сангиртепа мы прослеживаем все три вида освящения атрибутов зороастризма: огню (алтарь, зола), воде (песок или гравий), земле (изоляция комьями земли от площади где, видимо, происходила церемония очищения от грехов). Аналогичную функцию носила, видимо, и дорожка, ведущая в колодец на Джаркутане (Аскарлов, Ширинов, 1993, с. 106). Отметим, что следы почитания культов огня и воды, обнаруженные на территории Бактрии, древ-

нее, чем в Иране.

На глубине 2,5 м от реперной точки прослеживается второй (снизу) уровень пола. Поверхность пола неровная, утрамбованная. Над полом в трех местах прослеживается вымостка из камней или галечника. Самая большая площадка вымостки из камней открыта в середине раскапываемой площади, (4x1-1,5 м). Ее глубина 10-15 см. Камни утрамбованы в глину, в некоторых местах в два слоя. Наряду с камнями также были отмечены фрагменты крупных тазо-подобных сосудов, которые появляются только во втором периоде, что можно связывать с изменениями в религиозных обрядах.

В 3 м к югу от этой вымостки прослеживается другая площадка, вымощенная гравием, вскрытая в этом сезоне только частично.

В 3,5 м к северу от центральной вымостки камней открыта яма с песком, диаметром 0,45-0,50 м и глубиной 0,20 м.

В северо-восточной части раскопа, примерно на месте алтаря огня предыдущего периода, зафиксированы остатки прокаленной поверхности, видимо, от алтаря огня второго периода.

При строительстве верхнего горизонта, поверхность была выровнена, толщина второго периода сохранилась всего на 30 см. Сопровождающий материал представлен фрагментами хумов цилиндро-конической формы с манжетовидным и венчиками позднеахеменидского или раннеэллинистического времени.

На глубине 2-2,1 м от реперной точки в южной половине раскопа выявлена утрамбованная площадка, с тремя круглыми по форме ямами неизвестного назначения. Их заполнение состояло из рыхлой земли мусорного характера с золой и керамикой кушаносасанидского времени. Диаметр ям 1,35-2,5 м, глубина с уровня пола 0,3-0,5 м.

В завале коридора была открыта часть обводной стены с бойницами и ограбленный раннесредневековый наус. Первое погребение из него было открыто в 1999 году в восточной части раскопа. Кроме того, вскрыт северо-западный угол дугообразного коридора и часть двора. В коридоре прослеживаются два уровня полов. Ширина коридора 2-2,4 м, длина 10 м. Коридор сооружен из прямоугольных сырцовых кирпичей, а также пахсы. По сопровождающему материалу из заполнения и по отпечаткам на полу очагов можно предположить, что какая-то часть коридора имела жилой характер с каким-то небольшим кустарным производством (шлаки и поды

печей).

В завале коридора вскрыто третье по счету погребение, ориентированное головой на север, на боку, лицом на запад. Руки скорчены, ноги слегка согнуты. Камера заложена остатками пода печей. Кости находились в анатомическом порядке.

Небольшие раскопочные работы были произведены в северо-западной части двора замка. Раскоп здесь ограничивается обводной стеной замка, а восточная сторона - пахсовой стеной жилой архитектуры. Пол двора неровный, утрамбованный, прослеживается на глубине 1,4 м от реперной точки. В двух местах по дугообразной стене открыты проходы, связывающие с коридором, шириной 1-0,7 м. Расстояние между проходами 5,5 м. Найдено каменное пряслице с отверстием в середине. На лицевой стороне вырезан олень, а на обратной стороне, видимо, древнесогдийская надпись. Диаметр пряслица 2,5 см, толщина 0,7 см, диаметр отверстия 0,5 см.

В процессе археологических работ на Сангиртепа прослежены все три периода комплекса керамики Кучуктепа, с IX-VIII вв. по V-IV вв. до н.э., а также греко-бактрийский и кушано-саса-нидские периоды. Впервые на территории Согда открыт центральный зал зороастрийского храма.

Литература

1. Крашенинникова Н.О. Работы в Китабе // АО 1982 г. М., 1984: Лушпенко О.Н. Керамические комплексы раннежелезного века Южного Согда (по материалам Сангиртепа и Узункыр) // Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В.Шишкиной. Государственный музей Востока. 14-16 декабря 2000 г.; Сагдуллаев А.С., Лушпенко О.Н. Новые данные к изучению древнесогдийских поселений // ОНУ, 1989, № 12.
2. Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический Храм Окса. Том 1. М., 2000.
3. Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.

М. Хужаназаров, М. Реутова
(Самарканд)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И КОНСЕРВАЦИОННЫЕ РАБОТЫ НА ПАМЯТНИКЕ НА- СКАЛЬНОГО ИСКУССТВА САРМИШСАЙ

Петроглифическим отрядом Института археологии АН РУз были продолжены работы на памятнике наскального искусства Сармишсай (Хужаназаров, Развадовский, 2003, с.196-202). Работы про-

водились по следующим направлениям: 1. Изучение геологического строения района, где расположены наскальные рисунки. 2. Документирование петроглифов 10 и 13 группы Сармишсая. 3. Консервационные работы наскального искусства.

1. Изучение геологического строения района, где расположены наскальные рисунки проводилось горным инженером-геологом, начальником отдела охраны окружающей среды Навоийского горно-металлургического комбината В.А. Груциновым.

Сармишсай представляет собой горное ущелье на южном склоне горного хребта Каратау, прилегающего к цепи Нурагинских гор, с координатами 40 15 47 северной широты и 65 35 09 восточной долготы, расположенной на высоте 708-891 м над уровнем моря. Ущелье тянется с северо-востока на юг и расположено в 30 км к северо-востоку от города Навои. Борта горной реки Сармиш сложены сильно деформированными, смятыми в складки осадочно-метаморфизированными породами Силурийской системы. Возраст пород (около 430 млн. лет) определен по их структурному положению и содержанию в них граптолитов (*Graptolithida*), окаменевших морских организмов, состоящих из хитиноподобного вещества.

Прибрежные морские отложения нижнесилурийского времени представлены переслаивающейся толщей песчаников, алевролитов и сланцев общей мощностью более 600 метров. Песчаники составляют до 70% всей мощности толщи, большей частью мелкозернистые, темно-серого цвета и состоят из следующих минералов: зерна кварца (SiO_2 - 60-70%), альбита ($\text{Na[AlSi}_3\text{O]} - (5-10\%)$), серицита (тонкочешуйчатой слюды $\text{KAl}_2 [\text{AlSi}_3\text{O}_{10}] (\text{OH Fe})_2$, -1-5%), хлорита $(\text{MgFe})_3 [(\text{OH})_2 \text{Al Si}_3 \text{O}_{10}] [(\text{MgFe})_3 (\text{OH})_6]$ - 1-5%) и тонко рассеянного графита (С- 10-20%).

Обломочные зерна кварца, погруженные в цемент серицит - хлорит - графит- кварцевого состава, не соприкасаются друг с другом. Алевролиты - это сцементированные осадочные породы, сложенные более чем на 50% частицами размерностью 0,01-0,1 мм. По составу образующих их минералов алевролиты аналогичны песчаникам. Прослойки алевролитов в общей толще пород имеют незначительное развитие.

Сланцы - мелкозернистые породы с характерной сланцеватостью, тонкослоистые, от темно-серого до черного цвета, состоят из зерен кварца (70%), графита (20%), хлорита (5%) серицита (5%). В

Рис 1. Плоскость XXII до очистки от надписи.

разрезах встречаются углеродисто-кремнистые сланцы мощностью от одного до 30-50 метров.

Магматические породы каменноугольного возраста (примерно 300 млн. лет назад), пересекающие осадочные породы маломощными дайками гранит-гранодиоритового состава, в среднем течении реки Сармиш встречаются редко. Для описываемого района характерно развитие складчатых и разрывных тектонических нарушений. Структура района сформировались преимущественно в период герцинского тектонического цикла (примерно 300 млн. лет назад). В более позднее время происходило усложнение структуры в виде развития субширотных и поперечных (северо-восточных) разрывов в процессе роста Каратауского горного сооружения. По одной такой ослабленной системе тектонических зон северо-восточного направления река Сармиш прорезала себе русло.

Сармишсайская тектоническая зона характеризуется очень высокой степенью переработки пород, сопровождаемой их окварцеванием, окремнением и интенсивной трещиноватостью. Мощность зон окварцевания и окремнения пород составляет 0,5-1,5 метров вдоль

тектонических швов.

Таким образом, сама природа за многие миллионы лет создала в среднем течении реки Сармиш каменный материал, технологичный и привлекательный для написания нашими далекими предками живописных картин своего времени.

2. Документирование петроглифов 10 и 13 группы Сармишская. Как известно, в настоящее время в Сармишской зарегистрировано около 4000 отдельных изображений, многие из которых собраны в композиции и сцены. Петроглифы были разделены археологами на 15 основных групп, большинство из которых высечены на скалах по обеим берегам примерно на протяжении двух километров вдоль русла реки. Обследование памятника было проведено по общепринятой методике, с учетом локальных особенностей изучаемой территории (Хужаназаров, 1995, с.8). Однако, все рисунки Сармишская до сих пор не были документированы и детальное изучение петроглифов на всех группах не производилось. Эта ситуация убеждает в необходимости комплексного изучения наскального искусства Сармишская.

Известно, что полный цикл изучения наскальных изображений в качестве объекта истории культуры состоит из трех последовательных этапов: сплошного исследования и описания комплекса, классификации и датировки, этнокультурной и смысловой интерпретации.

Надо подчеркнуть - методический арсенал петроглифоведения в 70-90-х годах XX века был очень богат и разнообразен. Например, для того, чтобы ускорить методику фиксации рисунков в полевых условиях нужно было составить сокращенные тексты дневниковой записи. При этом особое внимание уделялось индексации граней рисунков, их расположению, ориентации по сторонам света, характеристике поверхности камня. Фиксировались особенности пустынного загара, техники нанесения и стиля рисунков, Особо отмечалось перекрывание одних рисунков другими. Однако, все эти методы тоже имеют какие-то недостатки. Это вызывается нерегулярностью документируемых данных.

Комплексный метод изучения петроглифов позволяет создать систему документации - научных источников. Методика документации, базы данных петроглифов разработанная археологами Центральной Азии была принята как единая система документации в г.

Алматы в 2003 году на международном научно-практическом семинаре “Петроглифы Центральной Азии: участие общественности, менеджмент, документация и консервация”. Создание такой базы данных откроет кратчайший доступ ко всем известным памятникам наскальных изображений Центральной Азии, что очень важно для всеобъемлющей научной обработки материалов, применению апробированных и эффективных методов консервации камня. Она позволит документально сохранить данные о наскальных рисунках, многие из которых исчезают в результате негативного воздействия как природных так и антропогенных факторов.

По этой методике документированы № 10 и 13 группы петроглифов Сармишса. На №10 группы документирован 194 рисунки на 46 плоскости, а на № 13 группы 300 рисунков на 53 плоскости. Такие базы данных будет составлены ближайший годы на всех группах петроглифов Сармишса,

3. Консервационные работы наскального искусства. В 2003 году впервые начали консервационные работы на памятнике. В ходе обследования памятника было выявлено, что многие из плоскостей, на которых нанесены рисунки, находятся в критическом состоянии. Как было указано выше, состав скальных пород неоднороден по физико-химическим параметрам. Местами он твердый и стабильный, частью же мягкий и разломленный. Из-за смещений после поднятия и затвердевания горных масс, а также землетрясений, на поверхности камней образовались и образуются вертикальные и горизонтальные трещины. Этот процесс усиливается из-за негативного воздействия природно-климатическими факторов. Резкие перепады температур, периоды замораживания и оттаивания попавшей в трещины воды приводит к расширению трещин и, в конечном счете, к выпадению фрагментов камня. Кроме того, лишайники и мелкие растения, произрастающие в трещинах также способствуют интенсивному разрушению плоскостей с рисунками.

В процесс разрушения вносит свою долю и человеческий фактор. Люди, посещающие Сармишсай, оставляют на поверхности рисунков различного рода надписи, ходят по камням. Имеются также следы вандализма - попыток отбивки кусков с петроглифами от камня. Все эти процессы способствуют дестабилизации физического состояния камней с рисунками и в итоге приводят к частичной или полной утрате этих бесценных памятников древнего наскально-

го искусства. Такой процесс уже выявлен в ходе десятилетнего археологического исследования памятника.

В связи с вышеизложенным, целью проводимой работы являлось изучение состояния наскальных рисунков, выявление разрушающих факторов и их возможное устранение посредством применения всевозможных консервационных и реставрационных методов.

Работа первого этапа была сосредоточена на группах X и XIII. При обследовании нескольких плоскостей обеих групп было установлено, что на данное время они находятся в стабильном состоянии. На поверхности плоскостей с петроглифами отсутствуют глубокие и крупные трещины или угрожающие выпадения камня и нет крупных талломов лишайников или произрастающих растений. Однако на отдельных плоскостях на поверхности камня, включая участки с петроглифами, имеются надписи, выполненные краской, а также процарапанные или выбитые острыми предметами. Это, естественно, портит рисунки и мешает их рассмотрению. Поэтому целью проводимой работы являлось удаление надписей и мастиковка выбивки.

На группах X (плоскость 13 и несколько камней без петроглифов) и XIII (плоскости 21, 22, 23, 33) краской различных цветов были нанесены надписи - «автографы» посетителей. В практике реставрации для удаления подобных загрязнений используют многокомпонентные составы (Агеева Э.Н., 2003), поскольку, как показали проведенные эксперименты, чистые органические растворители неэффективны при удалении старых красок. При работе на памятнике Тамгалы для этих целей была использована промышленная смывка «Смелакс 1», не оказывающая вредного воздействия на камень. При ее нанесении краска набухает и легко счищается острым инструментом. Длительность процесса расчистки зависит от состояния поверхности камня. Чаще всего она бывает неровная и краска затекает в заломы и трещинки. Удаление ее оттуда является довольно трудоемким процессом. Для удаления остатков смывки, поверхность камня промывают чистым легколетучим растворителем (ацетон, метилэтилкетон, толуол и др.). На рис. 1 и 2 показана плоскость 22 (группа XIII) до расчистки красочной надписи и после обработки.

Многие «автографы» выбиваются или процарапываются ос-

Рис 2. Плоскость XXII после очистки от надписи.

тремя предметами на поверхности камня и иногда непосредственно на самих петроглифах. Перед реставратором стоит сложная задача - удалить такую надпись, не нанося дополнительного разрушения рисунку. В данном случае «автограф» удаляется мастиковкой строго по рельефу выбитой поверхности. Многочисленные эксперименты и мониторинг результатов показал, что для мастиковки наиболее эффективными являются составы на основе кремний органических соединений (КО-9, МСН-7, К-15/3 и др.) (Агеева Э.Н., 2003; Мельникова Е.П., Никитин М.К., Шигорец С.Б.,1995). Нами был использован состав мастики на основе растертой каменной крошки, кремнийорганического компонента К-9 и ПБМА в толуоле.

С использованием данной методики были удалены надписи на плоскостях 12, 33 (группа XIII).

Различные полимерные составы не одинаково ведут себя в лабораторных и природных условиях. Для определения эффективности их использования при консервации наскальных рисунков на группе XIII был заложен тестовый участок. Различные полимерные составы (Paraloid-B-72 в ацетоне и спирте; К-9 и ПБМА в толуоле) использовались для склейки фрагментов камня, мастиковки трещин и заполнения пустот. Лишайники обрабатывались антисептиками.

Кроме реставрационных работ проводилось обследование других участков с наскальными рисунками. В ходе этого было установлено, что некоторые плоскости с петроглифами находятся в крити-

ческом состоянии. На одних камнях образовались крупные трещины, которые в недалеком будущем могут привести к разлому отдельных участков. На других образцах часть фрагментов уже выпала по основанию и это может привести к откалыванию их верхних частей, где находятся наскальные рисунки. Образовавшиеся водостоки подмывают камни, что приводит к их смещению и последующему разрушению. Все это в итоге может привести и уже приводит к окончательной утрате многих оригинальных образцов наскального изобразительного искусства.

На одном из камней группы II в верхней части появилась большая трещина, которая грозит отслоением и выпадению большого фрагмента с изображением животного. Длина трещины около метра, ширина 1,5-2 см, глубина 12 см. В осеннее и весеннее время в трещину постоянно попадает вода, которая при замерзании зимой расклинивает ее стенки. Из-за этого глубина и ширина разлома увеличиваются. Чтобы частично приостановить этот процесс, трещину заполнили мелкими камнями и землей, а сверху замазали составом из смеси очищенной глины с каменной крошкой, замешанной на воде.

Косвенным мерам защиты (превентивной консервации) в настоящее время отдается предпочтение, потому что они легко могут быть отменены или изменены в случае неэффективности или неудачной реализации. Кроме того, они не затрагивают собственно изображения и не вносят новые соединения на поверхность камня (Дэвлет Е.Г., 2002). Такие меры были применены нами на группе VI. Посетители «обследовали» рисунки этой группы, подбираясь к ним по короткой протоптанной тропинке и перебираясь при этом через камни с петроглифами, что отрицательно сказывалось на петроглифах. Поэтому эту тропинку с самого её начала мы забросали камнями и ветками, имитировав следы камнепада. При этом к группе с рисунками с безопасной для них стороны проложили дорожку, выложенную по бокам камнями. В результате посетители имеют возможность осмотра петроглифов, но добраться до них им затруднительно.

Литература:

1. Хужаназаров М., Развадовский А. Петроглиф гурухининг 2002 йилда олиб борган дала ишлари // Археологические исследования в Узбекистане 2002 год. Ташкент, 2003.
2. Хужаназаров М. Наскальные изображения Ходжакента и Каракияся. Самар-

канд, 1995.

3. Агеева Э.Н. Консервация и реставрация скульптуры из камня. Москва. Издательский центр Российского Государственного Гуманитарного Института. 2003. С. 57.

4. Мельникова Е.П., Никитин М.К., Шигорец С.Б. Консервация наскальных рисунков урочища Тамгалы // Проблемы реставрации культурного наследия народов Средней Азии и технологии древних и средневековых ремесленных производств. Тезисы международной конференции. Самарканд, 1995.

5. Дэвлет Е.Г. Памятники наскального искусства. М., 2002.

Д. Хуфф, Ш.Б. Шайдуллаев
(Берлин, Самарканд)

ЎЗБЕК-ОЛМОН БАКТРИЯ АРХЕОЛОГИК ОТРЯДИНИНГ ЖАРҚЎТОН ЁДГОРЛИГИДА ОЛИБ БОРГАН ИШЛАРИ ЯКУНЛАРИ

ЎЗР ФА археология институти ва Германия археология институти ўртасидаги илмий шартномага биноан қўшма археологик отряд 1993 - 2003 йиллар мобайнида Жондавлаттепа ва Жарқўтон ёдгорликларида археологик казишма ишларини олиб борди (Huff, Pidaev, Shaydoullayev, 2001). Икки институтнинг Жарқўтонда олиб бориши лозим бўлган археологик казишма ишлари тўғрисидаги шартнома ўз якунига этди. Ўтган 10 йил мобайнида халқаро отряд томонидан Жарқўтон ёдгорлигида энг янги фан янгиликларини қўлга киритди. Булар жумласига:

- Ўзбекистон худудида илк давлатларнинг шаклланиши бронза давридан бошланиши янги илмий маълумотлар билан бойитилди (Шайдуллаев, 2002; Шайдуллаев, 2003).

- С/14 анализлари ёрдамида Жарқўтон ёдгорлигининг янги хронологик даври аниқланди (Görsdorf J., Huff D., 2001, P.75-87).

- Жарқўтон олов ибодатхонаси жойлашган №6 тепалик ва унинг қуйи қатламлари тўлиқ қазилди, натижада бу ерда ёдгорликнинг илк қурилиш даврига оид монументал иншоот - сарой ўрни очилди (Шайдуллаев, Хуфф, Рахимов, 2003).

- Жарқўтон арки худудининг тўртта жойида йирик казишма ишлари олиб борилди ва аркнинг планиграфияси борасида янги маълумотлар тўпланди (Huff., Shaidullaev, 1999. P.608-611).

- Жарқўтон аҳолисининг Қадимги Шарқ маданиятлари марказлари ва Евроосиё кўчманчи маданиятлари билан маданий алоқалари

борасида бой ашёвий маълумотлар тўпланди (Шайдуллаев, Хуфф, 2000)

- Сополли маданиятига оид барча бронзадан ишланган ашёлар жамланиб гуруҳ, тип ва варианларга ажратилди, уларга ясалиш техникаси ва шакллари жиҳатидан энг яқин аналогиялар келтирилди, бронза предметлари асосида сополли маданиятига янги хронологик даврлаштириш таклиф этилди (Kaniuth, Teufer, 2001).

- Нашр этилган ва янги манбалар асосида Сополли маданиятига оид барча қабрлар махсус компьютер дастури асосида ишлаб чиқилди (Kaniuth, Teufer, 2001).

Ўтган 10 йил давомида Жарқўтонда ўтказилган археологик тадқиқотлар якунлари 2005 йилда бир гуруҳ муаллифлар жамоаси томонидан монография ҳолида ЎзР ФА археология институти ва Германия археология институти номидан нашрга топширилади.

Ўтган давр мобайнида 38 та ёш ва етук Германиялик археолог Ўзбекистонга келди ва Жарқўтонда олиб борилган тадқиқот ишларида қатнашди. Икки нафар ёш истедодли Германиялик ва бир нафар Ўзбекистонлик олим Жарқўтон манбалари асосида фан номзодлиги илмий унвони учун диссертация ёзди ва муаффақиятли химоя қилишмоқда (Кай Каниут, Майк Тойфер, Комилжон Рахимов).

Шу шартнома асосида Ўзбекистонлик 33 та олим Германияда ўз илмий малакаларини оширдилар, 6 нафар олим эса илмий маърузалар қилиш учун Берлин шаҳрига таклиф этилди.

Ўзбек-Олмон археологик экспедицияси ЎзР ФА археология институти қошида кичик босмаҳона ташкил этишга кўмак берди. Ҳар йили ушбу босмаҳона керакли анжом ва қоғоз маҳсулотлари билан таъминланди.

Германия археология институти ўзбек олимларининг илмий мақолаларини мунтазам равишда ўз тўпламларида нашр қилишни йўлга қўйди. Хуллас, ҳар икки институтга манфаатли бўлган ушбу шартнома янги илмий йўналишлар асосида давом эттирилади деган умиддамиз.

Адабиётлар:

1. Dietrich Huff, Chakir Pidaev, Chapulat Chaydoullaev. Uzbek-German arhaeological researches in the Surkan Darya region. La Baktriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie Centrale. Paris, 2001.
2. Gursdorf J., Huff D. C/14-Datierungen von Materialien aus der Grabung Djarkutan, Uzbekistan // AMIT. Band 33, Berlin, 2001, P.75-87.
3. Шайдуллаев Ш.Б., Д.Хуфф, К.Рахимов. Жарқўтон-2002 // Ўзбекистонда архео-

логик таджикотлар. Тошкент, “А.Қодирий нашриёти”, 2003.

4. D. Huff. Djarcutan // *Archaeologischer Anzeiger*. 1999. DA1. Berlin 2000. p. 608-611.

5. Шайдуллаев Ш.Б., Дитрих Хуфф. Некоторые результаты работ Узбекско-Германской экспедиции на городище Джаркутан // ИМКУ Вып.30, Самарканд, 1999.

6. Шайдуллаев Ш.Б.. Илк давлатларнинг археологик белгилари // *Ўзбекистон тарихи. Ўзбекистон Республикаси ФА “ФАН” нашриёти*, 2002 йил. 3-сон. 3-10 бетлар.

7. Шайдуллаев Ш.Б. Сополли маданиятининг пиктографик белги-ёзувлари // *Ўзбекистонда ижтимоий фикр*. Тошкент, 2003 йил. 2-сон.

8. Kaniuth K. und Teufer M. Zur Sequenz des Grdburfeldes von Rannij Tulchar und seiner Bedeutung für die Chronologie des spdtbronzezeitlichen Baktrien // *AMIT*. Band 33, Berlin, 2001, P.89-115.

Ш.Б. Шайдуллаев
(Самарканд)

ШЕРОБОД САРДОБАСИ

Сардобалар асосан сув танқис ҳудудларда қурилган. Шу вақтгача Бактрия - Тоҳаристон ҳудудида сардобалар маълум эмас эди. Бу ҳудудда савдо йўллари асосан дарё бўйларида жойлашганлиги сабаб сардобалар қуришга зарурат сезилмаган.

Шундай бўлсада Бактрия - Тоҳаристоннинг чўл минтақаларида, ички йўллар бўйларида сардобаларнинг ҳам қурилганлигининг гувоҳи бўлдик. Шеробод буюк ипак йўлининг энг серкатнов тармоқларидан бири бўлган Самарқанд-Балх савдо йўлида жойлашган. Бактрия-Тоҳаристон ҳудудидан ҳалқаро йўллар ўтиши билан бирга, ўзининг ички йўлларига ҳам эга бўлган. Шундай йўллардан бири

Шеробод-Калламосор-Бешэркак-Хўжабулғон-Бойсун йўли бўлиб, Калламосор ва Бешэркак қишлоқлари орасида Сардоба иншотининг сақланиб қолганлигининг гувоҳи бўлди.

Сардоба Шеробод шахрининг шимоли-шарқий томонида, Шеробод дарёсидан 7 км шарқда, чўл худудда жойлашган (Расм 1). Сардоба қурилиши учун энг қулай жой танланган. Биринчидан, йўл устида қурилган бўлса, иккинчидан баланд адирликлар орасида жойлашганлиги, ёмғир вақтида адирликлардан оқиб тушадиган учта сойнинг суви сардоба қурилган жойга тўпланиши ва умумий ҳисоб бўйича 12 гектар майдоннинг суви бир жойда, яъни сардобага келиб қуйилиши кузатилди.

Сардобанинг тархи доира шаклида бўлиб, диаметри 9 метрни ташки қилади. Ички қисмининг диаметри эса 6,30 м. Ташки тарафдан арк шаклли кўринишда. Баландлиги ер сатҳидан ҳисоблаганда 4 м. Сардоба девори ош тузи рангидаги кварц тошдан терилган. Девор қалинлиги ер сатҳида 1,35 метр қалинликда бўлиб, баландга кўтарилган сари ингичкалашиб борган. Фишт сифатида фойдаланилган кварц тошларнинг қалинлиги 0,15 м, узунлиги 0,80 метргача боради. Ҳар бир қатор тошлар орасига лой қўйиб терилган. Сардобада қазимша ишлари олиб борилмади, унинг атрофидан терилган сополлар XVIII аср охири, XIX аср бошларига оидлиги билан характерланади.

Т. Ширинов, К. Алимов, С. Баратов, К. Рахимов, Н. Сапаров,
Н. Бороффка, Б. Вюннеманн, Хр. Райнхардт, Ф. Соррель,
С. Кривоногов,
(Ўзбекистан, Германия, Россия)

**ПОЛЕВЫЕ РАБОТЫ ПО ПРОЕКТУ INTAS ARAL № 00-1030:
“КЛИМАТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЭПОХУ ГОЛОЦЕНА И
РАЗВИТИЕ ПОСЕЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА В БАССЕЙНЕ
АРАЛЬСКОГО МОРЯ”**

**“HOLOCENE CLIMATIC VARIABILITY AND EVOLUTION OF
HUMAN SETTLEMENT IN THE ARAL SEA BASIN (CLIMAN)”**

В рамках проекта INTAS: “Климатические изменения в эпоху голоцена и развитие поселений человека в бассейне Аральского моря” (“Holocene climatic variability and evolution of human settle-

ment in the Aral Sea Basin (CLIMAN)”) международная экспедиция в составе Института археологии АН РУз, Объединенного института геологии, геофизики и минералогии СО РАН (Новосибирск), Германского Института археологии (Берлин) (DAI. - Eurasien-Abteilung), Центра исследования Земли (Потсдам) (GeoForschungs Zentrum) и Свободного университета (Берлин) Freie Universitet Berlin проводила исследования бассейна Аральского моря на территории Республики Узбекистан.

Целью работ являлись локализация известных и, по возможности, новых археологических памятников в непосредственной близости от береговой линии южной части Аральского моря, проведение картирования которых, при уточнении их датировки, могло позволить реконструировать в исторической ретроспективе развитие уровней моря, реакцию человека на их изменения, а также вероятное влияние антропогенного фактора на эти колебания. При проведении исследований на исследуемых участках и местонахождениях, с целью реконструкции окружающей среды изучавшихся исторических периодов проводился сбор палеоботанических и палеозоологических проб с целью воссоздания палеоэкологии, а также проб на C-14 для уточнения датировок.¹

Исследуемая территория была разделена на 5 зон, на площади которых фиксировались археологические местонахождения, отбирались геоморфологические и палеозоологические пробы.

На пути к первой зоне (Зона I) западнее Бухары по дороге из Бухары в Хазарасп севернее шоссе на территории древней дельты р. Зеравшана было зарегистрировано первое местонахождение (AS 1). Здесь найдены несколько фрагментов керамики и кремневые отщепы, характерные для эпохи энеолита. Все находки лежали в зоне аллювиального выброса, оставленного северным краем дельты Зеравшана.

Зона I включала в себя Акчадарьинскую дельту. Исследование зоны было начато с территории бывшего Хорезмского озера (Толстов 1962; Толстов, Кесь, 1960). В окрестностях Аяз-Калы изучался северный берег озера, место его стока в Акчадарьинскую дельту и древние рукава Акча Дарьи. При этом были зарегистрированы пункты AS 2-31 - стоянки эпохи неолита и бронзы, поселения и городища античного и средневекового времени.

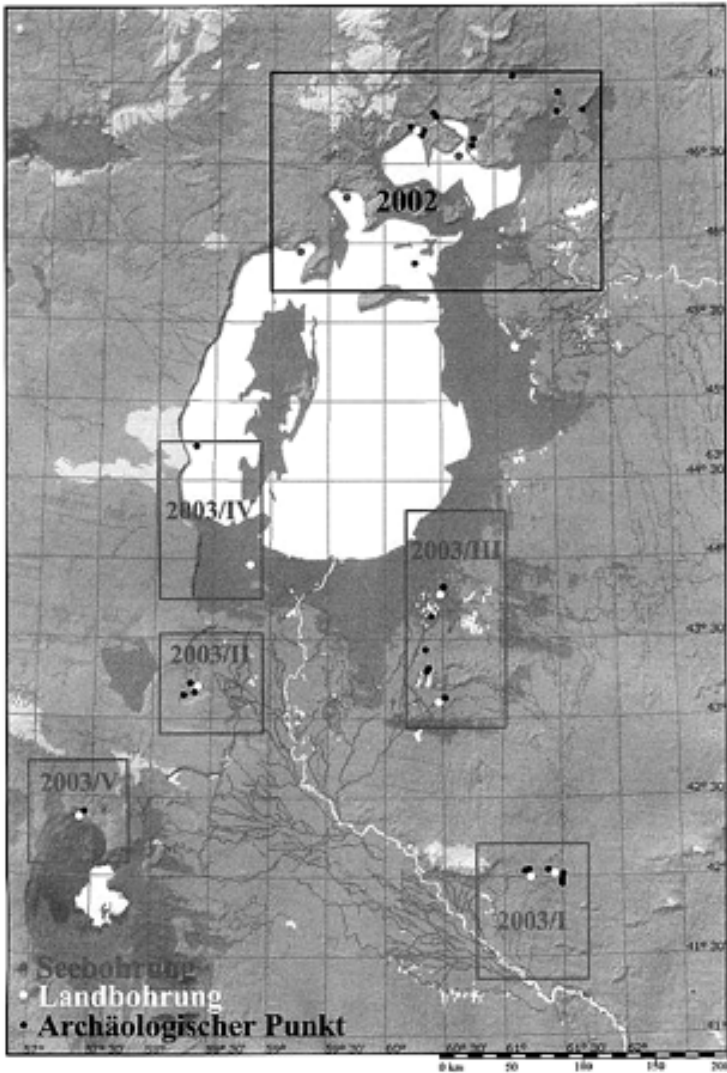
На пространстве, занятом в прошлом Хорезмским озером были

сняты координаты трех ранее известных городищ: Аяз-Калы, Большой и Малой Кырккыз-Калы.

В месте, где Акча Дарья вытекала из Хорезмского озера с целью выяснения фаз их активности произведено бурение донных отложений. Бурением выявлено не менее 8 м донных озерных отложений (бурение не доведено до материка). Вода в озере была довольно соленая. На древних рукавах Акча Дарьи, на берегу и дне Хорезмского озера найдены материалы, относящиеся к эпохе неолита, бронзы и хорезмшахского периода (AS 2-4, 11-26). На северном берегу оз. Аязкуль также были зарегистрированы местонахождения, относящиеся к эпохе неолита, бронзы и средневековья, которые ранее были неизвестны (AS 5-10, 27-31).

Время существования Хорезмского озера обычно относится к среднему и позднему этапам четвертичного периода (А.С. Кесь, М.А. Итина, А.В. Виноградов, 1970. С. 110-113), однако имеется вероятность того, что большая часть этого озера могла существовать и в неолитический период. В период развитого неолита известные нам поселения располагаются исключительно по краю Хорезмского озера, а также в его середине - на возвышенности (Джанбас-Кала), где они находятся на абсолютных высотах от 100 м и выше. В более низкой части ложа озера они зафиксированы на высотах от 75 до 90 м. Представляется вероятным, что относительно стремительный прорыв Хорезмского озера через Акча Дарью к Аралу мог произойти где-то в конце неолита или в начале эпохи бронзы. К началу эпохи бронзы видимо следует относить и образование Акча Дарьи. Река, переполнив зеркало воды в уже заиленном и обмелевшем озере до критических отметок спровоцировала прорыв озера в его северо-восточной части.

С началом эпохи бронзы картина совершенно меняется. На дне бывшего Хорезмского озера, так и на пространстве всего течения Акча Дарьи до передней части ее дельты (Зоны I и III) найдены следы поселений этого времени. В этот период некоторые протоки Акча Дарьи на дне Хорезмского озера оказались высохшими. Следы поселений этого времени были найдены на поверхности их русел. Восточная боковая протока, проводившая воду со стороны Эрес-Калы на север к Ангка-Кале прекратила существование в эпоху поздней бронзы. На восточном берегу этой протоки известны остатки разветвленных амирабадских поселений (Воробьева, 1973. С. 6).

В эпоху раннего железного века дельта Акча Дарьи по-видимому прекращает свое функционирование. На раннем этапе заиленные русла дельтовых проток посредством их углубления используются для сооружения каналов. На финальном этапе каналы выводятся независимо от русел прямо из Аму Дарьи (Воробьева, 1973. С. 6-7). К этому времени по-видимому возникают и первые

оросительные системы, которые могли использоваться для нужд земледелия и возможно для осушения определенных территорий.

В античный период оба рукава Акчадарьинской дельты (севернее и южнее возвышенности Бельтау) вероятно снова были активны, так как поселения там по-прежнему располагаются по старому течению. Как далеко эта система дельт продолжалась на северо-восток уверенно определить не представляется возможным. Расположение оборонительных сооружений Аяз-Калы 1, 2, Большой Кырккыз-Калы и др. на территории бывшего Хорезмского озера указывает на существовавший в то время влажный болотистый или частично покрытый водой ландшафт. Многие городища располагаются на возвышенностях, городища же расположенные на равнинной местности не имеют рвов.

Интенсивное освоение Акча Дарьи отмечено для 12-13 вв. н.э. Обследованы обширные многочисленные площадки полей с неглубокими оросительными арыками, наводнявшимися из магистральных каналов.

Зоной II были очерчены исследования юго-восточного края плато Устюрт, на территории которого были зарегистрированы пункты AS 32-115. Располагающийся в зоне солончак Караумбет сохранил следы, позволяющие предполагать, что некогда он являлся бухтой Арала у подножия плато Устюрт. Поиск проводился вдоль края чинков с целью выявления следов высокого стояния уровней Аральского моря. На верхнем краю плато было зарегистрировано около 70 координат погребальных сооружений или групп погребений, которые ранее не были описаны в археологической литературе (Ягодин, 1978. С. 144) (AS 32-48, 57-111). В том числе сняты координаты известной сигнальной башни Пулджай (AS 112) (Маньлов, 1978. С. 226), во время последующей поездки к оз. Сарыкамыш на южном краю плато был зарегистрирован еще один пункт - горная выработка 4-3 вв. до н.э. (AS 139). У подножия плато сняты координаты и дообследовано известное в литературе укрепленное городище Пулджай (AS 49) с прилегающим неукрепленным рабадом, состоящим из удаленных друг от друга на расстояние 50-90 м отдельных домов-усадеб (AS 50-56). Наибольшая концентрация остатков строений наблюдается на высохшем рукаве Аму Дарьи, впадавшем в оз. Караумбет. Изучение последних представляется особенно интересным и имеет большое значение тем,

что высохшее русло реки и остатки рабада оказались перекрыты морскими донными отложениями с аральскими раковинами *Cerastoderma* и *Dreissena*, что свидетельствует о том, что данная территория некогда была затоплена Аралом. Благодаря полученному материалу представилась возможность откорректировать предложенную ранее датировку (Ягодин, 1985. С. 94-107) остатков культурной деятельности человека на обследованном участке: первой половины 1 тысячелетия н.э. и 12 - конец 14 вв. н.э. Большая часть погребальных комплексов, расположенных на краю плато вероятно принадлежала комплексу Пулджай и расположенному к юго-западу от него городищу Саксаулсай. В 8 км севернее комплекса Пулджай обнаружены остатки еще одного не укрепленного поселения 12-13 вв. н.э. (AS 114-115).

На обследованной территории - на рабаде Пулджай и на находящихся рядом поселениях, располагавшихся на уровне с абсолютными отметками от 53 до 55 м зафиксирован наивысший известный в литературе уровень стояния воды в Аральском море. Остатки уже прекративших существование архитектурных сооружений и культурные слои 4-5 и 12 - конца 14 вв. н.э. перекрывают морские донные отложения и остатки аральской фауны. Период времени, в который имело место максимальная трансгрессии Арала, зафиксированная на территории Зоны II требует еще своего уточнения. В данном случае можно лишь уверенно исключить период трансгрессии, имевший место в 60-е годы 20 века (уровень воды - 53 м). Следы затопления в Зоне II были зафиксированы Я.Г. Гулямовым еще в 40-х годах 20 века, а во второй половине 19 в. здесь функционировала Караумбетская дорога и производились интенсивные грабительские раскопки (Гулямов, 1957. С. 153-154), что по нашему мнению исключает вероятность затопления Аралом Зоны II в период последней трансгрессии.

Зона III, включала в себя северо-западную часть древней дельты Акча Дарьи западнее и южнее Бельтау, участок дельты Акча Дарьи и Жана Дарьи севернее Бельтау, а также прилегающее к ним бывшее Аральском море. Зарегистрированные на территории зоны пункты (AS 116-138) представили материалы эпохи бронзы, античности и средневековья. Западный и северный край Бельтау обследовался на предмет наличия следов высокого стояния уровня воды Аральского моря и связанных с ним поселений. Кроме того иссле-

довались периоды активности расположенного южнее Бельтау рукава юго-западной Акчадарьинской дельты. Часть северной Акчадарьинской и Жанадарьинской дельт севернее Бельтау до береговой линии уровня зеркала Арала 1960 г. была исследована экспедицией С.П. Толстова (Толстов, 1962). Западная часть ее в тот период находилась под водой и по этой причине не могла быть обследована. На главном рукаве южной части Акча-Дарьи были найдены местонахождения бронзового времени, раннего железного века, античности и эпохи средневековья (AS 122-123, 129-133, 138) не известные до последнего времени и иллюстрирующие периоды фаз активности этой части дельты. Этот рукав Акча Дарьи мог питать оз. Каратерен, расположенное к западу от Бельтау. На последнем были найдены остатки поселений эпохи бронзы (AS 124-128, 134-137). В области, примыкающей к Акчадарьинской дельте с севера на бывшем дне Аральского моря между дюнами были сделаны находки каменных орудий и керамики эпохи бронзы (AS 116-121).

Находки, относящиеся к эпохе бронзы располагаются на древних рукавах северной части Акчадарьинской дельты, доходивших до Аральского моря и заканчивавшихся на высохшем сегодня дне Арала на абсолютных отметках около 42 м (Пинхасов, 2003), что позволяет предполагать уровень моря в эпоху бронзы на этой высоте.

На территории **Зоны IV** обследовалось высохшее и обнажившееся в последние десятилетия дно южной части Арала к северо-западу от Муйнака до линии современного берега Арала. На всем исследовавшемся пространстве культурных остатков жизнедеятельности человека обнаружено не было. Найдены остатки затопленных в древности деревьев. С одного из них была взята проба на дендрохронологию.

Зона V охватывала район, прилегающий с севера к оз. Сарыкамыш. На берегу озера были зарегистрированы три местонахождения (SK 1-3) с находками керамики 11 и 14 вв. н.э.

Сарыкамышская впадина, которая длительное время была сухой, в последнее десятилетие искусственно заполняется водами Аму-Дарьи. Уровень воды в озере уже достиг абсолютной высоты +7 м. Самая высокая древняя береговая линия озера зафиксирована на высоте 54 м. Находки керамики 11 и 14 вв. были сделаны на абсолютных высотах от 7 до 36 м, что маркирует колебания уровней

воды в озере в эти периоды. Учитывая это, а также тот факт, что, согласно топографической карте, на дне котловины западнее места, которое посетили мы, есть могилы, можно сделать предварительный вывод о том, что последняя трансгрессия озера Сарыкамыш до высоты порога стока воды в Каспий была ранее 11 века.

Сноски

2 Все описанные участки исследовались пешком. Местонахождения регистрировались при помощи ручного GPS (e-trex Venture), при помощи которого снимались координаты и абсолютные высоты местонахождений. В исключительных случаях, при регистрации некоторых местонахождений - могильных полей, содержавших большое количество курганов и городища Пулджай на плато Устюрт регистрировались большее количество пунктов. Исследование структуры поселений и местонахождений не являлось задачей работ. Их целью была - топографическая фиксация местонахождений, их культурная атрибуция и хронологическое определение. К сожалению исследовательская группа была ограничена во времени, в результате чего в означенных Зонах посещались и обследовались лишь незначительные участки. По этой причине проведенные полевые работы ни в коем случае не претендуют на полное обследование изучавшихся территорий.

Summary

Preliminary report on the 2003 field work of the INTAS project Aral № 00-1030 “CLIMAN - Holocene climate variability and evolution of human settlement in the Aral Sea Basin”

During the 2003 CLIMAN expedition five (I-V) areas of the former Khorezm Lake and the southern Aral Sea shore were surveyed. More than a hundred archaeological sites covering the period from the Neolithic (ca. 7000-3000 BP) to the Medieval Age (up to 400 BP) could be registered. For the former Khorezm Lake (zone I) it appears likely, that it existed until the Neolithic, since archaeological sites from this period lie only around its former shores or on heights above 100 m a.s.l. in the centre (near Dzhanbas-Kala). During the Bronze Age, an outflow along the Akcha Darya channel became active and settlements were established along this course, as well as on the former lake bed. In the course of the Iron Age this delta gradually ceased to function and irrigation-agriculture was practiced. This economy continued into the Middle Ages, as numerous field plots with small channels prove. Zone II is located at the former Karaumbet Bay of the Aral Sea. The geographic co-ordinates for a large number of funerary structures could be registered. Many important finds were recovered from the fortress and city of Pulzhaj, which allow a correction of the date for this site: 4th -5th 12th -14th centuries AD. The area of the city was later flooded by the Aral Sea, as shown by lake sediments and large quantities of *Cerastoderma* and *Dreissena*, both typical of the Aral Sea fauna. Zone III is the region around and to the north of the Beltau range, where the deltas of the Akcha Darya and the Jana Darya lay. No previous research had taken place to the north, since this area was still flooded during the Khorezm Expeditions activity. New finds, especially of the Bronze Age, indicate a water level around 42 m a.s.l. for that time period. The now dry lake bed north-west of Mujnak was studied as zone IV. No archaeological sites were identified, but remains of flooded trees show that there had

been a major regression previously. The northern rim of the Sarykamysh depression was zone V. At present it is artificially filled with water at a level of 7 a.s.l. The highest ancient shoreline was identified at 54 m a.s.l. while below this archaeological finds of the AD 11th and 14th centuries were recovered. Thus there have been fluctuations in the water level here too, but probably these were independent from the Aral Sea.

Литература:

1. Воробьева М.Г. Дингильдже. М., 1973.
2. Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957.
3. Кесь А.С., Итина М.А., Виноградов А.В. К палеогеографии Акча Дарьи // КСИА. Вып 122, М., 1970.
4. Мынылов Ю.П. Средневековые хорезмийские памятники восточного чинка // Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта, Ташкент, 1978.
5. Пинхасов Б. Устное сообщение. Определено произведено по спутниковым снимкам. Ташкент.
6. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
7. Толстов С.П., Кесь А.С. Низовья Аму-Дарьи. Сарыкамьш, Узбой. История формирования и заселения. МХЭ. Вып. 3. М., 1960.
8. Ягодин В.Н. Памятники кочевых племен древности и средневековья. // Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта, Ташкент, 1978.
9. Ягодин В.Н. Некоторые вопросы исторической географии Приаральской дельты в 7-14 вв. Археология Приаралья, Вып. 3. Ташкент, 1985.

Дж. Я. Ильясов
(Ташкент)

РАСКОПКИ У БАШНИ № 7 НА КАМПЫРТЕПА

В составе Узбекско-Российской Тохаристанской археологической экспедиции (руководитель ТАЭ - Э.В. Ртвеладзе) автор вел раскопки на участке застройки, с юга примыкающем к внешней стене крепости у башни № 7 на городище Кампыртепа в Музрабадском районе Сурхандарьинской области. Согласно схеме, предложенной архитектором Д.В. Русановым в первом выпуске «Материалов Тохаристанской экспедиции» (Русанов, 2000, с. 19, рис. 1), данный участок входит в т.н. Блок 8 (Bl. 8), хотя по результатам раскопок на этом и других участках застройки, по-видимому, со временем нужно будет уточнить границы и нумерацию жилых блоков.

Планировка исследуемого участка была частично выявлена в 1999 г.; в непродолжительном сезоне 2003 г. удалось раскопать по уровню 1-го (верхнего) пола два помещения (пом. 1 и 2), составля-

ющих отдельную двухкомнатную «секцию».

К внутренней грани внешней оборонительной стены Кампыртепа, имеющей на этом отрезке толщину ок. 3 м (по верху), примыкает платформа, построенная из кирпича-сырца размером 32х32х10 см. Она сохранилась в высоту на 160 см, это 13 рядов кирпичей, горизонтальные швы между которыми имеют толщину от 2-3 до 4-5 см, а вертикальные до 4-5 и 7 см. Протяженность платформы с запада на восток 5,4-5,5 м, ширина 2,2-2,5 м. Она перегораживает т.н. галерею («военную улицу») на участке между башнями № 7 и № 8, располагаясь ближе к башне № 7. У юго-западного угла платформы сходятся галерея и улица, имеющая ширину ок. 1,70 м и тянущаяся в юго-западном направлении.

С юга к платформе пристроено пом. 1, составляющее вместе с расположенным к югу от него помещением 2 изолированный комплекс. Проход в северо-западном углу связывает пом. 1 с улицей, а с пом. 2 оно связано проходом в юго-восточном углу. Отметим следующее обстоятельство: по-видимому, из-за особенностей рельефа на данном участке, продольная ось улицы и, соответственно, ось застройки, образуют с направлением крепостной стены не прямой, а тупой угол. Для того, чтобы направление стен здания оставалось параллельным направлению улицы, помещению 1 придана трапециевидная форма. Его размеры: 4,1 по северной стене, 4 м по южной, 1,6 м по западной и 2,7 м по восточной. Северная стена пом. 1, сложенная из двух рядов кирпича-сырца, частично пристроена к южной грани платформы, частично продолжается в восточном направлении. Поскольку в восточной стене пом. 1 и 2 проходов не имеется, получается, что на данном участке отрезки галереи («военной улицы»), расположенные к западу и к востоку от платформы, изолированы друг от друга. Следовательно, основная функция галереи - обеспечение беспрепятственного передвижения вдоль всей крепостной стены - на этом отрезке нарушена. По-видимому, это связано с падением военного значения фортификационных сооружений и превращением отрезков галереи в подсобные помещения.

Возвращаясь к описанию пом. 1 отметим, что проход в северо-западном углу, ведущий на улицу, имеет ширину 80-85 см и порог высотой в 75 см (6 рядов кирпичей размером 32х?х10 см). Непосредственно рядом со входом, в северной стене пом. 1 сделана ниша

глубиной 40-50 см. Ширина ниши равна 1 м в ее начале, и 90 см в глубине, дно ниши на высоте ок. 40 см от пола 1, сохранившаяся высота - 1,50 м; верхняя часть (арка?) не сохранилась. Пол на глубине -3,41-3,43 м от нулевого репера. Стены помещения оштукатурены; в юго-восточном углу в южной стене сделан проход в пом. 2. Ширина прохода 1,10 м, порог, продолжающий линию южной стены пом. 1, сделан из трех рядов кирпичей, в каждом из которых по три кирпича (28x28x10 см). Высотная отметка порога - 3,15 м от репера, то есть он выше пола в пом. 1 на 28-30 см. Кирпичи уложены в проходе и со стороны пом. 2, но рядов меньше на один кирпич (высотная отметка - 326 м).

Пом. 2 в плане подквадратное, имеет размеры 4x3 м. К западу от прохода к северной стене пристроен прямоугольный очаг, его размеры 55-59x73 см, высота основания 13 см, высота боковых стен 26 см. Участок стены над очагом прокален докрасна и закончен. Пол в пом. 2 на глубине - 3,29-3,34 м от нулевого репера.

Рельеф участка понижается по направлению с севера на юг, соответственно, высота северной стены пом. 1 - 1,60-2,00 м; стены, разделяющей пом. 1 и 2 - 1,30-1,50 м; максимальная сохранность южной стены пом. 2 - 1 м.

Пом. 1 было сверху заполнено натечно-надувными слоями. Ниже располагался мощный слой кирпичного завала, образовавшийся при обрушении верхушек стен. Среди кирпичей завала, сохранившихся зачастую целиком (32x31x10-12 см), найдены обломанная жженая плитка размером 36x35x3,5 см; фрагменты лепных крышек и куски разбитых хумов. Фрагменты хумов в беспорядке лежали как под кирпичами завала, так и на них; по-видимому, при обрушении верхушек стен хумы, стоявшие на полу, разбились, и куски их разлетелись по помещению. Под слоем завала шел слой рыхлого заполнения, перекрывавший пол 1, находящийся, как отмечено, на глубине -3,41-3,43 м от нулевого репера. Пол плотный, имеет белесую поверхность, на нем слой натечков. В юго-западном углу помещения в полу имеется округлая выемка, по-видимому, место, где стоял хум. Восточнее расположено другое углубление овальной формы, назначение его не совсем ясно. Нижняя часть хума *in situ* сохранилась в северо-восточном углу пом. 1. Ее перекрывал кирпичный завал. Дно хума пробито (возможно, при транспортировке), поэтому для устранения дефекта на дно намазан толстый

слой ганча. К югу от данного хума в перевернутом вверх дном виде находилась нижняя часть другого хума. Данный хум, по-видимому, стоял рядом с предыдущим, к северо-западу от него; здесь сохранилась ямка полукруглого сечения, соответствующая выпуклому дну хума.

Заполнение пом. 2 имеет сходный с пом. 1 характер. На полу 1 натеки, выше - рыхлое комковатое заполнение, на котором лежит завал кирпичных стен, перекрытый до дневной поверхности натечно-надувным слоем. Непосредственно в юго-восточном углу на полу 1 лежал кусок штукатурки размером примерно 10x10 см с побелкой (на стенах помещения побелки не сохранилось). Здесь же, близко к углу на полу лежит крупноформатный сырцовый кирпич размером 38x38x12 см.

Находки. В пом. 1 найдены в разбитом и раздавленном состоянии три хума. Хумы имеют манжетовидный венчик, в нижней части которого проходит неглубокая выемка. Кроме того, в завале, на полу и на дне ниши найдены фрагменты плоских круглых лепных крышек, которыми, по всей вероятности, были закрыты устья хумов. На верхней поверхности крышек, в центральной части, до обжига было сделано круглое углубление, с одной стороны которого имеется прочерченный по сырой глине полукруг. В заполнении помещения, несколько выше пола 1, у северной стены, найдена целая миниатюрная керамическая тарелочка. В восточной части помещения в заполнении над полом найдена небольшая сделанная на круге крышка с фигурной ручкой. Любопытен изготовленный на круге керамический предмет, вероятно, воронка. Из помещения происходят фрагменты чаш, мисок, кувшинов, лепного котла и других видов посуды.

На полу 1 найдена половинка бусины из зеленого стекла.

Из металлических предметов найдены обломок бронзовой заколки с навершием в виде уплощенного шара, а также кусочек свинца (?). Среди кирпичей завала найден также железный однолезвийный нож серповидной формы, на черешке которого сохранилась заклепка для крепления рукояти.

Также из завала происходит обломок обожженной кости, одна из сторон которой была отполирована (фрагмент рукояти ножа?). В юго-западном углу помещения найден рог барана (архара?), а в северо-восточном – кости от бараньей ноги с лопаткой.

В северо-западном углу пом. 1, между входом и нишей среди кирпичей завала найден небольшой фрагмент (2x2 см) венчика деревянной чаши, покрытой ярко-красной и черной красками.

В заполнении пом. 1 найдены четыре бронзовые монеты: «Сотер Мегас» (Вима Такто), Кадфиз II и две монеты Канишки I.

В пом. 2 найдены фрагменты лепных керамических крышек, ножка красноангобированного бокала, фрагменты чаш, мисок, «пряслице», выточенное из стенки сосуда, мелкая стеклянная бусина, бусина из стеклянной пасты.

Полученный при раскопках керамический материал соответствует великокушанскому комплексу (конец I - середина II вв. н.э.) (Болелов 2002).

Вызывает интерес наличие на плечиках трех хумов знака в виде свастики, концы которой повернуты по часовой стрелке. Крупного размера знаки прочерчены по сырой глине, размеры их 8x8,5, 8,6x10 и 7,5x8,5 см. Свастика и свастикообразные знаки уже встречались на фрагментах хумов, находимых на Кампыртепа (Ртвеладзе, 2002. С. 105, рис. 17). Не вдаваясь в подробный анализ, отметим, что свастика - один из древнейших и очень широко распространенных символов, встречается на территории Бактрии уже с эпохи бронзы (Абдуллаев, 1977. С. 29-42). В кушанском контексте свастику можно считать либо наследием древней местной традиции, либо заимствованием из буддийской символики, либо, что менее вероятно, личной или родовой тамгой. Наличие свастики на хумах позволяет рассматривать ее, скорее всего, как знак, служащий оберегом содержания сосудов.

В заключение отметим, что описанный изолированный комплекс из двух помещений, в первом из которых хранились припасы, а во втором имелся очаг, служил, вероятно, для размещения небольшой группы людей. Возможно, они занимались обслуживанием прилегающего участка крепостной стены и платформы, судя по месту расположения данной «секции».

Литература:

Абдуллаев А. Солярный знак из Тамошотепа и его аналогии // Материалы по археологии и истории Таджикистана. Душанбе, 1977. Ртвеладзе Э. Надписи и знаки Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 3. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2002.

Русанов Д. Градостроительная культура Кампыртепа эпохи Кушан // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. 1. Археологические исследования Кампыртепа. Ташкент, 2000.

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА БОГРАХАН

Археологическим отрядом Каракалпакского Госуниверситета было продолжено исследование городища Бограхан, расположенного на правом берегу сухого русла Каракул, одного из левых притоков низовьев Амударьи. Цель исследования: дальнейшее выявление планировок домов северо-западного участка шахристана городища.

Полностью вскрыт дом, состоящий из 6-ти помещений и одного узкого коридора, часть из которых была вскрыта в прошлом году. Главный вход находится с восточной стороны дома, его ширина 1,8 м. Перед входом расположен узкий (0,9 м) коридор длиной 4,5 м. Северный конец коридора ведет в помещение № 2, размерами 3,7х3 м. В западной стене коридора находится проход в помещение № 1 (2,25х1,85 м). Южный конец узкого коридора связан с помещением № 4 (5,5х3,1 м). Ближе к середине западной стены вскрыто ташнау плохой сохранности размерами 1,1х1,1 м. В середине северной стены расположен проход (0,8 м) в помещение № 3 (4,4х3,5 м). Здесь в юго-западном углу выявлено ташнау устроенное из каменного диска мельницы. Диаметр диска 0,6 м, толщина 5 см. Противоположный угол помещения занят суфой (3,2х2,1 м), где в юго-восточном углу устроен очаг кана. Вертикальный дымоход кана проложен в западной стене.

В западном конце южной стены помещения № 4 находится проход, ведущий в помещение № 5 (4,7х3,8 м). В середине его раскопана очажная тумба. В юго-восточном углу вскрыто ташнау, а севернее от нее нижняя часть керамического тандыра диаметром 0,4 м.

В юго-восточном углу помещения № 4 нами вскрыт проход в помещение № 6 (5,6х3,7 м). Здесь в центре выявлено полуразрушенное ташнау, сооруженное из жженных кирпичей. Пол помещения также выложен из жженных кирпичей, сохранившихся на некоторых участках. Западная часть помещения занята суфой с очагом. Ширина суфы 1 м. Возможно данное помещение служило домашней баней.

Можно также предположить, что в данном доме помещения № 1 и № 2 служили для склада, помещения № 3 и № 5 - для жилья, помещение № 6 для бани а № 4 и остальные - подсобного характера

Вместе с тем, нами вскрыто жилое помещение № 7, расположенное с

восточной стороны помещения № 4 размерами 4,5x3,4 м. Вход в помещение находится в конце восточной стены шириной 1 м. Западная половина помещения занята суфой шириной 2,5 м. и высотой 30 см. В суфе вскрыта яма размерами 1,1x0,7 м на глубину 0,7 м. Стенки ямы выложены жженными кирпичами. В восточном борте суфы ближе к южной стене устроен очаг кана с дымоходом, подведенный к западной стене.

С южной стороны помещения № 5 вскрыта северная часть помещения № 8 шириной 5,2 м. К восточной стене пристроена суфа - шириной 1,5 м, высотой 40 см. Ближе к северо-западному углу помещения расположены две ямы диаметрами 0,9 и 0,7 м и глубиной 35 см.

Стены помещений выложены по нижней части жженными кирпичами, от 2 до 5 рядов размерами 24-26x24-26x5 см. На кирпичную кладку выстелена камышовая прокладка и на ней возведена пахсовая кладка. На некоторых участках стены помещения № 1 отмечена кладка из сырцовых кирпичей, размерами 26-28x26-28x5 см. Сохранившаяся высота стены от 0,4 до 1,5 м. Стены оштукатурены глиной с примесью самана сохранившихся лишь в отдельных местах.

В основном во всех помещениях прослеживается один уровень земляного пола. По нему идет культурный слой толщиной 5-20 см, а выше него вскрыты завалы стен.

Основную часть находок накопленных при раскопках шахристана составляет керамика, характерная для XI - начала XIII и XIII-XIV вв. В единственном экземпляре найден наперстник в виде обручального кольца, фрагменты прямоугольного подноса и ложка, сделанные из бронзы.

О высоких художественных традициях металлических изделий свидетельствует бронзовый светильник с кольцевым коническим поддоном без ручки. По форме он похож на чайник, в плане клинообразной формы. В задней части венчика расположено два ушка с дырочками для оси крышки (она отсутствует). Боковые стенки носика и корпуса находятся по одной линии и имеют растительный орнамент. Высота сосуда 5,5 см, длина 8,5 см.

Особый интерес представляет подвесной девятирожковый светильник из талька. В центре расположен усеченно-конический выступ. Сверху ушки из железной проволоки. К ушку прикреплена бронзовая цепочка длиной 22 см. Вокруг выступа расположен цилиндрический резервуар диаметром 9 см. Общий диаметр светильника 24 см. Нижняя поверхность и наружные стенки светильника украшены геомет-

рическим и растительным орнаментами.

Г.Х. Ходжаниязов, С.У. Хелмс, Т.Д. Колин
(Нукус - Сидней)

ИССЛЕДОВАНИЯ В ЮЖНОМ КАРАКАЛПАКСТАНЕ

Экспедиция ИИАЭ ККО АН РУз и Сиднейского Университета – Австралии продолжила исследования на городище Акшахан-кале, расположенной на территории Берунийского района Республики Каракалпакстан (Ходжаниязов, Ягодин, Хелмс, Макларен, 2001, с.175-181, Helms, Yagodin, Belts, Khozhaniyazov and Kidd, 2001 pp. 119-144, Ходжаниязов, Хелмс, Снеддон, 2002, с. 165-171, Helms, Yagodin, Betts, Khozhaniyazov, Negus, 2002, pp. 4-43).

Продолжен раскоп IX на восточных воротах Верхнего города (далее ВГ). Работы подтвердили выводы предыдущих лет о том, что указанный проход ворот имеет сплошное сырцовое мощение в три ряда на песчаном растворе. Ниже уровня сырцового пола выявлены две параллельные пахсовые стены-цоколи восточная и западная, общей толщиной около 10 м и максимальной высотой 1,4 м, с откосами с той и с другой стороны. Пространство между ними шириной 1,62 (по верху) и 0,82 (по низу) м, заполнено сырцовыми кирпичами (43-49х43-49х10-14см) в 9 рядов на песчаном растворе. Пахсовые цоколи находятся на кирпичной кладке из четырех рядов, общей толщиной 0,62 м. Эти кирпичные кладки поставлены на материковый - засыпной аллювиальный песок (0,12 м). Таким образом общая толщина проезжей части ворот ВГ составляет около 2,16 м, не считая сырцового пола.

Раскоп, заложенный вдоль въезда и поперечно к нему, показал, что сырцовые кладки проезжей части ворот выходят за его пределы на восток и образуют дорожку шириной 3,7 м, высотой 1,47 м. Длина вскрытой части составляет 8 м. При этом, согласно ее южного фаса, первоначально были построены параллельные коридорообразные стены из сырцового кирпича на глиняном растворе. Потом пространство между этих стен толщиной 0,8 м каждый, заполнено сырцовыми кирпичами на песчаном растворе в 11 рядов. Эта своеобразная дорожка, вероятно, сделана специально для перехода через цокольную часть ворот высотой 2,24 м вовнутрь ВГ.

В местах, где стрелковый коридор примыкает к проезжей части ворот, он прегражден поперечными стенами, оставляя проемы шириной 0,45 м, вероятно, для вылазки. Эти проемы с внутренней стороны были заложены сырцовыми кирпичами на глиняном растворе. Толщина закладки 0,8 м, сохранившаяся высота 1,42 м.

В результате траншеей (2x14 м), заложенной в 22 м к югу от юго-западного угла предвратного лабиринта, частично вскрыта крепостная стена с коридором, башня и протехизма ВГ. При углублении до уровня сырцового пола, между протехизмой и крепостной стеной выяснилось, что они были возведены из того же строительного материала и в тех же конструктивных приемах, что и в других изучавшихся участках крепостных систем ВГ (р. VI, IX).

При этом протехизма была прослежена на севере, которая не доходя до прохода лабиринта разделяется на две стороны, западный конец примыкает к южной стене, башни лабиринта и тем самым закрывает путь к площадке предкрепостных стен, другой конец идет параллельно южной стене лабиринта на восток, вероятно, образуя длинный узкий коридорообразный проход перед входом в лабиринт.

Таким образом установлено, что протехизма опоясывает не только ВГ по всему периметру, но и служит дополнительной защитой на участке ворот.

Произведены поверхностные зачистки юго-западной угловой башни ВГ, которая как по планировке и размерам, так и по конструкции аналогична северо-восточной угловой башне (р. VI). В ходе раскопок получен керамический комплекс IV-III вв. до н.э.—III в. н.э.

В результате воздействия климатических условий за последние несколько лет обнажились из песчаных массивов отдельные участки фортификационных систем городища и окружающие его такыры. В середине северной стены ВГ, например, обнаружены ворота с предвратным лабиринтом. Подъем к нему осуществлялся, вероятно, с помощью пандуса. А также, не исключено, что в середине западной стены имелись еще одни четвертые ворота ВГ. Юго-западный угол ВГ окружен толстой кирпичной стеной, возможно с внутренним коридором. Вероятно его следует расценивать в качестве цитадели.

Получены новые данные по конструкции длинных стен прослеженных на более чем 5 км. В свое время здесь были выявлены бойницы, нижняя часть которых в количестве 15, обнаружены на участ-

ке недалеко от северо-западного угла городища Акшахан-кала

В районе городища прослеживались также следы снивирированных агроирригационных систем, неукрепленных сельских поселений, отдельно стоявших сооружений. В 43 километрах к северу-востоку от городища Акшахан-кала открыто поселение, известное среди местного населения под названием «Дали кала». Оно представляет собой обнесенное стенами прямоугольное сооружение (166,2x42-45 м) вытянутое по оси восток-запад. Поселение возвышалось над поверхностью такыра на 1-1,75 м. и состоит из двух частей восточной в плане подквадратной (43x45 м) и западной прямоугольной (125x43 м). Судя по расположению, первый из них находится вероятно, на более высоком месте и занимает командное положение по отношению ко второму.

На территории Дали-кала собраны фрагменты красноглиняной стеновой керамики, подавляющая часть которой относится ко II-III вв.

Кроме того, в последние годы в Ташкырманском оазисе были открыты памятники античного (Шопан кырылган кала, Шейтлик), так и возможно кушано-афригидского (Свент кала) периодов.

Литература

Ходжаниязов Г.Х., Ягодин В.Н., Хелмс С.У., Макларен Б.К. Раскопки на Акшаханкале // Археологические исследования в Узбекистане - 2000 год. Самарканд, 2000.

Helms S.W., Yagodin V.N., Berts A.V.G., Khozhaniyazov G. and Kidd F. Five seasons of excavations in Tash-Kirman oasis of ancient Chorasmia.. 1996-2000. An interim report // Iran № 39, London, 2001

Ходжаниязов Г.Х., Хелмс С.У., Сннедон Э. Археологические исследования на городище Акшаханкала в 2001 году // Археологические исследования в Узбекистане - 2001. Ташкент, 2002

Helms S.W., Vagodin V.N., Betts A.V.G., Khozhaniyazov G., Negus M. The Karakalpak -Australian Excavations in Ancient Chorasmia the Northern Frontier of the "Civilised" Ancient World // Ancient near eastern studies Volume XXXIX Louvain, 2002.

Л.Г. БРУСЕНКО

В марте 2004 года на 74 году жизни скоропостижно скончалась Людмила Григорьевна Брусенко - известный в Узбекистане ученый-археолог, кандидат исторических наук, специалист в области средневековой археологии. Л.Г. Брусенко родилась в г. Ташкенте 9 июля 1930 года. После окончания школы она поступает в театральное-художественное техническое училище, которое окончила в 1952 году. В этом же году поступает в ТашГУ на восточный факультет, который впоследствии был переименован в исторический.

После окончания университета в 1958 году поступает на работу в Институт истории и археологии, а после образования в 1970 году Института археологии в городе Самарканде переходит в него, где и проработала до выхода на заслуженный отдых.

Людмила Григорьевна работала на поселение Кучуктепа в Сурхандарьинской области, городище Афрасиаб. Но основная ее деятельность связана с Ташкентской областью и городом Ташкентом (курганы в Ташкентской области, городища Канка, Намудлыг, Мингурюк, Ханабад, Бинкет). Скромная в жизни, неприхотливая в полевых условиях, она являла пример высокого профессионализма и в методике полевых исследований, и в научных публикациях.

Л.Г. Брусенко является автором обстоятельных статей и нескольких коллективных монографий: Древний Ташкент (1973). Древности Ташкента (1976). Древняя и средневековая культура Чача (1979). Но основной ее работой хорошо известной специалистам и наиболее цитируемой является монография "Глазурованная керамика Чача IX-XII вв." (1986).

Светлая память о Л.Г. Брусенко навсегда сохранится в сердцах тех, кто знал или работал с ней.

Коллектив Института археологии
Академии наук Республики Узбекистан

СОДЕРЖАНИЕ

1. Абдуллаев Б.М., Матбабаев Б.Х., Машрабов З.З. Археологические раскопки Андижанского отряда.	4
2. Абдуллаев К. Археологические работы в Паенкургане в 2003 году (Бойсунский район Сурхандарьинская область)	9
3. Абдуллаев К., Еркулов А. Тетрадрахма Гелиокла из Джама	15
4. Абдуллаев К., Станчо Л. Археологические работы на Джандавляттепа	19
5. Абдулахатов Н.У. Кувадан топилган сопол парчасидаги тасвир	26
6. Анарбаев А.А., Ререн Т, Максудов Ф.А. Археологические исследования на городище Ахсикет.	29
7. Аширов С.А. Шейко К.А. Археологические работы на городище Канка	43
8. Баратов С.Р. Археологические работы в Южном Хорезме.	46
9. Бердимуратов А.Э., Раимкулов А.А. Холматов Н., Ф. Франческенин, Мантелини С. Результаты исследований Узбекско-итальянской экспедиции в Самаркандской области	51
10. Буряков Ю.Ф., Алимов У., Богомолов Г.И. Археологические исследования на городище Шахрухия	56
11. Грицина А.А., Иваницкий И.Д., Рахимов К. Раскопки на городище Эски Хавас.	61
12. Жўрақулов М.Ж. Самарканд палеолит макони манбаларини янги ёндашув асосида ўрганиш натижаларидан	65
13. Жўрақулов М.Ж., Холматов Н.У. Самарканд Университети тадқиқотларидан	70
14. Исламов У.И. Исследование культур каменного века в Узбекистане	74
15. Кдырнийзов М-Ш., Кдырнийзов А., Сайпов С. Продолжение раскопок средневековых построек в южной части Миздахкана.	76
16. Лебедева Т.И. Археологические исследования на мечети Бибиханым	82
17. Мамбетуллаев М.М. Глиняная статуэтка из Куюккалы	92
18. Мамбетуллаев М.М., Юсупов О., Турманов Ж. Исследования на городище Куюккала	95
19. Матрасулов Ш., Сагдуллаев Б. Археологические раскопки в Кят-кале	98
20. Матбабаев Б.Х., Иванов Г.П., Новое о типах жилищ на поселениях Чустской культуры в связи с раскопками городища Дальверзин	101
21. Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л., Малкиель И.К., Абдуллаев Б.М., Сабилов Н.Д., Торгоев А.И. Результаты археологических исследований на городище Пайкенд	108

22. Мирзаахмедов Д.К. Результаты археологических исследований к югу от тима Абдуллаханана в г. Бухаре	119
23. Мусакаева А. Монета с изображением всадника	126
24. Мустафакулов С.И. Антропологические исследования Старого Термеза	129
25. Мухитдинов Х.Ю. Археологические наблюдения за консервационными работами у мечети медресе Тиллякори	131
26. Папахристу О.А., Хеншоу К., Насриддинов Ш. Глазурованная керамика XI-XII вв. из раскопок IX городища Эски Ахси.	139
27. Пидаев Ш.Р., Като Кюдзо. Археологические работы на Каратепа в Старом Термезе	147
28. Рапен К., Исамиддинов М.Х., Грицина А.А. Работы на городище Коктепа (раскопы 11 и 1)	158
29. Рузанов В.Д. О votивных металлических изделиях из памятников земледельческих культур Северной Бактрии бронзового века	170
30. Сулейманов Р.Х, Глантз М. Раскопки грота Ангилак	177
31. Тойчиев Х.А., Крахмаль К.А., Абдуназаров У.К., Бондарь О.В. Исследование хроностратиграфии антропогена в бассейне реки Ангрен	179
32. Хасанов М., Мехендали С. Раскопки на Сангиртепа в Кашкадарье	182
33. Хужаназаров М., Реутова М.А. Консервационные работы на памятнике наскального искусства Сармишсай	186
34. Хуфф Д., Шайдуллаев Ш.Б. Ўзбек-Олмон Бактрия археологик отрядининг Жарқўтон ёдгорлигида олиб борган ишлари якунлари.	194
35. Шайдуллаев Ш.Б. Шеробод сардобаси.	196
36. Ширинов Т.Ш., Алимов К., Баратов С., Бороффка Н., Вюннеманн Б., Кривоногов С., Райнхардт Хр., Рахимов К., Сапаров Н., Соррель Ф. Полевые работы по проекту INTAS Aral № 00-1030: «Климатические изменения в эпоху голоцена и развитие поселений человека в бассейне Аральского моря» «Holocene climatic variability and evolution of human settlement in the Aral sea basin (Climan)»	197
37. Ильясов Дж.Я. Раскопки у башни № 7 на Кампиртепа	205
38. Туребеков М. Исследования городища Бограхан	210
39. Ходжаниязов Г.Х. Хелмс С.У. Колин Т.Д. Исследования в Южном	212

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В УЗБЕКИСТАНЕ - 2003 ГОД**

Выпуск - 4

Ежегодный сборник результатов археологических работ за
прошедший полевой сезон

На узбекском и русском языках

Печатается по решению бюро Самаркандского отделения АН РУз
и Ученого совета Института археологии АН РУз

На обложке культовый предмет из Сохского оазиса
(II тыс. до н.э.) (Ферганская долина)

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Т.Ш. Ширинов

Редакторы:
к.и.н. Б.Х. Матбабаев
к.и.н. А.А. Грицина
к.и.н. Д.К. Мирзаахмедов

Технический редактор
Т.Х. Очиллов

Компьютерный набор:
М.В. Кондрикова, Ф. Боймухамедова

Сдано в набор 15.01.2004 г. Подписано в печать 12.03.2004 г.
Формат 84x108 1/32. Усл.печ.л. 11,8. Уч.изд.л. 12,48. Тираж 500 экз.
Бумага офисная. Заказ 99.

« Ўзбекистон миллий энциклопедияси »
Давлат илмий нашриёти
Ташкент - 129, ул. Навои, 30.

Отпечатано в Институте археологии АН РУз.
Самарканд, ул. акад. В. Абдуллаева, 3